

УО1
Н83М

Понимание процесса экономических изменений

Дуглас Норт

С Е Р И Я

Э К О Н О М И Ч Е С К А Я

Т Е О Р И Я

В Ы С Ш А Я

Ш К О Л А

Э К О Н О М И К И

UNDERSTANDING
THE PROCESS
of ECONOMIC
CHANGE

DOUGLASS C. NORTH

ПОНИМАНИЕ ПРОЦЕССА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

ДУГЛАС НОРТ

Перевод с английского
КИРИЛЛА МАРТЫНОВА
НИКОЛАЯ ЭДЕЛЬМАНА

И

1185692-693(2)

Научная библиотека
Кубанского
госуниверситета

*Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2010

УДК 330.341.2

ББК 65.01

Н83

Составитель серии

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Научный редактор

АРТЕМ СМИРНОВ

Норт, Д.

Н83 Понимание процесса экономических изменений [Текст] / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 256 с. — (Экономическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0754-4 (в пер.).

В настоящей работе лауреат Нобелевской премии по экономике Дуглас Норт (род. 1920) предлагает новый подход к пониманию процесса экономических изменений. Исходя из представления о том, что экономический рост зависит главным образом от качества институтов, обеспечивающих существование рынков, гарантии прав собственности и низкие транзакционные издержки, автор показывает, как различные общества приходят к различной институциональной инфраструктуре, которая во многом определяет траектории их экономического развития. Норт утверждает, что экономические изменения зависят от способности общества создавать производительные, стабильные, честные, общепризнанные и в то же время гибкие институты, способные меняться в ответ на изменение политической и экономической обстановки. Не отказываясь от своего более раннего определения институтов как формальных и неформальных правил, ограничивающих экономическое поведение, автор рассматривает и более глубокие условия развития этих правил и изменения экономик.

УДК 330.341.2

ББК 65.01

ISBN 978-5-7598-0754-4

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Publisher.

© Princeton University Press, 2005

© Оформление. Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
I. КРАТКИЙ НАБРОСОК ПРОЦЕССА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ	13
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПОНИМАНИЕМ ПРОЦЕССА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ	25
ВВЕДЕНИЕ	25
II. НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В НЕЭРГОДИЧЕСКОМ МИРЕ	26
III. СИСТЕМЫ УБЕЖДЕНИЙ, КУЛЬТУРА И КОГНИТИВНАЯ НАУКА	42
IV. СОЗНАНИЕ И ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА	63
V. СТРОИТЕЛЬНЫЕ ЛЕСА, ВОЗВОДИМЫЕ ЛЮДЬМИ	77
VI. ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ	101
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПУТЬ В БУДУЩЕЕ	124
ВВЕДЕНИЕ	124
VII. ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СРЕДЫ	128
VIII. ИСТОЧНИКИ ПОРЯДКА И БЕСПОРЯДКА	148
IX. ПРИЧИНЫ УСПЕХОВ И ПРОВАЛОВ	166

Х. ТРИУМФ ЗАПАДНОГО МИРА	182
ХІ. ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА	209
ХІІ. ПОВЫШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕ- СКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ	222
ХІІІ. КАМО ГРЯДЕШИ?	237
ЛИТЕРАТУРА	244

ПРЕДИСЛОВИЕ

Понимание процесса экономических изменений позволит нам объяснить, почему экономики мира в прошлом и настоящем демонстрировали столь разную эффективность. Мы сможем понять, в чем заключались причины непрерывного экономического роста в США и Западной Европе, яркого взлета и столь же стремительного падения Советского Союза, разительного контраста между энергичным экономическим развитием Тайваня и Южной Кореи и отсутствием успехов в странах Африки южнее Сахары, почему столь разными путями шла эволюция Латинской Америки и Северной Америки. Помимо понимания прошлого, такие знания послужат ключом к повышению экономической эффективности в настоящем и будущем. Реальное понимание экономического роста открывает путь к еще большему росту благосостояния и преодолению нищеты и лишений.

Экономическая парадигма — неоклассическая теория — создавалась не для того, чтобы объяснить процесс экономических изменений. Мы живем в мире неопределенности и непрерывных изменений, эволюция которого все время идет по новым и неожиданным путям. Стандартные теории в этих условиях едва ли на что-нибудь годятся. Попытка разобраться в экономических, политических и социальных изменениях (притом что невозможно изучать изменения в одной из этих сфер в отрыве от прочих) требует фундаментальной перестройки нашего образа мысли. Удастся ли нам создать динамичную теорию изменений, сопоставимую по своему изяществу с теорией общего равновесия? Вероятно, следует ответить — «нет». Но если мы сможем прийти к пониманию скрытого процесса изменений, то, видимо, у нас появится возможность вы-

двигать более конкретные гипотезы в отношении изменений, которые могут колоссально повысить пользу общественно-научных теорий при решении проблем, с которыми сталкивается человечество.

Настоящее исследование представляет собой развитие — очень существенное развитие — новой институциональной экономики. Его масштабы позволят должным образом оценить краткий обзор моих прежних работ об институциональных изменениях. Уже в самых первых исследованиях, написанных совместно с Лэнсом Дэвисом [Davis and North, 1971] и Робертом Томасом [North and Thomas, 1973], я рассматривал институты как ключ к пониманию экономики, потому что они создают структуру экономических стимулов. Кроме того, я изучал, чем объясняется существование экономик, состоящих из институтов, которые создают стимулы к стагнации и упадку. Скрытым источником такой устойчивости должны быть какие-то черты людского окружения и то, каким образом люди его воспринимают. В моих предыдущих исследованиях не учитывался характер социетальных изменений и то, каким образом люди понимают его и как это понимание влияет на их действия.

Экономические изменения — это процесс, и в данной книге я опишу природу этого процесса. В противоположность дарвиновской эволюционной теории, ключом к эволюционным изменениям человечества является интенциональность игроков. На механизмы отбора в эволюционной теории Дарвина не влияют представления о конечных результатах. Напротив, эволюция человеческого общества направляется представлениями игроков; выбор совершается в свете этих представлений с намерением добиться результатов, снижающих неопределенность, с которой сталкиваются организации — политические, экономические и социальные, — преследуя свои цели. Поэтому экономические изменения по большей части являются сознательным процессом, формируемым представле-

ниями участников о последствиях их действий. Источником этих представлений служит то, во что игроки верят: теории, предсказывающие последствия их поступков и обычно неотделимые от их предпочтений.

Но каким образом люди приходят к пониманию своего окружения? Выдвигаемые ими объяснения представляют собой ментальные конструкторы, основанные на опыте, как современном, так и историческом. Процесс обучения — это нечто большее, чем накопление индивидуумом опыта в течение своей жизни. Помимо этого, обучение включает в себя совокупный опыт прошлых поколений. Совокупные знания общества, воплощенные в языке, человеческой памяти и системах хранения символов, состоят из верований, мифов, обычаев, которые составляют культуру общества. Культура не только определяет эффективность общества в данный момент времени, но также посредством того, как выстроенные на ней структуры создают сдержки для игроков, вносит свой вклад в процесс изменений. Поэтому основное внимание мы должны уделить вопросу обучения — выяснить, чему учатся люди, как выученные знания распространяются по всему обществу, разобраться в процессе постепенного изменения представлений и предпочтений и в том, как эти изменения сказываются на экономической эффективности.

Отчасти выстроенные людьми структуры представляют собой эволюционный результат успешных мутаций, тем самым входя составной частью в генетическую структуру человека: сюда, например, относится врожденная склонность к сотрудничеству в маленьких взаимодействующих группах; другая часть этого наследия — результат культурной эволюции, выражающейся, в частности, в развитии институтов, способствующих сотрудничеству более крупных групп. Какая именно доля приходится на генетическую структуру, а какая — на культурное наследие, вопрос спорный. Психологи-эволюционисты делают упор на генетиче-

ской структуре, принижая роль культурного наследия. Некоторые характерные черты ментальных конструкций, созданных людьми (такие как сверхъестественные объяснения, то есть религии в широком смысле), наводят на мысль, что они обусловлены скрытыми структурами мышления, присущими всем людям. Равным образом колоссальные различия в характеристиках эффективности различных обществ ясно говорят о том, что культурный компонент воздвигнутого людьми здания также является ключевым фактором, определяющим эффективность известных из истории экономик и государств.

Наблюдаемый в течение всей человеческой истории разрыв между намерениями и результатами отражает хронические противоречия между подмостками, которые люди строят для наблюдения за своим окружением, и непрерывно изменяющейся «реальностью» этого окружения. Эти противоречия и их последствия для условий человеческого существования в прошлом, настоящем и, разумеется, будущем и служат темой нашей книги. В первой части будут рассмотрены разные стороны вызова, связанного с приобретением углубленных познаний о процессе экономических изменений. Вторая часть представляет собой экскурс в прошлое, предпринятый в целях более глубокого понимания.

Нам не удастся построить пригодную модель экономических изменений, если мы не будем понимать их процесс. Хорошая модель включает в себя предварительное осознание сложных факторов, из которых складывается этот процесс, и их последующее сознательное упрощение ради выделения ключевых элементов. Понимание — необходимая предпосылка, которой не хватает экономисту, стремящемуся создать модель экономического роста и экономических изменений. Нам еще далеко до полного понимания этого процесса, и до тех пор, пока мы не пройдем путь до конца, нам не видать серьезных успехов в деле повышения экономической эффективности. Нижеследующее пред-

ставляет собой попытку приблизиться к такому пониманию.

Данное исследование потребовало для своего завершения большого времени — более десяти лет — и оказалось бы невозможно без щедрой помощи со стороны многих организаций и лиц.

И Вашингтонский университет, место моего постоянного обитания, и Институт Гувера в Стэнфорде, моя зимняя резиденция, создали благоприятную обстановку для проведения работы. Центр Меркатуса при Университете Джорджа Мэйсона и Стэнфордский институт международных исследований принимали у себя конференции по темам, освещающимся в данной книге, и я выражаю глубокую признательность Полу Эдвардсу и Брайну Хуксу из Центра Меркатуса, а также Сайеду Шарику, игравшему ключевую роль при организации конференций в Стэнфорде.

Мои коллеги по Вашингтонскому университету терпеливо отвечали на мои бесчисленные вопросы и аргументы. Выражаю особую благодарность Ли и Александре Бенэм, Паскалю Бойеру, Рэндоллу Калверту, Джону Дробаку, Сукоо Ким, Джеку Найту, Гэри Миллеру, Джону Наю, Норману Скофилду и Итаю Сенеду.

В Стэнфорде особую помощь в расширении моих познаний мне оказали Пол Дэвид, Стив Хейбер, Авнер Грайф, Уолтер Пауэлл, Нейт Розенберг и Барри Вейнгаст.

Я также глубоко признателен участникам конференций (помимо вышеупомянутых), посвященных различным темам данной книги, в том числе Ли Элстону, Роберту Кутеру, Леде Космидес, Трауинну Эггертссону, Джин Энсмингер, Грегори Гроссману, Филипу Хоффману, Тимуру Курану, Крису Мантзавиносу, Джоэлю Мокиру и Вернону Смиту.

Я признателен Кевину Маккэйбу, который в сотрудничестве со своими коллегами по экспериментальной лаборатории Университета Джорджа Мэйсона проводил эксперименты, имеющие целью проверить ряд основополагающих предположений данного исследо-

вания. Продолжительные дискуссии с Энди Кларком и Мерлином Дональдом позволили мне лучше разобраться во многих важнейших проблемах когнитивной науки.

Джозель Мокир и Джон Уоллис прочитали всю рукопись, сделав по ней подробные замечания; Филип Кифер сделал то же самое, работая в Непале. Питер Догерти из издательства Принстонского университета также выступил с подробными замечаниями по всей рукописи. Их комментарии позволили существенно улучшить окончательный вариант.

Моя некомпетентность в обращении с компьютером более чем компенсировалась содействием способных экспертов, неоднократно приходивших мне на выручку, — Боба Паркса и Флорина Петреску в Сент-Луисе и Дэна Вилхелми в Институте Гувера. Кроме того, я признателен за ценную помощь двум помощникам по исследованиям — Арту Кардену и Ури Суходольскому и моему уемому секретарю Фанни Батт.

Глубочайшую благодарность выражаю своей супруге Элизабет Кейс, которая не только взяла на себя редактуру всей рукописи, но и стойко перенесла длительный и порой весьма мучительный период выживания этой книги.

Хочу также поблагодарить за любезное разрешение использовать следующие издания.

Вышедшее в издательстве Стэнфордского университета: *North D. C. The Paradox of the West // Origins of Modern Freedom in the West / R. W. Davis (ed.), copyright 1995 by the Board of Trustees of the Leland Stanford Jr. University.*

Вышедшее в издательстве Йельского университета: *North D. C., Summerhill W., Weingast B. Order, Disorder, and Economic Change // Governing for Prosperity / B. Bueno de Mesquita, H. Root (eds.), copyright 2000 by Yale University.*

I. КРАТКИЙ НАБРОСОК ПРОЦЕССА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Понимание экономических изменений в широком смысле слова, начиная с восхождения западного мира и заканчивая распадом СССР, требует от нас анализа гораздо более широкого спектра явлений, чем сами эти изменения. Последние являются результатом изменений (1) в количестве и качестве населения; (2) в количестве человеческого знания, и в особенности знания, касающегося нашей власти над природой; и (3) в институциональном каркасе, который задает продуманную стимулирующую систему общества. Всеобъемлющая теория экономических изменений, таким образом, объединяла бы в себе теории демографического развития, накопления знания и институциональных изменений. У нас нет пока хороших теорий для каждой из этих сфер, и мы пока не способны связать их в единую теорию, но все же здесь есть определенный прогресс. Центральная тема этого исследования, которая также является ключевой для улучшения экономических показателей, — это сознательные усилия людей, направленные на установление контроля над миром, в котором они живут. Соответственно, приоритет здесь отдается институциональным изменениям, которые влекут за собой стимулирующие последствия для демографического развития и накопления знания. Однако нет причин считать, что такой подход уместен и для двух последних типов изменений.

Структура, которую мы накладываем на наши жизни для уменьшения неопределенности, состоит из предписаний и запретов, а также артефактов, кото-

рые возникают в процессе их накопления. Результатом является сложная смесь формальных и неформальных ограничений. Эти ограничения встроены в язык, материальные вещи и убеждения. Вместе они определяют формы взаимодействия между людьми. Если мы концентрируемся исключительно на экономике, то имеем дело с дефицитом, а следовательно, с конкуренцией за ресурсы. Структура ограничений, которую мы накладываем для упорядочивания этой конкуренции, определяет правила игры. Поскольку различные виды рынков (политических и экономических) имеют различные границы, в рамках которых может разворачиваться конкуренция, то накладываемая нами структура определяет, будет ли структура конкуренции приводить к увеличению экономической эффективности или к стагнации. Так, хорошо развитые права собственности, которые стимулируют продуктивность, будут увеличивать рыночную эффективность. Динамическая структура политических и экономических рынков является ключом для понимания производительности.

Хотя неопределенность, которая пронизывает наше существование, может быть уменьшена при помощи наложенных нами структур, полностью устранить ее невозможно. Накладываемые нами ограничения сами имеют неясные последствия, что отражает как наше несовершенное понимание окружающей действительности, так и равно несовершенную природу формальных правил и неформальных механизмов, которые мы используем для внедрения этих ограничений.

Эта книга является исследованием неустанных попыток людей получить большую власть над собственной жизнью и того, как эти попытки сталкивались с новыми и неожиданными проблемами, которые следовало разрешать. Это исследование идей (*perceptions*), которые влекут за собой институциональные инновации, направленные на уменьшение неопределенности или преобразование неопределенности в риск. Это

также исследование постоянно изменяющегося человеческого ландшафта. Данный ландшафт бросает новые вызовы, вследствие чего стратегии, возникающие из «нерациональных» объяснений, зачастую играют свою роль в структурах, которые мы создаем.

1

Базовое описание процесса экономических изменений является простым. «Реальность» политэкономической системы никогда не доступна какому-либо наблюдателю целиком, но люди вырабатывают весьма изощренные убеждения относительно природы этой «реальности». Убеждения, которые одновременно являются позитивной моделью того, как система работает, и нормативной моделью того, как она должна работать. Система таких убеждений может быть широко распространена в обществе, отражая консенсус убеждений. Возможна также ситуация, в которой члены общества придерживаются резко противоположных взглядов, что в свою очередь отражает фундаментальное разделение в отношении идей, касающихся общественного устройства. Доминирующие убеждения, то есть те, которые разделяют политические и экономические предприниматели, способные определять политику, со временем вырастают в структуру институтов, определяющих экономическое и политическое поведение. Складывающаяся в итоге институциональная матрица накладывает серьезные ограничения на возможности выбора для лидеров, которые пытаются модернизировать существующие или создать новые институты для того, чтобы улучшить свои экономические или политические позиции. Возникающий отсюда «эффект колеи» приводит к тому, что изменения обычно становятся поэтапными, хотя редкие радикальные и неожиданные институциональные изменения наводят на мысль о том, что нечто, напоминающее периодическое нарушение равновесия в эво-

люционной биологии, может иметь место и в экономике. Изменения тем временем продолжаются (хотя их интенсивность будет зависеть от уровня конкуренции между организациями и их руководителями), поскольку лидеры пробуют все новые способы улучшить свои конкурентные позиции. Результатом становится изменение институциональной матрицы, а следовательно, пересмотр представлений о реальности, из чего проистекают новые попытки предпринимателей улучшить свои позиции в бесконечном процессе изменений. Ключом к пониманию процесса изменений становится интенциональность игроков, стоящих за процессом институциональных изменений, а также их видение положения вещей. В прошлом, как и в современном мире, экономический рост был эпизодическим явлением, потому что в намерение игроков не входило увеличение общественного благосостояния или же их видение положения вещей было настолько несовершенным, что последствия их действий радикально расходились с намерениями.

Природа этого всеобщего процесса может быть проиллюстрирована на примере краткого анализа взлета и падения Советского Союза (более подробно я буду обсуждать эту тему позднее). Маркс и Энгельс предложили систему убеждений, которая была источником революционного вдохновения для Ленина. Она объясняла не только то, каким мир был, но и то, каким он должен был стать. Обстоятельства, сложившиеся в раздираемой войной России в 1917 году, обеспечили необычную возможность для резкого институционального изменения. Хотя Маркс не оставил рецепта создания социалистического общества или трансформации старого мира, его базовые идеологические модели, в особенности та, что касалась понятия частной собственности, оставались путеводной нитью для советских лидеров (а также ограничением для них). Крайняя необходимость заставила отказаться от принципов и привела в 1921 году к началу

новой экономической политики (нэпа). Первый пятилетний план в 1928 году стал возвращением к идеологической ортодоксии. В первые годы советской власти обширная дискуссия об альтернативных стратегиях и, следовательно, институтах помогала создать социализм. Постоянное разрастание сложной институциональной матрицы привело к ощутимым успехам (таким как в тяжелой промышленности) и провалам (таким как в сельском хозяйстве), а также к попыткам исправить неудачи в рамках системы убеждений, характерной для марксистской ортодоксии. Пока экономика росла, пережив опустошительные разрушения в ходе нацистского вторжения, а затем — длительный процесс восстановления, институциональная матрица продолжала видоизменяться под действием внешних стимулов, войны или внутренних представлений о необходимости институциональных коррективов, направляемых системой убеждений, которая возникла в идеологических рамках марксизма. Результатом на протяжении 1950-х, 1960-х и начала 1970-х годов был быстрый рост физических объемов продукции, военных технологий и научного знания: СССР получил статус сверхдержавы.

В эту эпоху почти полмира находилось под властью социалистических или коммунистических режимов, а соответствующие идеологии повсеместно рассматривались как предвестие будущего. Но затем рост начал замедляться, проблемы с сельским хозяйством стали как никогда более острыми, а попытки институциональной реформы с целью устранения проблем — неэффективными. После прихода к власти Горбачева в 1985 году политика следующих шести лет привела к полному упадку и в конечном счете к распаду Советского Союза — пожалуй, наиболее поразительному случаю умышленно вызванного, быстрого распада государства во всей человеческой истории.

Эта история Советского Союза является историей воспринимаемой реальности → убеждений → инсти-

тутов → стратегий → изменения представлений о реальности и т. д. Ключевым в ней является то, каким образом убеждения становились иными под воздействием трансформирующегося восприятия реальности как следствия внедряемой политики, а также адаптивная эффективность институциональной матрицы (насколько она чувствительна к изменениям, когда результаты отличаются от намерений) и ограничение изменений в формальных правилах как корректировка к полученным сбоям.

Одно дело — уметь дать обобщенное описание процесса экономических изменений, и другое — получить достаточно информации, которая наполнила бы это описание и привела бы нас к пониманию самого процесса. Насколько хорошо мы понимаем реальность? Как формируются убеждения? Чьи убеждения имеют значение и как индивидуальные убеждения приводят к формированию систем убеждений? Как изменяются последние? Каковы отношения между убеждениями и институтами? Как изменяются институты? Как институты влияют на экономические показатели? Как можно объяснить различные модели производительности экономики и политики? И, возможно, самый фундаментальный вопрос: в чем состоит сущностная природа самого процесса изменений? Оставшаяся часть этой главы посвящена отдельным кусочкам этого пазла.

2

Какая фундаментальная сила движет человеческими стремлениями, источником нашей интенциональности, которая идет от способности осознать себя? Это постоянные попытки людей рассматривать окружающий их мир как интеллигибельный, то есть уменьшать число неопределенностей, существующих в нем. Однако сами эти попытки людей рассматривать мир как познаваемый при помощи разума приводят к продол-

жающимся изменениям в нем и, как следствие, к новым вызовам, связанным с его пониманием. Исследование процесса экономических изменений поэтому начинается с исследования настойчивых попыток человеческих существ противостоять неопределенности в неэргодическом мире.

Что мы вообще пытаемся моделировать в наших теориях, убеждениях, идеологиях? Прагматический подход утверждает, что речь идет о том, насколько наши верования соответствуют «реальности». Настолько, насколько им это удастся, у нас есть шансы на то, что наши стратегии будут иметь желаемые результаты. Однако поскольку в течение человеческой истории мы намного чаще ошибались (не понимали реальность), чем создавали правильные теории (понимали ее), то очень важно быть максимально внимательными к природе реальности. Еще более важно внимание к тому, как именно реальность изменяется. Убеждения и то, как они возникают, находятся в центре теоретических проблем данной книги. Большинство экономистов, за редкими, но важными исключениями вроде Фридриха Хайека, игнорировали роль идей в принятии решений. Допущение рациональности отлично служило экономистам (и другим социальным ученым) в решении ограниченного перечня проблем в области микротeorии, но его недостаточно для решения проблемы, центральной для данного исследования¹. В действительности некритическое принятие допущения рациональности разрушительно для большинства проблем, стоящих перед гуманитарными учеными, и является серьезным препятствием на пути дальнейшего развития науки. Допущение рациональности не является ошибочным, но его принятие с самого начала закрывает возможность более глубокого пони-

¹ Рассмотрение того, при каких условиях допущение рациональности оказывается полезным, а при каких — нет, см.: [Denzau and North, 1994].

мания процесса принятия решения в ситуации противостояния неопределенности сложного мира, созданного нами.

Способ нашего восприятия мира и конструирования наших объяснений этого мира требует того, чтобы мы занялись тщательным анализом работы сознания и мозга, предмета, которым занимается когнитивная наука. Эта область исследований все еще весьма молода, но уже сегодня она имеет достаточно важные результаты, полезные для изучения социальных явлений. Это вопросы, касающиеся того, как люди реагируют на неопределенность, и в особенности на неопределенность, возникающую из изменяющегося человеческого ландшафта, природы человеческого обучения, отношений между ним и системами убеждений, а также последствий особенностей сознания и человеческой интенциональности для структуры, которую люди накладывают на окружающую их действительность.

Люди пытаются использовать свои представления о мире для структурирования окружающей действительности таким образом, чтобы снизить неопределенность в отношениях с другими людьми. Но ответ на вопрос, чьи именно представления имеют значение и как они могут быть переведены в трансформацию окружающей человека действительности, зависит от институциональной структуры, которая является комбинацией формальных правил, неформальных ограничений и особенностей их выполнения. Структура отношений между людьми определяет, кто является теми лидерами, выборы которых имеют значения, а также то, как данные выборы реализуются при помощи решений, управляющих данной структурой. Институциональные ограничения накапливаются с течением времени, так что культура общества есть кумулятивная структура правил и норм (а также убеждений), которую мы наследуем из прошлого, которая определяет наше настоящее и влияет на наше будущее. Институты изменяются, как правило, постепенно, поскольку политические

и экономические лидеры получают новые возможности или реагируют на новые опасности, угрожающие их благополучию. Институциональные изменения могут стать результатом изменений в формальных правилах, неформальных нормах или же их выполнения. Политико-экономическая структура общества и способ его возникновения играют решающую роль в определении того, чей выбор имеет значение и как он в конечном счете формирует политику.

Мы можем начать складывать отдельные кусочки вместе для того, чтобы изучать (очень поверхностно) процесс экономических изменений. Похож ли этот процесс на модели, выводимые из эволюционной биологии? Какое значение имеет интенциональность игроков и какова природа человеческой интенциональности, которая является непосредственным источником институциональных изменений? Является ли неопределенность, с которой сталкиваются люди, следствием неотъемлемой нестабильности человеческого ландшафта или же она происходит из наших систем восприятия реальности и убеждений? Каковы базовые источники «эффекта колеи» и как именно он влияет на экономические показатели? И наконец, что создает адаптивную эффективность — способность некоторых обществ справляться с потрясениями, гибко приспосабливаясь к ним, и формировать институты, которые эффективно работают с измененной «реальностью»?

Во второй части этой книги я применяю аналитический каркас, разработанный в первой части, для того чтобы попытаться представить более глубокое понимание процесса изменений, как имевшего место в истории, так и современного. Я обобщенно намечаю изменения в человеческом ландшафте в течение тысячелетий, прошедших с тех пор, как люди возникли как отдельный биологический вид, концентрируясь при этом на последних двух тысячелетиях. Акцент здесь делается на резком различии между институтами, соз-

данными для противостояния неопределенности, являющейся следствием нашей естественной окружающей среды, и институтами, которые создавались для работы с нашим социальным окружением. Трудности, возникающие при изменении институционального каркаса от такого, который был создан для противостояния физическому окружению, к тому, который способен иметь дело с современной средой, окружающей человека, лежат в центре многих фундаментальных вопросов экономического развития.

В западном мире, и в частности в США, мы склонны рассматривать порядок как некое естественное состояние. Мы не должны этого делать. Беспорядок — революции, отсутствие личной безопасности, хаос — характеризует существенную часть человеческого состояния, свидетелем чему может выступать бурная история Латинской Америки. Порядок предполагает снижение неопределенности, которое неизбежно характеризует человеческое состояние в результате функционирования институтов, обеспечивающих большую предсказуемость в отношениях между людьми. Беспорядок увеличивает неопределенность, поскольку права и привилегии индивидов и организаций достаются «кому попало» (up for grabs) вследствие нестабильных отношений как на политических, так и на экономических рынках. Понимание основополагающих условий порядка и беспорядка важно для понимания процесса экономических изменений.

Насколько успешно мы контролируем собственную судьбу? В духе Герберта Саймона, который обратил наше внимание на эти проблемы, зададимся вопросом: какое значение имеет тот факт, что люди неспособны достичь такого типа рационального поведения, которое включало бы в себя полное знание обо всех возможных обстоятельствах, исчерпывающее знание о дереве решений, а также точных взаимосвязей между действиями, событиями и последствиями? Краткий ответ состоит в том, что это имеет большое значение.

Экономическая история — это грустная сказка о прочетах, приводивших к голоду, недоеданию, поражениям в войнах, смерти, застою и упадку экономики, а в конечном счете и к исчезновению целых цивилизаций. И даже самое поверхностное изучение сегодняшних новостей показывает, что эта сказка не является достоянием прошлого. Сегодня мы иногда делаем правильные вещи, свидетельством чему является впечатляющий экономический рост последних нескольких столетий. Но нынешний успех вряд ли является окончательной точкой развития.

Убеждения и соответствующие институты, которые обусловили расцвет западного мира, иллюстрируют смесь проницательных суждений и удачи, которые сошлись, чтобы сделать более или менее правильный выбор. Более важная цель состоит в том, чтобы рассказать историю в ее динамике — рассмотреть процесс успешных изменений во времени. Расцвет и упадок Советского Союза являются отрезвляющим примером того, как может работать человеческое стремление к созданию преднамеренно сконструированного общества. Я рассмотрю этот предмет более глубоко для того, чтобы проанализировать два аспекта экономических изменений: (1) неотъемлемые трудности, связанные с преднамеренными попытками изменения социального каркаса при весьма несовершенном знании игроков, и (2) процесс распада общества, которое борется с жесткими и ошибочными убеждениями, противостоящими попыткам начать фундаментальные изменения.

Приращение опыта, полученного в ходе попыток улучшить экономические показатели третьего мира и стран переходной экономики, и то, чему мы научились из историй успеха, наделяют нас некоей базовой лабораторией, а также отрезвляющим пониманием того, как мало мы знаем об этом процессе. Но мы учимся, и я покажу, что мы уже знаем сегодня, а что нам еще нужно понять для лучшего понимания процесса.

Очевидным следствием понимания процесса изменений является ограничение, которое накладывается им на способность человека предсказывать будущее. В этой книге я рассмотрю вопрос о том, что мы действительно можем знать о будущем, а что должно остаться уделом астрологов, прорицателей и политиков. Основная идея этого исследования состоит в том, чтобы предложить отрезвляющую оценку будущего человечества перед лицом повсеместной неопределенности неэргодического мира.

Часть первая

*Проблемы, связанные с пониманием
процесса экономических
изменений*

ВВЕДЕНИЕ

Какой теоретический каркас нам нужно разработать для понимания процесса экономических изменений? Теория, которой мы располагаем, является статичной. И хотя по-настоящему динамическая теория может оказаться недоступной для нас, мы можем ввести в наш анализ временное измерение в качестве одного из параметров. Нам необходимо разработать корпус обобщений относительно того, как различные экономики функционируют во времени. Наша цель должна состоять в том, чтобы сконцентрироваться на тех элементах общества, которые лежат в основе этого процесса и которые формируют его. Экономика является теорией выбора: с этим положением никто не спорит. Однако эта дисциплина отказывается от изучения того контекста, в котором делается выбор. Мы выбираем из альтернатив, которые сами по себе являются конструкциями, созданными человеческим сознанием. Поэтому то, как работает сознание и как оно понимает окружающую среду, является фундаментом настоящего исследования. Но что подразумевается под средой? Среда, которая окружает человека, — это набор правил, норм, конвенций и способов поведения, созданных человеком и определяющих структуру отношений между людьми. Эта среда разделяется специалистами по социальной науке на различные сегменты, изучаемые такими науками, как эконо-

мика, политология, социология. Но конструкции человеческого сознания, в которых мы нуждаемся для того, чтобы осмыслить окружающую среду, не совпадают с этими искусственными категориями. Наш аналитический каркас должен интегрировать результаты этих искусственно разделенных дисциплин, если мы хотим понимать процесс изменений. Более того, мы должны понимать, какая глубинная сила управляет конструкциями, которые порождает сознание. Почему существуют правила, нормы, конвенции и способы поведения? Что заставляет сознание структурировать человеческие отношения таким образом? Новая институциональная экономика (НИЭ) находится на полпути к отысканию ответов на эти вопросы. Она сосредотачивается на убеждениях, которые создаются людьми для объяснения окружающей среды, и институтах (политических, экономических и социальных), которые создаются для того, чтобы формировать эту среду. Первая часть этой книги посвящена изучению того, что заставляет людей создавать эти искусственные конструкции, а также разработке и расширению числа инструментов НИЭ, способных обеспечить каркас для детального исследования природы экономических изменений.

II. НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В НЕЭРГОДИЧЕСКОМ МИРЕ

Интеллектуальное путешествие, в которое мы отправляемся, требует от нас переосмысления оснований традиционной экономической теории, и в особенности тех оснований, которые касаются двух вопросов, исследуемых в данной главе, — неопределенности и эргодичности. Как правило, экономисты не задумываются о структуре, которая накладывается люд-

ми на их сознание для упорядочивания окружающей среды и тем самым для уменьшения неопределенности. Экономисты также не считаются с динамической природой мира, в которой мы живем и которая продолжает ставить перед нами все новые проблемы, нуждающиеся в решении. Последний пункт поднимает фундаментальный вопрос. Если мы постоянно заняты созданием нового, небывалого прежде мира, то насколько хороша для его описания окажется наша старая теория, сделанная нами на основе накопленного опыта? Эти вопросы являются центральными для данного исследования. Мы должны самым тщательным образом исследовать глубинные источники тех сил, которые заставляют людей создавать присущие им структуры. Недостаточно описать социальные изменения. Вместо этого мы должны попытаться найти фундаментальные силы, определяющие процесс изменений.

1

Неопределенность имеет богатую историю в экономической литературе. Обычно ее ведут от различия между риском и неопределенностью, предложенного Фрэнком Найтом в классическом исследовании, опубликованном в 1921 году. Для Найта риск являлся состоянием, в котором имеется возможность получить распределение вероятностей исходов таким образом, чтобы застраховать их. Неопределенность, согласно Найту, была состоянием, в котором такого распределения возможностей не существует. Поэтому, как писали видные теоретики, такие как Кеннет Эрроу [Arrow, 1951] и Роберт Лукас [Lucas, 1981], строить теории в условиях неопределенности было невозможно. Позднее значение терминов несколько изменилось, причем под неопределенностью стало пониматься то, что Найт описывал как риск, а термин «неоднозначность» (ambiguity) стал указывать на то, что Найт по-

нимал под неопределенностью¹. Я буду использовать термины в первоначальном значении, предложенном Найтом, хотя и с некоторыми уточнениями, сформулированными в последующих параграфах.

Сами экономисты при обсуждении этой темы выражались весьма неоднозначно, что главным образом происходило из представления о неопределенности как об отклонении. Поэтому нормальное состояние, то есть определенность, давало право на элегантное математическое моделирование, ставшее признаком формальной экономической теории. Однако неопределенность не является отклонением от нормы, это фундаментальное условие, ответственное за развитие структуры социальной организации в ходе истории и в доисторические времена. Для того чтобы корректно обсуждать этот вопрос, мы должны определить данный термин несколько иначе по сравнению с тем, как это делал Найт. Найт сводил свою дефиницию к вероятностному критерию. Более общий подход связан с указанием на то, что люди имеют неустрашимое стремление делать окружающую среду более предсказуемой. Это стремление может охватывать все что угодно, начиная от подсчета исходов для поиска статистической вероятности и заканчивая попытками уменьшения настолько фундаментальных неопределенностей, что у нас просто нет ключа к пониманию возможных исходов. В последнем случае речь, например, может идти о значении ядерной энергии для будущего человечества. Рональд Хайнер в своей статье, имеющей огромную важность для экономического анализа, схватывает самую суть вопроса, утверждая, что неопределенность была «источником предсказуемого поведения» [Heiner, 1983]. Статья Хайнера указывает в качестве источника институцио-

¹ На этот счет существует весьма обширная литература. Хороший обзор проблемы и библиографию можно найти у Мански [Manski, 1996] и Дэвидсона [Davidson, 1991].

нальной инновации на то, что он называет К-Р-разрывом, то есть разрывом между компетентностью агента и сложностью задачи принятия решения. Сталкиваясь с таким разрывом, агент будет определять правила для того, чтобы ограничить число вариантов выбора в подобных ситуациях. Эти правила известны нам как институты. При помощи сведения числа выборов к более ограниченному набору действий институты могут улучшить способность агента контролировать свою среду (хотя отсюда не следует вывод о том, что понимание ситуации агентом является корректным). Хайнер указывает нам путь к аналитическому каркасу, разработанному в оставшейся части этого исследования. Создание институционального каркаса стало существенным элементом цивилизации.

Убеждения и институты, создаваемые людьми, имеют смысл лишь в качестве непрерывной реакции на различные уровни неопределенности, с которыми мы сталкиваемся в рамках динамически развивающегося физического и социального ландшафта. Несмотря на то что фундаментальная причина создания институтов связана с попыткой людей структурировать окружающую среду для того, чтобы сделать ее более предсказуемой, соответствующие попытки могут и зачастую действительно приводят к увеличению неопределенности для некоторых игроков. Развитие формального права собственности, к примеру, сделает общий уровень окружающей социальной среды более предсказуемым, однако увеличит неопределенность для тех, кто традиционно использовал ничейную землю, не обладая конкретными правами на нее. Существенный вопрос, который мы должны задать, заключается поэтому в том, кто именно создает правила, для кого они создаются и какие цели при этом преследуются². Институты

² Важно также отличать неопределенность для индивида от неопределенности для общественных групп. Хотя решения принимаются индивидами, именно изменение

и эффективность в том смысле, как этот последний термин употребляется экономистами (зачастую ошибочно), не являются тождественными понятиями³. Одна из главных загадок, которую нужно разрешить, в действительности состоит в том, как и при каких условиях люди создают условия, делающие возможным существование рынков с низкой стоимостью транзакций и растущим материальным благосостоянием.

Мы можем начать отвечать на вопрос относительно правил с обсуждения способа, при помощи которого люди пытались делать окружающую среду более предсказуемой. Все начинают жить, сталкиваясь с неустранимой неопределенностью. Начальная неопределенность уменьшается при помощи получения опыта двух видов. Во-первых, речь идет об опыте, связанном с познанием физической среды, а во-вторых, об опыте, связанном с погружением в социокультурную языковую среду. Опыт отличается в разных культурах как синхронически, так и диахронически. Люди будут иметь различные интерпретации окружающей среды и, соответственно, сталкиваться с неопределенностью. Поэтому знание о том, как в сознании происходит процесс обучения, является существенным

неопределенности для групп находится в центре нашего интереса. Впрочем, такое различие затемняет сложное взаимодействие между индивидуальным риском и неопределенностью и риском и неопределенностью, стоящим перед сообществом. Это взаимодействие будет исследоваться нами в следующих главах.

³ В данной работе под эффективностью я понимаю такое состояние, при котором при заданных состояниях технологий и издержках на информацию рынок имеет наименьшие возможные себестоимость производства и транзакционные издержки. Термин почти всегда используется в относительном, а не абсолютном значении. Более того, хотя экономическая эффективность совпадает с улучшением материального благосостояния, на политических рынках последствия благоденствия являются более неопределенными, как будет показано в главе V.

для понимания способов, при помощи которых люди справляются с неопределенностью.

В ходе человеческой истории мы всегда имели некоторый довольно существенный остаток, не поддающийся рациональному объяснению: остаток, который частично анализировался людьми в иррациональных терминах, предлагаемых колдовством, магией и религиями. Кроме того, этот остаток также был до некоторой степени обусловлен более прозаическим иррациональным поведением, определяемым догмами, предрассудками и «сырыми» теориями⁴. И на самом деле, несмотря на упомянутое выше утверждение видных теоретиков о том, что невозможно строить теории о неопределенности, люди постоянно занимаются именно этим. Их усилия варьируются от суждений, сделанных задним числом, и плохо структурированных убеждений вроде тех, что подразумеваются под ярлыками «консервативный» и «либеральный», до утонченных систематических идеологий, таких как марксизм или институциональные религии.

Общая характеристика человеческой истории состоит в систематическом снижении уровня воспринимаемой неопределенности, связанной с физической средой и, следовательно, с сокращением тех источников неопределенности, которые должны объясняться при помощи убеждений, включенных в колдовство, магию и религии. Но если неопределенность, связанная с физической средой, уменьшалась, следствием этого становилась намного более сложная социальная среда. И хотя нам удалось добиться определенного прогресса в понимании этой социальной среды, наше понимание очень ограничено и включает в себя множество иррациональных объяснений. Одна из причин ограниченности нашего понимания заключается в том,

⁴ Под рациональным я понимаю объяснение, которое логически непротиворечиво и по крайней мере гипотетически может быть предметом эмпирической проверки.

что в социальных науках, по-видимому, не существует фундаментальных «степенных законов», сопоставимых с аналогичными, имеющимися в естественных науках. Более фундаментальная причина связана с неэргодической природой мира, который постоянно изменяется нами. Эргодическая экономика — это экономика, в которой фундаментальная структура является постоянной, неизменной во времени. Однако мир, в котором мы живем, является неэргодическим — это мир постоянно возникающих новых изменений. Осмысление мира, находящегося в процессе становления, ведет к появлению новой теории или по крайней мере к изменению той, которой мы располагаем. В результате такого положения вещей мы не можем делать вывод о том, что у нас «все схвачено», несмотря на впечатляющие достижения в науке, которые в значительной мере снизили неопределенность относительно физической среды. Помня об этом, давайте посмотрим, как люди с течением времени изменяли окружающую среду для того, чтобы сделать ее более предсказуемой. Вернемся к дефиниции неопределенности и выделим в этом понятии несколько уровней:

1. Неопределенность, которая может быть уменьшена при увеличении количества информации в рамках существующего объема знаний (stock of knowledge)⁵.
2. Неопределенность, которая может быть уменьшена при увеличении объема знания в рамках существующего институционального каркаса.
3. Неопределенность, которая может быть уменьшена только при помощи изменения институционального каркаса.

⁵ Я определяю знание как накопление регулярностей и закономерностей в физической и социальной среде, которое приводит к созданию структурированных объяснений тех или иных аспектов этих сред. Это не означает, что такое знание является истинным.

4. Неопределенность, характерная для новых, не встречавшихся прежде ситуаций, которая влечет за собой изменение структуры убеждений.
5. Остаточная неопределенность, которая выступает основой для «иррациональных» убеждений.

Написание книги, которая изучала бы все эти исторические процессы, стало бы серьезным вызовом для историков экономики. Вот краткий разбор каждой из этих категорий:

1. Получение большей информации относительно особенностей человеческой деятельности приводит к предсказуемости. Например, развитие страхования мореплавания в XV веке, которое привело к сбору и анализу информации о кораблях, грузах, маршрутах, времени пути, кораблекрушениях, повреждениях, позволило превратить неопределенность в риск. Это стало важным фактором в росте торговли в Европе эпохи раннего Нового времени.
2. Увеличение объема знаний является фундаментальным источником роста человеческого благосостояния⁶. Определенная часть этого увеличения происходила без изменений в институциональной структуре, выступая источником изменения стимулов. Увеличение объема знания в рамках существующего институционального каркаса в ходе истории имело место как следствие неустранимой тяги людей к изобретениям и инновациям — даже в отсутствие институциональных стимулов, что можно заметить, анализируя историю творческой деятельности человека. Другие важные источники увеличения объема знания заключались в изменении отно-

⁶ Глубокий анализ знания, полезного знания и его отношения к экономической производительности см.: [Mokyr, 2002].

сительных цен или формировании новых убеждений, которые в равной степени вели к перераспределению ресурсов. Фундаментальные изменения в относительных ценах на факторы производства в ходе истории преобразовывали стимулы к получению знаний об этих средствах производства. К примеру, неолитическая революция и эпидемия чумы в Европе XIV века привели как к фундаментальным социальным изменениям, так и к перераспределению ресурсов и приобретению знаний (см.: [North, 1981, chs. 7, 10]). Что касается изменений в убеждениях, то в конечном счете именно идеи и их результаты находятся в центре внимания данного исследования. Ведь это они — иногда к благу, а иногда и к несчастью — являются фундаментальной движущей силой человеческого состояния.

3. Изменение институционального каркаса влечет за собой изменение в структуре стимулов и является существенным условием для уменьшения неопределенностей окружающей среды с течением времени. Оно выступает важным инструментом, при помощи которого люди пытались осознанно изменять свою среду существования. Оно направляет многочисленные современные попытки повышения производительности стран третьего мира. В исторической перспективе институциональные изменения приводили к увеличению выгоды от совместной деятельности (например, законное принуждение к исполнению контрактов), усилению стимулов к изобретению и инновациям (патентное законодательство), увеличению выгоды от инвестиций в человеческий капитал (развитие институтов, интегрирующих разрозненное знание сложных экономик) и снижению стоимости транзакций на рынках (создание юридической системы, которая понижает стоимость принуждения к исполнению контрактов).

4. Ответ людей на новые ситуации зависит от того, насколько они неожиданны, а также от культурного наследия агентов. Культурное наследие во многих случаях будет определять их успех или неудачу. В той мере, в которой культурное наследие позволяет им решать подобные проблемы, они могут фактически выдавать ответы, которые делают окружающую среду более предсказуемой. Если соответствующее наследие отсутствует, они могут отвечать неподходящим образом или передавать проблему на суд магии и/или аналогичным иррациональным методикам. Это можно проиллюстрировать на примере характерного ответа экономик на сдвиг от персонального к имперсональному обмену. Экономике, развившие культурное наследие, которое привело их к формированию институтов обезличенного обмена, успешно справились с этим фундаментальным новшеством. Те, у кого подобного наследия не было, не смогли выполнить эту задачу, описание чего можно найти у Авнера Грайфа [Greif, 2006].
5. Несмотря на тот факт, что неопределенность, связанная с физической окружающей средой, была радикально уменьшена (хотя это и привело к увеличению неопределенности в отношении социальной среды), остаток, который ведет к иррациональным убеждениям, играет в современном мире не менее важную роль, чем прежде. Истории религий и их широкая популярность сегодня могут служить тому примером. Системы религиозных убеждений, такие как исламский фундаментализм, играли и продолжают играть важную роль в определении социальных изменений. Но в той же мере для принятия решений важна критическая роль секулярных идеологий и систем убеждений, что так ярко иллюстрируется примером расцвета и упадка Советского Союза.

Термин «эргодический» определяется в словаре Уэбстера как «относящийся к вероятности того, что некоторое состояние будет повторяться, в особенности с нулевой вероятностью того, что некоторое состояние не повторится никогда». Соответственно, «эргодический стохастический процесс означает лишь то, что средние величины, вычисленные на основе прошлых наблюдений, не могут существенно отличаться от средних будущих результатов» [Davidson, 1991, 132]. Для Сэмюэльсона эргодическая гипотеза была существенной для научной экономики [Samuelson, 1969, 184]. И действительно, эргодическая гипотеза имплицитно принимается во многих нынешних экономических теориях. Роберт Солоу, обсуждая фундаментальные допущения экономической теории, описывал эту точку зрения так: «У меня складывается ощущение, что лучшее и наиболее яркое в нашей профессии работает так, как если бы экономика была бы физикой общества. Существует лишь одна общезначимая модель мира. Все, что нужно сделать, это применить ее» [Solow, 1985, 330].

Однако для историка экономики, изучающего десять тысячелетий человеческой истории, начиная с неолитической революции, эргодическая гипотеза является а-исторической. Более того, экстраординарные изменения всех аспектов современного общества говорят сами за себя. Они свидетельствуют о том, что мы создавали и создаем общества, являющиеся уникальными по сравнению со всем, что имело место в прошлом.

Естественные науки используют редукцию для того, чтобы прийти к фундаментальным принципам, которые (вероятно) делают эти науки эргодическими. Социальные науки не имеют таких фундаментальных принципов, за исключением, возможно, бихевиоральной предпосылки, и даже эта последняя вряд ли является удовлетворительной, как показывают ис-

следования в когнитивной науке. Но прямо противоположная позиция, которая сводится к тому, что теория, выведенная на основе прошлого опыта, не имеет значения для понимания настоящего и будущего, также неудовлетворительна. Микроэкономическая теория неоднократно демонстрировала свою объяснительную (и предсказательную) силу в отношении различных сторон экономической производительности. В чем нам следует разобраться, так это с видами теорий и их уместностью в конкретных контекстах неэргодического мира. Однако сначала следует убедиться в том, что мы понимаем, в чем состоят существенные характеристики неэргодического мира.

В самом деле, что это за вещь, которая все время изменяется? Идет ли речь о физическом мире? Да, он изменяется, но мы говорим о социальной среде. И мы сделали важные шаги к тому, чтобы эта среда могла рассматриваться как более предсказуемая. Можем ли мы на этом основании предсказывать, на что она будет похожа завтра? Ответ заключается в том, что временной горизонт для подобного предсказания, строго говоря, будет весьма коротким. Изменения в среде, которые мы делаем сегодня, создают новую и во многих случаях неожиданную среду завтра. Неожиданную в том смысле, что у нас нет исторического опыта, который подготовил бы нас к встрече с ней. Вернемся к анализу, проведенному в предыдущем параграфе:

1. Наступление эпохи морского страхования было важным шагом в расширении международной торговли и интеграции мировых экономик, но оно повлекло за собой нисходящую цепь последствий, которые определенно привели бы в ужас купца XV века.
2. В ходе истории результатами развития военных технологий становились социальные изменения, которые не были и не могли быть предсказаны. На микроуровне речь идет об идее Шумпетера

о том, что созидательное разрушение является существенным свойством инноваций, что приводит к непредвиденным изменениям не только в конкретном продукте, который изменялся целенаправленно, но и к более широким последствиям для социальной реальности. В качестве примера можно привести роль автомобильного транспорта в прошлом веке. Неолитическая революция и эпидемия XIV века запустили процесс фундаментальных изменений в обществе, причем эти изменения имели поистине грандиозные масштабы. Что касается изменяющихся убеждений, то они являются фундаментальной силой, толкающей к изменениям: иногда к ожидаемым, но чаще всего нет.

3. Изменения в институтах, которые ведут к сокращению неопределенности физической среды, создают сложную социальную среду, которая становится источником совершенно нового (и во многих случаях все еще неразрешенного) набора неопределенностей. Технологическая революция последних нескольких веков сделала возможным уровень благосостояния человека, несопоставимый с тем, чего люди могли добиться в прошлом. Однако она также создала мир взаимозависимостей и универсальных экстерналий, а в результате — совершенно новый набор неопределенностей. Торговое право, патентное законодательство, институциональная интеграция разрозненного знания, создание юридической системы являются важной частью усилий, направленных на то, чтобы рынки развивающихся стран стали более эффективными. И они же ведут нас к неизвестному миру будущих неопределенностей. Когда подобные институциональные изменения применяются к экономикам третьего мира, они зачастую изменяют распределение доходов и ведут к политической

нестабильности, что иногда становится причиной цепи явлений, которые прямо противоположны первоначальным целям.

4–5. Но как люди справляются с подлинно новыми явлениями? Если природа неэргодического состояния такова, что исторический опыт игроков наделяет их способностью решать проблему (неопределенность первых трех типов), то они могут эффективно справляться с ней. Но в случае подлинно нового явления мы сталкиваемся с неопределенностью, последствия которой нам просто неизвестны. И в этом случае вероятность успешного снижения неопределенности зависит лишь от удачи, а игроки будут действовать исходя из иррациональных убеждений. И действительно, иррациональные убеждения играют большую роль в социальных изменениях.

Последний пункт говорит нам о том, что данный эффект колеи — способ, при помощи которого институты и убеждения, сформированные в прошлом, влияют на нынешние решения, — играет ключевую роль в этой гибкости. Общества, предыдущий опыт которых научил их смотреть на инновационные изменения с недоверием и антипатией, разительно отличаются от тех, чье наследие обеспечило благоприятную среду для таких изменений. В основе этого множества различных форм культурного наследия в каждом случае лежат общие психологические модели участников.

Будущее станет отражать наше понимание нас самих (как рациональное, так и иррациональное), которое продолжает изменяться по мере того, как преобразуем нашу социальную (и физическую) среду. Для того чтобы знать будущее, нам потребовалось бы знать сегодня то, что мы будем знать завтра. Чтобы добиться лучшего понимания направления нашего нынешнего движения, нам необходимо сосредоточиться на том, как работает сознание и как оно

осмысляет нашу внешнюю среду. Идеи и более структурированные убеждения, которых мы, люди, придерживаемся, определяют те решения, которые мы принимаем. Последние, в свою очередь, продолжают изменять нашу среду. Когда мы объединяем те вопросы, которые возникают исходя из несовершенства понимания, с вопросами, которые ставятся перед нами неэргодичностью, мы приходим к следующей комбинацией, находящейся в центре данного исследования⁷:

1. Совершенное понимание:
 - а. Статическая неопределенность. В каждый момент времени существуют состояния мира, в которых распределение вероятностей не может быть определено. В статичном мире неопределенность зависит от объема знания. Если бы индивиды обладали совершенным пониманием, то не было бы никакой нужды в институтах даже в условиях неопределенности. Если бы такой статичный мир повторялся во времени, то вполне можно предположить, что состояния неопределенности стремились бы к нулю.
 - б. Неопределенность в эргодическом мире. Единственное различие со статическим миром может состоять в том, что состояния неопределенности генерируются случайным образом. Соответственно, с течением времени всегда может оставаться некоторый остаточный уровень неопределенности.
 - в. Неопределенность в неэргодическом мире. Систематические отношения могут меняться с течением времени непредсказуемым образом. Таким образом, могут возникать новые, фундаментально отличные типы неопределенностей. Даже если агенты обладают совершенным пониманием в один момент времени заданной истории мира,

⁷ Я благодарен своему коллеге Саку Ким за уточнение этих различий.

их действия могут оказаться ошибочными в другой момент. Соответственно, постоянно возникают новые уровни неопределенности. В определенном смысле с течением времени ценность знания теряется.

2. Несовершенное понимание:

а-б. Статичная неопределенность и неопределенность в эргодическом мире. Если понимание агента среды является несовершенным, то это делает возможность сохранения неопределенности даже в том случае, если ситуация статической неопределенности повторяется во времени. Результат в значительной мере зависит от того, имеют ли агенты правило оптимального обучения. Несовершенное понимание агента может быть определено как обладание ошибочным распределением вероятностей в состояниях, связанных с рисками, или же как приписывание вероятностей состояниям неопределенности. Иррациональные убеждения, по-видимому, относятся ко второму роду, то есть они приписывают некоторую вероятность состояниям неопределенности, которым невозможно «корректно» приписывать подобную вероятность. В мире неточного понимания неопределенность зависит от знания и институтов.

в. Неоопределенность в неэргодическом мире. Основное отличие здесь заключается в том, что институты, принятые в определенный момент времени, даже если они являются оптимальными (то есть связанными с верным пониманием) в этот момент времени, могут оказаться несовершенными, поскольку социальная среда изменяется с течением времени.

То, как люди справляются с подобными неожиданными событиями, является важной темой для этого исследования.

III. СИСТЕМЫ УБЕЖДЕНИЙ, КУЛЬТУРА И КОГНИТИВНАЯ НАУКА

Как только мы осознали, что наше видение «реальности» всегда несовершенно и что у нас часто имеются различные и противоречивые взгляды на социальный ландшафт, мы можем приступить к разбору процесса изменений, присущего человеку. Этот процесс работает следующим образом: убеждения, которых придерживаются люди, определяет те выборы, которые они делают, что, в свою очередь, структурирует изменения в социальном ландшафте. Как люди воспринимают социальный ландшафт, как они учатся и чему они учатся — эти вопросы обсуждаются в данной главе. Мы начнем с исследования сознания индивида как необходимого условия для понимания социальных убеждений.

Предпосылка рациональности лежит в основании экономической теории (а также во все большей степени и в основании других социальных наук). Существует огромное количество литературы, посвященной как обсуждению пользы этой поведенческой предпосылки, так и ее ограниченности⁸. Базовая предпосылка рациональности, предлагаемая экономистами, хорошо работает в рамках конкурентных рынков с объявленными ценами. Конкурентная среда структурирует ситуацию таким образом, что цену как параметр можно эффективно распознавать, так что остается лишь выбирать количество продаваемого или покупаемого. Если бы все выборы были простыми, совершались бы часто, получали бы явную и немедленную обратную связь и включали бы

⁸ См. материалы международной конференции, посвященной этому вопросу: [Hogarth and Reder, 1987].

и себя существенную мотивацию, то базовой рациональности было бы достаточно для всех целей. Предпосылка рациональности была бы как предиктивной, так и дескриптивной моделью установления равновесия, а модель обучения, основанная на ней, могла бы использоваться для описания динамики выхода из равновесия. Однако как только мы отходим от этой простой конкурентной модели и цена ставится в зависимость от поведения других покупателей и продавцов, сложность решения возрастает, и нам приходится гораздо глубже погружаться в исследование когнитивного процесса. В частности, мы должны принимать во внимание неустранимость существования неопределенности, о чем речь шла в предыдущей главе. Тенденция переносить предпосылку рациональности в чистом виде на более сложные проблемы, включающие в себя неопределенность, столь характерная для экономистов, стала препятствием на пути прогресса в понимании нами социального ландшафта.

Интересные проблемы, требующие решения, проистекают из взаимодействия людей в экономических, социальных и политических условиях, в рамках которых игроки не обладают полной информацией, а обратная связь с их действиями также является несовершенной. Это не означает, что предпосылка рациональности «ложна». Скорее, речь идет о том, что она позволяет нам понимать те решения, которые люди принимают в большом количестве важных контекстов, являющихся фундаментальными для процесса изменений. Неполнота информации и несовершенство обратной связи лежат в основе неустранимого характера неопределенности. Кроме того, предпосылка рациональности не способна адекватно описывать отношения между сознанием и внешней средой. Первый пункт был предметом рассмотрения второй главы, но последний требует пояснений.

«Всякая мысль существует в мозге. Однако поток мышления и адаптивный успех разума, как теперь представляется, зависят от повторяющихся существенных связей с внешними источниками. Роль подобных связей... является со всей очевидностью вычислительной и информационной. Она состоит в том, чтобы обрабатывать данные на входе, чтобы упрощать поиск, чтобы помогать распознаванию, чтобы вызывать ассоциативные воспоминания, разгружать память и т.п... Мозг и мир взаимодействуют друг с другом способами, более богатыми и более обусловленными вычислительными и информационными нуждами, чем об этом думали прежде» [Clark, 1997, 68–69]. Следствием этого утверждения для социальной науки является то обстоятельство, что большая часть расценивающегося как рациональный выбор является не столько индивидуальным размышлением, сколько частью познавательного процесса, включенного в более широкий социальный и институциональный контекст. Сатц и Ферейон [Satz and Ferejohn, 1994, 72] приходят к выводу, что «[традиционная] теория рационального выбора является наиболее успешной в тех контекстах, где выбор ограничен». Кларк [Clark, 1997, 12] поясняет: «Если внешние опоры администраций, инфраструктуры и традиций сильны и (что важно) являются результатом конкурентного отбора, то отдельные члены общества выступают, по сути, в качестве взаимозаменяемых деталей более крупной машины. Эта более крупная машина простирается за пределы индивидуального, включая в себя масштабные социальные, физические и даже геополитические структуры. И именно распределенное мышление и поведение этой более крупной машины является тем, что традиционная экономическая теория часто успешно моделирует». Мы ищем более точное понимание сложных взаимодействий между когни-

тивными процессами, структурами убеждений и институтами, даже если это понимание не будет совершенным.

2

Было бы здорово, если бы можно было сказать, что когнитивная наука продвинулась достаточно далеко вперед, чтобы предложить нам точные решения проблем, описанных в начале этой главы. Но это не так. В то же время данная дисциплина прошла долгий путь за короткий отрезок времени, что дает надежду на еще более крупные успехи в будущем⁹.

В общих чертах процесс человеческого обучения может быть описан в качестве когнитивного процесса в следующем виде:

Обучение влечет за собой развитие структуры, которая позволяет интерпретировать различные сигналы, получаемые органами чувств. Изначально эта структура организована на генетическом уровне, но дальнейшие надстройки являются результатом индивидуального опыта — опыта, который происходит из физической среды, а также из социокультурной языковой среды. Элементами структуры являются категории — формы классификации, которые постепенно возникают, начиная с раннего детства, и которые позволяют упорядочивать наши ощущения и отслеживать память о наших мыслях и впечатлениях. Основываясь на подобных классификациях, мы формируем психологические модели, объясняющие и интерпретирующие среду, — как правило, исходя из определенной задачи. И категории, и психологические модели будут развиваться, отражая собой обратную связь, полученную от нового опыта. Эта обратная связь может подкреплять наши на-

⁹ См. отличный обзор ситуации в этой области, в котором перечислены основные проблемы и достижения: [Baumgartner and Sabine, 1996].

чальные категории или приводить к тому, что они видоизменяются. То есть, кратко говоря, речь идет об обучении. Таким образом, психологические модели могут постоянно переопределяться через получение нового опыта, в том числе опыта взаимодействия с идеями других людей¹⁰.

Согласно проницательной статье «Обучение в эволюционной среде» [Dosi et al., 2005], эволюционная теория обучения состояла бы из следующих элементов:

- когнитивные основания, обращенные к динамике категорий и психологических моделей;
- эвристика как достаточно общий процесс принятий решений и обучения;
- зависимость от контекста и, соответственно, социальная укорененность как моделей интерпретации, так и правил принятия решений;
- эндогенность (возможно, непоследовательных) целей и предпочтений;
- организации как поведенческие сущности особого рода;
- процессы обучения, адаптации и открытия, также (или даже в первую очередь?) способные (несовершенно) направлять представления и поведение в постоянно меняющихся средах.

Проблемы, связанные с когнитивным процессом, далеки от разрешения. Функционирует ли мозг подобно компьютеру или же его работа строится на основе соматической селекции?¹¹ Я недостаточно квалифицирован для того, чтобы судить, какая из разрабатываемых ныне специалистами по нейронауке альтернатив является истинной. В этой главе я рассматриваю

¹⁰ Цит. по: [North, 1994, 362–363]. Лучшей работой по данному вопросу все еще остается: [Holland et al., 1986].

¹¹ Отличный обзор этих вопросов см.: [Edelman and Tonini, 2001, 212–218].

коннекционалистскую модель, чтобы показать суть проблем, о которых идет речь¹². Для дальнейшей аргументации, представленной в этой книге, важно то, что и коннекционалистская модель, и модель селекции рассматривают мозг как использующий мышление, основанное на паттернах, что существенно для объяснения выборов в мире неопределенности. Распознавание паттернов, а не абстрактное логическое мышление лежит в основании способа функционирования нейронных сетей человека. «Мышление протекает в рамках синтезированных паттернов, а не логики, и поэтому в своем действии оно всегда может выходить за пределы синтаксических или механических отношений» [Edelman and Tonini, 2001, 152]. Такой подход совместим с исследованием природы человеческого обучения. Значительная часть обучения основана на усвоении и подгонке незначительных событий, которые влияют на нашу жизнь, постепенно изменяя наше поведение. Имплицитное знание возникает неосознанно. В действительности наши способности строить умозаключения намного ниже, чем способности понимать проблемы и видеть их решения. Мы хорошо понимаем и решаем проблемы, которые в своих существенных чертах напоминают

¹² Коннекционалистские модели — это модели нейронных сетей, задающие процессы восприятия и познания, цель которых состоит в том, чтобы получать и воспроизводить репрезентацию реальности. «Искусственные нейронные сети получают опыт благодаря изменению их коннекционных паттернов в процессе повторяющихся воздействий со стороны среды. Они формируют отпечатки те же самым путем, что и астрофотосъемка, то есть при помощи пассивного сбора данных в течение некоторого периода времени. Несколько столкновений с объектом позволяет нейронным сетям выделять в мире закономерности, имеющие отношение к этому объекту. Они сохраняются в стабильных коннекционных паттернах» [Donald, 2001, 155]. Критику оснований коннекционалистской теории см.: [Edelman, 1992, 226–227].

события, уже имевшие место в нашем опыте. Идеи, чуждые нормам, принятым в нашей культуре, не могут легко восприниматься нами. Идеи принимаются, когда и если они имеют некоторое сцепление с нормами, которыми мы уже обладаем. Подгонка паттернов является тем способом, при помощи которого мы воспринимаем, запоминаем и осмысливаем. Это ключ к нашей способности обобщать и использовать аналогии. Эта способность позволяет нам не только хорошо моделировать «реальность», но и конструировать теории, сталкиваясь с подлинной неопределенностью.

Эксперимент, проведенный психологом Джулианом Фельдманом, демонстрирует некоторые импликации распознавания паттернов для построения теорий относительно неопределенности. «Фельдман просил участников эксперимента предсказать, какое из двух событий — появление символа 1 или появление символа 0 — случится следующим в последовательности из двухсот попыток, где экспериментатор мог контролировать очередность выпадения 1 или 0... Фельдман обнаружил, что каждый испытуемый быстро находил паттерны в последовательностях единиц и нулей и предлагал гипотезы о процессе, который генерирует последовательность... Интересный момент состоит в том, что последовательность единиц и нулей, которая использовалась экспериментатором, была совершенно случайной. Тем не менее каждый испытуемый мог „видеть“ паттерны, с которыми он работал, хотя они и менялись в ходе эксперимента»¹³. Поиск паттернов там, где их нет, сочетается с неустрашимостью попытки людей иметь объяснения, теории, догмы, позволяющие объяснить окружающий мир, даже если у них нет «научного» объяснения. Возможно, эта способность иметь какое-то объяснение проблемам, с которыми мы сталкиваемся, а не отказываться от объ-

¹³ См.: [Arthur, 1992].

яснения даже является нашим эволюционным преимуществом.

Процесс обучения уникален для каждого индивида, однако общие институциональные и образовательные структуры (предмет рассмотрения в главе V) будут отражаться в общих убеждениях и идеях. Единое культурное наследие, таким образом, обеспечивает возможность сокращения расхождения психологических моделей, которыми обладают люди в обществе, и создает возможность для передачи унифицированных идей от поколения к поколению¹⁴.

Прежде чем двигаться дальше, мы должны рассмотреть два до сих пор не разрешенных противоречия относительно вопросов, обсуждаемых в этом исследовании. Они касаются того, насколько генетическая структура сознания определяет характерные черты человеческого познания и фундаментальные особенности когнитивного процесса.

3

Первое противоречие напрямую затрагивает вопрос о том, насколько генетическая структура сознания, а не условия среды определяет культуру. Эволюционные психологи утверждают, что миллионы лет существования в состоянии охотников и собирателей привели к генетическому развитию адаптации сознания к специальным задачам, что обуславливает значительную часть наших культурных особенностей.

Утверждение о том, что все наши эволюционные психологические механизмы являются общими и свободными от всякого содержания, а также что «культура» должна, соответственно, давать все содержание нашего сознания, является именно тем вопросом, вокруг которого эволюционные психологи

¹⁴ Более подробное обсуждение унифицирующей роли общего культурного наследия см.: [Denzau and North, 1994].

ведут более острые дискуссии, чем их коллеги, работающие в рамках традиционного подхода. С нашей точки зрения, не культура производит психологию социального обмена *de novo*, но эволюционно детерминированные психологические типы, обладающие неким содержанием, определяют те элементы, из которых производятся сами культуры [Tooby and Cosmides, 1992, 207–208].

Эволюционные биологи, например Стивен Дж. Гулд, настаивают на том, что в генетической структуре существует множество разрывов, которые предоставляют значительно больше пространства для влияния среды. Гулд утверждает не только то, что среда селекции изменяет, но и что во многих случаях она относительно «свободна», что приводит к стратегиям выживания, в которых удача и способности к размножению играют большую роль, чем конкурентное давление.

Под вопросом находится способность к адаптации, присущая человеческому сознанию. Эволюционные психологи рассматривают человеческое поведение, направленное на сотрудничество, как в значительной мере генетически обусловленное, причем некоторые новейшие эмпирические исследования, проведенные экономистами-экспериментаторами, подтверждают эту гипотезу. Элизабет Хоффман, Кевин Маккейб и Вернон Смит [Hoffman, McCabe and Smith, 1998, 350] обобщили результаты большого числа экспериментальных игр следующим образом:

Люди используют стратегии поощрений и наказаний во множестве контекстов, связанных с взаимодействием в малых группах. Эти стратегии в общем случае являются несовместимыми с некооперативными стратегиями, обращение к которым диктуется теорией игр, но при этом более выгодными. Существует, однако, совместимость с «народной» теоремой из теории игр, согласно которой повторение способствует кооперации, хотя мы наблюдаем постоянное использование стратегии поощрений и наказаний и

достижение определенных кооперативных результатов в играх без повторений. Некооперативные стратегии тем не менее пользуются преимуществом там, где стоимость координации результатов очень высока: в больших группах, а также в меньших группах, где есть приватная информация. В больших группах, взаимодействующих на рынке при помощи прав собственности и обмена, а также в условиях рассеянной частной информации, некооперативное взаимодействие поддерживает достижение социально приемлемых результатов. Экспериментальные исследования в течение долгого времени поддерживали эту фундаментальную теорему относительно рынков. Как бы то ни было, эта теорема, в общем, не была опровергнута при взаимодействии в малых группах, поскольку люди изменяют свое жесткое эгоистичное поведение, используя стратегию поощрений и наказаний, которая позволяет добиваться приближению к дополнительным максимально выгодным исходам. Рассмотренное в свете эволюционной психологии подобное поведение не является загадкой, но, напротив, естественным продуктом нашей психологической эволюции и социальной адаптации.

Аргумент эволюционных психологов не нов. Он является продолжением (пускай и усиленным некоторыми интересными эмпирическими исследованиями) аргументов социобиологов вроде Эдварда Уилсона, который оригинально переформулировал свои тезисы в недавнем исследовании, посвященном унифицированному подходу к знанию, основанному на естественных науках [Wilson, 1998]. Определенно, никто не будет спорить с его основным положением о том, что «поведение подчиняется эпигенетическим правилам», где «эпигенезис, первоначально биологическое понятие, означает развитие организма под общим влиянием наследственности и среды» [Ibid., 193]. Но для специалистов в области социальных наук, пытающихся анализировать огромное разнообразие состояний человека в истории и современном мире, такие особенности, как

универсальное табу на инцест, врожденная человеческая способность к языку и даже склонность к сотрудничеству (все это рассматривается как генетические свойства Вильсоном, Хомским [Chomsky, 1975] и Пинкером [Pinker, 1994], а также Туби и Космидесом), хотя и являются важными элементами эпигенезиса, мало чем помогают в вопросе понимания человеческого состояния и процесса изменений. Самый важный вклад эволюционных психологов состоит в объяснении фундаментальной структуры рассуждений, присущей сознанию, которая позволяет оценивать склонность сознания к принятию и конструированию «иррациональных» убеждений, таких как сверхъестественные объяснения и религии, столь сильно обуславливающих модель принятия решений индивидов, групп и организаций в обществах¹⁵. Однако широкая вариативность особенностей производительности политических и экономических единиц, имеющая место с течением времени, проясняет тот факт, что ламаркианские характеристики культуры также должны быть центральными для понимания этого процесса. Как бы то ни было, точное соотношение между генетической предрасположенностью и культурными установками на сегодняшний день все еще остается загадкой и представляет собой важный рубеж для дальнейших исследований.

4

Второе разногласие касается вопроса о том, как работает сознание. Что выступает в качестве базовых «операционных механизмов» сознания и как они реализуются в мозге? Ранняя работа в сфере теории искусственного интеллекта (ИИ) основывалась на компьютерной метафоре. Более современная работа строится вокруг модели параллельного распределенного процесса, которая хотя и находится под влиянием

¹⁵ См. бесценное обсуждение: [Boyer, 2001].

компьютерной метафоры, движется в противоположном направлении. В этом параграфе я придерживаюсь коннекционалистской модели в исследовании того, как хранится и восстанавливается знание. Подход, принятый в теории искусственного интеллекта, связан с предпосылкой о том, что знание хранится и восстанавливается в памяти подобно информации в компьютерном хранилище. Коннекционалистская модель, в противоположность этому, не симулирует когнитивный процесс при помощи символов и операций над ними, как это происходит в модели искусственного интеллекта, а скорее симулирует этот процесс в том виде, как он протекает в нейронной системе мозга. Получающиеся в результате нейронные сети являются в лучшем случае грубыми моделями очень сложной структуры мозга, однако предлагают совершенно иной способ хранения и восстановления знания (несмотря на то что Пол Смоленски считает, что эти два подхода совместимы друг с другом)¹⁶.

Противопоставление между классическим и коннекционалистским подходами приводит нас к постановке вопроса о тех механизмах, на основе которых работают сознание и интеллект. Влечет ли за собой когнитивный процесс использование, манипуляцию и хранение внутренних репрезентаций? «Поскольку когнитивный процесс рассматривается как вычислительный, то объяснение того, как работает интеллектуальная система, требует определенного вычислительного каркаса. Связь между коннекционализмом и репрезентационализмом представляется прямой, поскольку без посредничества внутренних репрезентаций вычислительные системы не способны к вычислению» [Stufflebeam, 1998, 640]. Но в рамках кон-

¹⁶ Эти проблемы далеки от разрешения. Отличное обсуждение см.: [Bechtel and Graham, eds., 1998]; в частности, см. статью Роберта МакКаули «Уровни объяснения и когнитивная архитектура»; взгляды Смоленски рассматриваются на с. 621.

некционалистской парадигмы сети могут обучаться приписанным значениям при помощи индуктивного процесса. Методом проб и ошибок этот процесс приводил бы к значениям, которые коннекционалисты симулируют при помощи некоторого числа алгоритмов обучения. «Фактически компьютерная сеть, основанная на нейронах, обучается распознавать паттерны при помощи установки локальных порогов активации на большое число индивидуальных вычислительных единиц, каждая из которых весьма бестолкова. Идея состоит в том, что, хотя индивидуальные единицы бестолковы, общая сеть может быть достаточно умной» [Turner, 2001, 138]. Мерлин Дональд очень хорошо подытожил состояние нашего понимания коннекционалистской модели: «Причина привлекательности коннекционалистских моделей заключается в том, что они пытаются моделировать мозг и сознание при помощи несимволической (иногда называемой нерепрезентационной) стратегии. Подобно примитивной нервной системе коннекционалистская сеть создает свою собственную перцептуальную версию мира, не опираясь на символическую систему, которую предоставляет ей оператор-человек. Такие модели сегодня являются весьма примитивными, но теоретически они могут стать гораздо более мощными» [Donald, 1991, 366].

Если данное описание связано с верным пониманием механизма, то оно имеет важные следствия для процесса обучения. Коннекционалистские модели обучаются при помощи примеров и «использования статистических обобщений этих примеров для управления обучением. Привлекательность этого подхода состоит в том, что, хотя обучение направляется статистически, результатом процесса обучения становится система, знание которой может быть обобщено таким образом, чтобы включать в себя новые, неизвестные прежде случаи» [Elman, 1998, 496]. Однако обобщаемость знания ведет нас к следующему принципиальному вопросу. Одно дело иметь способность к ана-

ли у врожденных склонностей (таких как у Хомского о грамматике или классических моделей искусственного интеллекта) как источника обучения и далее приписывать обучение взаимодействию между физической и социокультурной и языковой средами, но как сознание обогащается изнутри самого себя при помощи изучения знания, которое уже представлено в нем? Кларк и Кармилофф-Смит [Clark and Karmiloff-Smith, 1993] утверждают: сознание возникает для того, чтобы упорядочивать и переупорядочивать психологические модели, начиная от их истоков, ориентированных на решение специальных задач, и заканчивая значительно более абстрактными формами, так что эти модели получили возможность обрабатывать другую информацию. Способность обобщать от частного к общему и использовать аналогии является частью того, что эти исследователи именуют репрезентационным переописанием и что лежит в основе не только творческого мышления, но и систем убеждений вообще. При всем том то, как именно работает репрезентационное переописание, является предметом споров, что можно увидеть, ознакомившись с критическими отзывами к статье Кларка и Кармилофф-Смита¹⁷.

Если мы двинемся от сознания к мозгу, являющемуся необходимым шагом для углубления нашего понимания, то столкнемся с еще более трудными загадками. Хотя новые техники картографирования мозга (техники нейроимэджинга) увеличили нашу способность понимать операций нейронных сетей в ментальных процессах (впрочем, число загадок при этом тоже возросло), в исходном вопросе существует еще очень много неясностей¹⁸. В действительности специалисты,

¹⁷ См. комментарий в: [Clark and Karmiloff-Smith, 1994].

¹⁸ Глубокое и творческое исследование взаимосвязи между мозгом и сознанием и ее импликаций для самосознания (consciousness) см.: [Damasio, 1999]. Эдельман [Edelman, 1992] предлагает впечатляющую и спорную попытку интег-

занимающиеся сознанием и мозгом, лишь недавно начали активно сотрудничать друг с другом, пытаясь добиться улучшения понимания своих проблем. Например, нейроны в мозге разделены синапсами, а связи вдоль синапсов опосредованы химическими веществами. «Было показано, что они являются критически важными для нормального мышления, однако детальное прояснение того, как они участвуют в мышлении, остается делом будущего» [Bechtel et al., 1998, 95].

Эти противоречия остаются неразрешенными, но мы можем много сделать при помощи тех инструментов и того понимания, которые у нас уже есть.

5

Приступать к созданию интегрированного подхода к решению вопросов, поднятых в начале этой главы, следует с благодарности Фридриху Хайеку, чья книга «Ощутимый порядок» стала первопроходческой на пути понимания процесса обучения и формирования убеждений задолго до того, как когнитивные ученые разработали коннекционалистскую теорию. Для Хайека убеждения — это конструкции сознания в том смысле, как они интерпретируются в ощущениях. Мы не воспроизводим реальность, речь скорее идет о создании систем классификаций, позволяющих интерпретировать внешнюю среду. «Восприятие, таким образом, всегда является интерпретацией, помещением некоторого явления в один или несколько классов объектов... Качества, которые мы приписываем воспринимаемым объектам, строго говоря, вовсе не являются свойствами этих объектов, но набором отношений, при помощи которых наша нервная система классифицирует их, или, другими словами, все,

риковать эволюционную теорию мозга (которую он называет нейронным дарвинизмом) с теорией сознания. Я буду опираться на их исследования в следующей главе.

что мы знаем о мире, — это природа теорий, и весь доступный нам опыт состоит в возможности изменения этих теорий» [Hayek, 1952, 143].

Для Хайека сознание неразрывно связано с внешней средой. «Инструмент, при помощи которого мы изучаем внешний мир, сам является продуктом определенного опыта. Он определяется условиями, характерными для той среды, в которой мы живем, и представляет некоторую общую копию тех отношений между элементами в этой среде, которые мы пережили на опыте в прошлом. Мы интерпретируем любое новое событие в среде исходя из этого опыта» [Ibid., 165]. Отсюда следует, что ощущения, которые задают психологические классификации в сознании, могут и зачастую в действительности ведут к неверным интерпретациям проблем, стоящими перед индивидом. «Классификация стимулов, реализуемых нашими чувствами, будет основываться на системе приобретенных связей, которые воспроизводят, частично и несовершенно, отношения, существующие между соответствующими физическими стимулами. Модель физического мира, которая формируется таким образом, будет давать лишь весьма искаженную картину отношений, существующих в мире. А классификация этих событий при помощи наших чувств на практике часто будет оказываться ложной, другими словами, она будет приводить к ожиданиям, которые не подтверждаются событиями» [Ibid., 145].

Взгляды Хайека замечательным образом перекликаются с новейшими работами по когнитивной науке. Эдвин Хатчинс¹⁹ доказывает, что мы не можем адекватно понять процесс познания, если не примем во внимание тот факт, что «культура, контекст и история... являются фундаментальными аспектами человеческого процесса познания и не могут быть просто

¹⁹ [Hutchins, 1995, 354]. Этот раздел цитируется по: [Knight and North, 1997].

погружены в перспективу, обращенную лишь к абстрактным свойствам изолированных индивидуальных сознаний». Базовая задача заключается в том, чтобы «фиксировать когнитивную активность в ее контексте, где контекст — это не зафиксированный набор внешних условий, но более широкий динамический процесс, в рамках которого познание индивида выступает лишь в качестве части» [Hutchins, 1995, xiii]. Выполняя эту задачу, мы можем «показать, что человеческий процесс познания не просто находится под влиянием культуры и общества, но что он является культурным и социальным процессом в самом фундаментальном смысле» [Ibid., xiv].

Фундаментальные элементы культуры начинаются с языка, категории и словарь которого отражают накопленный обществом опыт. Мерлин Дональд утверждает, что «другие виды начинают с одного и того же уровня для каждого из новых поколений, у человека же дело обстоит прямо противоположным образом. Семантическое содержание и даже культурные алгоритмы, которые поддерживают определенные виды мышления, могут накапливаться, а символическая среда может влиять на то, как мозги индивидов расходуют свои ресурсы. Процесс приобщения к культуре должен был начинаться очень медленно, вероятно, за счет постепенного прироста к базе знаний, доступной приматам, но очевидным образом экспоненциально ускорился в современный период» [Donald, 1991, 12]. Используя критерий познания для классификации, Дональд выделяет в культуре приматов гоминидов несколько этапов поступательного развития. Первый этап, получивший название «случайного», характерен для приматов. Человекообразные обезьяны обладают интеллектом (о чем свидетельствует огромное количество современных эмпирических исследований), однако имеют ограниченные возможности для его выражения. Сначала это ограничение должно было быть снятым при помощи увеличения мотор-

ных навыков: это стало вторым этапом, который Дональд называет «миметическим». «Второй когнитивный переход гоминидов вел от миметической культуре к речи и развитой устной мифологической культуре. Она возникла в течение нескольких последних сотен тысяч лет, и ее кульминацией стало появление современного вида *homo sapiens*. Устная культура является специфической адаптацией, которая дополняет, но не замещает собой функции, выполнявшиеся миметической культурой» [Ibid., 14]. Дональд называет этот этап «мифическим», поскольку для него была характерна общая устная традиция, в которой язык стал универсальной чертой. Именно обладание развитым навыком отделило людей от всех остальных биологических видов и стало основой динамики культурных изменений. Последний, «теоретический» этап символически грамотных обществ «был отмечен длительной и кумулятивной в культурном отношении историей визуально-символических изобретений» [Ibid., 15]. Символические изобретения не запускали новых психологических способностей. «Скорее новые возможности репрезентации возникли из развитого симбиоза с внешней символической средой, базиса чрезвычайно радикальной формы инкультурации» [Ibid.]. Именно это последнее развитие обеспечило основание для современного динамического взаимодействия между сознанием и внешней средой. Стоит процитировать рассуждение Дональда о значении «теоретической» культуры:

Теоретическая культура — это царство профессионала и теоретика. Ее институциональная структура зависит от высокого уровня символической грамотности, которая в наиболее широком смысле включает в себя все психологические навыки, существенные для эффективного использования символических систем. Теории возникают на основе следования за алгоритмами, хранящимися в этих дисциплинах. Будучи разработанными однажды, теории, как пра-

вило, сохраняются в неизменном виде во множестве внешних запоминающих носителях, таких как юридические кодексы. Теоретическая культура — это большая составная часть более крупной культуры. Она задействует многие тысячи индивидов, чьи жизни посвящены служению ей. Она включает в себя множество теоретических областей, таких как управление, политические и юридические системы и прочие специализации. Эти области объединяет то, что, какими бы ни были сферы применения, в них правят теории [Donald, 2004, 4].

Развитие «научного метода» — использование статистических методик и утонченное взаимодействие между теорией и эмпирическими данными — изменило наше понимание физической и социальной среды. Теоретическая культура лежит в основе представления Хатчинза о культуре общества, направляемой вычислимой системой повторяющихся взаимодействий между сознанием и внешней структурой. В качестве примера он приводит подробный анализ навигации корабля в гавани Сан-Педро:

Базовые вычисления навигации могут быть описаны на вычислительном, репрезентационном и алгоритмическом уровнях, а также на уровне выполнения — целиком в терминах наблюдаемых репрезентаций. Эта точка зрения на когнитивные системы предполагает рассмотрение коммуникации между агентами как процесс, протекающий внутри когнитивной системы. Вычислительные медиумы, такие как диаграммы и карты, рассматриваются как репрезентации, внутренние по отношению к системе, а вычисления, сделанные на их основе, тем более помещаются внутрь системы. Поскольку когнитивная деятельность распределена по социальной сети, многие из этих внутренних процессов и внутренних коммуникаций могут быть непосредственно наблюдаемыми [Hutchins, 1995, 128–129].

С этой точки зрения «адекватная единица анализа в рамках разговора о когнитивных изменениях включает в себя социальную и материальную среду мышления. Обучение является адаптивной реорганизацией в рамках сложной системы» [Ibid., 289]. Для Хатчинса, как и для Хайека, культура является адаптивным процессом, который накапливает частичные решения часто встречающихся в прошлом проблем. Подобный подход высвечивает важную когнитивную роль социальных институтов. Расширенное определение того, как индивидуальные убеждения взаимодействуют с социальным контекстом, дает нам набор механизмов, при помощи которых культура и социальные институты более непосредственным образом проникают в объяснение экономических изменений. Мы можем осмысливать противоречивые особенности обществ вроде исламских стран или западного мира лишь в терминах досконального исследования взаимодействия между развивающимися системами убеждений и их социальными контекстами, как это будет показано во второй части этой книги.

Если мы пойдем от динамической социальной группы Хатчинса, представляющей собой команду лощманов, к более крупным результатам для структуры, функционирования и процесса изменений в рамках общества в целом, то увидим, что культурное наследие формирует искусственную структуру (убеждения, институты, инструменты, технологии), которая не только играет существенную роль в определении тех непосредственных выборов, которые делаются игроками в обществе, но и дает нам ключи к динамическому успеху или поражению обществ во времени. В сущности, чем богаче искусственная структура, тем ниже степень неопределенности процесса принятия решений в некоторый момент времени. В исторической перспективе чем богаче культурный контекст в смысле предоставления возможностей для разнообразных экспериментов и творческой конкуренции,

тем больше шансов на успешное выживание имеет общество. Эти обобщения требуют тщательного анализа и оценки, однако они являются основой данного исследования.

Чем богаче искусственная структура, тем шире спектр типовых решений, которые могут быть приняты. Фактически игра была структурирована для того, чтобы освободить индивида от неопределенности при принятии решения. И напротив, в беспорядочной среде типовые решения разрушаются и неопределенность возрастает. Современные западные общества, такие как Соединенные Штаты, обладают богатым культурным наследием, которое ведет к невероятно сложной искусственной структуре, которая не только дает нам несравненно высокий уровень власти над природой, но и в равной степени расширяет наш список «легких» решений во времени и пространстве, что было совершенно недостижимо для наших предков. Таким образом, эта искусственная структура превращает неопределенность в определенность или по крайней мере в риск на все более широкой области человеческой деятельности. Контраст между принятием повседневных решений в развитых обществах вроде Соединенных Штатов и принятием этих же решений в неразвитых обществах является отрезвляющим свидетельством важности наличия богатой искусственной структуры.

Однако когда люди распространяли свой контроль над средой, то они все глубже и глубже проникали в неизвестное. Иногда они добивались на этом пути успеха, расширяя горизонты человеческого контроля, а иногда терпели неудачу, результатом которой были задержки в развитии, упадок или социальная смерть. Мы пытаемся понять те условия, при которых вероятность успеха при столкновении с неожиданными ситуациями возрастает.

Антонио Дамазио элегантно сформулировал значение нейробиологических оснований личности, выступ-

нающих фундаментом процесса познания, в заключении своей работы «Ощущение происходящего»:

Драма человека проистекает исключительно из сознания. Разумеется, сознание и его открытия позволяют нам улучшать свою жизнь и жизнь других людей, но цена, которую нам приходится платить за эту лучшую жизнь, высока. Это не просто цена знания риска, опасности и боли. Намного хуже: речь идет о цене знания того, что такое удовольствие, и знания его потери или недостижимости.

Драма человека проистекает из сознания потому, что она касается знания, полученного в результате сделки, которую никто из нас не заключал: лучшее существование достигается ценой потери незнания относительно этого самого существования. Ощущение происходящего — это ответ на вопрос, который мы никогда не задавали, и это также монета в фаустовской сделке, о которой мы никогда не договаривались. Природа сделала это за нас [Damasio, 1999, 316].

IV. СОЗНАНИЕ И ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Природа сознания является предметом размышлений наиболее выдающихся умов в философии, когнитивной науке и психологии. Но, несмотря на многочисленные заявления об обратном, эта проблема все еще далека от разрешения. Джон Серль определяет ее следующим образом: «Проблема сознания является проблемой объяснения того, как именно нейробиологический процесс в мозге формирует наши субъективные состояния осознания или ощущения, как именно эти состояния реализуются в структурах мозга, а также как именно сознание функционирует

в общей структуре мозга и, соответственно, как оно функционирует в нашей жизни в целом» [Searle, 1997, 192]. Вокруг первых двух вопросов, сформулированных Серлем в этом определении, бушевали и продолжают бушевать нешуточные страсти. Однако что касается последней части определения, лежащей в центре нашего внимания, — как сознание функционирует в нашей жизни в целом, — то оно парадоксальным образом является относительно забытым по сравнению с остальными. Именно оно тем не менее находится в центре всех вопросов, касающихся интенциональности человека. Цитируя Серля [Ibid., 105] еще раз, «величайшее достижение Дарвина состояло в демонстрации того, что видимость цели, планирования, телеологии и интенциональности в происхождении человека и других животных являлась полной иллюзией. Эта видимость может быть объяснена через эволюционные процессы, которые совершенно лишены подобных целей. Но распространение идей посредством имитации потребовало всего аппарата человеческого сознания и интенциональности».

Я не пытаюсь здесь дать полное объяснение проблемы сознания. Вместо этого, основываясь на том, что мы знаем о сознании, я предлагаю основание для понимания процесса изменений. В частности, нам нужно проанализировать невероятную вариативность человеческой деятельности, которая может включать в себя такие противоположные вещи, как творчество Моцарта или гений Эйнштейна, с одной стороны, и дикость Аттилы (или Гитлера, Сталина, красных кхмеров), религиозный фанатизм Савонаролы (можно привести бесконечное множество примеров) или нетерпимость к инакомыслию, которая часто была характерна для католиков, протестантов и мусульман и в прошлые времена, и в современном мире, — с другой. Все эти формы деятельности являются сложным продуктом того процесса, в котором сознание взаимодействует с человеческим опытом во всем его много-

образии, создавая индивидов, наделенных определенными свойствами и убеждениями, и приводя к формированию широкого спектра моделей социального поведения, которые определяли и продолжают определять экономические изменения.

Сознание часто делится на два уровня: первичное, или основное, сознание и сознание высшего порядка (расширенное сознание)²⁰. Первое является состоянием психического осознания вещей в мире, то есть обладания психическими образами настоящего момента. Оно присуще животным, не обладающим языком и семантикой. Сознание высшего порядка, называемое также расширенным, подразумевает распознавание мыслящим субъектом его или ее действий или эмоций. Оно включает в себя модель личности, а также прошлого и будущего, наряду с настоящим. Оно демонстрирует непосредственное самосознание. Мы отдаем себе отчет в том, что у нас есть сознание. Существуют три подхода к теории сознания²¹:

1. Физическое допущение: законы физики не нарушаются. Нет необходимости обращаться к духам или призракам (хотя, как мы увидим, люди обращаются к ним в своих объяснениях явлений).
2. Эволюционное допущение: сознание возникает как фенотипическое свойство в определенный момент эволюции вида. Приобретение сознания либо является непосредственным эволюционным преимуществом индивида, у которого оно имеется, либо предоставляет основу для других особенностей, которые улучшают приспособленность.

²⁰ Большая часть этого описания и следующих из него выводов относительно природы сознания взята из работ: [Edelman, 1992; Damasio, 1999].

²¹ Анализ этих проблем см., в частности: [Edelman, 1992, Part III].

3. Предпосылка о qualia (наиболее противоречивая): qualia образует набор индивидуальных или субъективных переживаний, чувств и ощущений, которые сопровождают осознание и являются уникальными для каждого индивида.

Две особенности сознания заслуживают специального обсуждения: сознание и эмоции не являются чем-то отдельным [Damasio, 1999, 16], а сознание (consciousness) и совесть (conscience) могут быть различены: «сознание относится к знанию некоторого предмета или действия, приписанных „я“, в то время как совесть относится к добру или злу, которые могут быть найдены в действиях и предметах» [Ibid., 27].

Хотя некоторые приматы демонстрируют отдельные черты сознания высшего порядка, его развитие у людей является главным основанием человеческого поведения и самым тесным образом связано с развитием человеческого разума, как это описано в главе III. То есть этапы развития человеческой культуры прививаются к нашей генетике для того, чтобы создавать сложную структуру, которую мы называем сознанием. В частности, мифический этап, для которого характерна общая нарративная традиция, построен на языке, а последний, теоретический этап грамотных в символическом отношении обществ продвинул человеческое сознание на уровень гораздо более высокий, чем тот, который был характерен для других приматов. «Осознанный человеческий опыт привел к развитию культуры, а культура стала источником истории. История не просто хроника, но интерпретация, охватывающая предполагаемые причины и ценности. Наука возникает в рамках истории и пытается как можно более точно описывать очертания мира — его ограничения и физические законы. Но эти законы не могут заменить собой историю или фактические траектории индивидуальных жизней» [Edelman, 1992, 162]. Мы можем так никогда и не распутать слож-

ные взаимосвязи между генетическими и культурными свойствами, но их переплетение позволяет нам осмыслять человеческое состояние во времени, даже если некоторые из комбинаций в данный момент являются случайными допущениями. Помня об этом предостережении, посмотрим, как далеко мы можем идти в распутывании сложностей человеческого поведения.

Наш разговор пойдет об экспансии сознания, начиная с тех его элементарных оснований, которые объединяют нас с другими животными. Существуют две ключевых особенности этой экспансии, являющихся центральными для данного исследования. Первая состоит в творческом развитии объяснений для более широкого горизонта расширенных состояний осознания, которые являются составной частью суеверий, мифов, догм и религий. Вторая является развитием все более сложных институтов и артефактов, которые раскрывают сущность интенциональности сознания [Ibid., 112], а также регулируют все более расширяющуюся структуру. Мы рассмотрим каждую из этих особенностей по очереди.

Расширенное сознание заставляет людей предлагать объяснения для наблюдаемых свойств окружающей реальности, которые напрямую не поддаются объяснениям, возникающим при изучении непосредственной физической среды. «Сознание высшего порядка ведет к формированию богатой, познавательной, эмоциональной и творческой области, а именно к ощущениям (*qualia*), мыслям, эмоциям, самосознанию, воле и воображению. Оно может создавать искусственные психические объекты, такие как фантазии» [Ibid., 198]. Сознание лежит в основе иррациональных и сверхъестественных убеждений, которые являются универсальными атрибутами всех человеческих обществ и, таким образом, вероятно, отражают врожденные свойства разума. Паскаль Бойер утверждает, что система гипотетических умозаключений относительно

социальных отношений, присущая разуму, возникла для обработки врожденных представлений о морали, а также ситуаций неудачи. Вот как он описывает некоторые фундаментальные особенности, общие для всех «сверхъестественных объяснений»: «Наша эволюция как вида, склонного к сотрудничеству, вполне объясняет нынешнюю психологию моральных суждений и тот способ, которым дети и взрослые представляют нравственное измерение поступков. Но если так, то нет необходимости в специальном понятии религиозного агента, в специальном коде и модели для подражания. Однако как только у вас появляются понятия сверхъестественных агентов, обладающих стратегическим видением, они делаются яркими и важными, поскольку вы можете легко поместить их в рамки морального сознания, которым мы обладаем по природе. Можно утверждать, что религиозные понятия в некотором смысле паразитируют на моральных интуициях» [Boyer, 2001, 191]. Очевидно, что существует генетический источник подобных объяснений, но, для того чтобы двигаться дальше, нам необходимо исследовать влияние социальной и культурной среды, которое превращает эти объяснения в движущую силу человеческого развития. *Одно дело иметь сверхъестественные объяснения, и другое дело — настаивать на согласованности убеждений относительно этого сверхъестественного объяснения.* Это подводит нас ко второму свойству.

Растущее самосознание привело людей к еще более тщательным попыткам структурирования окружающей среды, ведь развитие языка, а затем систем накопления символов сделало возможным значительно более сложные формы человеческой организации. Эдельман резюмирует эту проблему следующим образом:

Смысл (meaning) формируется на основе понятий, которые зависят от классификаций, основанных на ценностях (value). Он растет вместе с историей

сохраненных ощущений тела и психических образов. Характер конкретных событий, с которыми мы сталкиваемся, является индивидуальным и в значительной степени непредсказуемым. Когда в обществе возникают лингвистические и семантические способности, а предложения, включающие в себя метафоры, связываются с мышлением, то способности создавать новые модели мира резко возрастают. Однако следует помнить, что, поскольку эта система смысла связана с ценностями и понятием «я», она почти никогда не свободна от аффектов. Она полна эмоций [Edelman, 1992, 170].

Заметно варьирующий опыт людей в различных обстоятельствах создает множество различных культур с различными сочетаниями сверхъестественных убеждений и институтов. Важный момент заключается в том, что именно сложное взаимодействие между генетическими предрасположенностями и этим различным опытом дает нам начальную точку в понимании процесса социальных изменений.

Как мы объясняем культурные различия? Некоторые теоретики-эволюционисты разработали параллельную генам категорию, призванную объяснить культурную эволюцию. Они используют термин «мем» для описания передачи культурных атрибутов от поколения к поколению²². Но такой подход представляется ошибочным. Культурные черты не имеют атрибутов, соответствующих генетическим. Более того, растущее число исследований, посвященных новой институциональной экономике, со всей очевидностью показывают, что институты должны находить объяснение в терминах интенциональности человека. Неформальные нормы развивают эту

²² Этот термин был введен в оборот Ричардом Докинзом [Dawkins 1998, 302–308] и фигурирует в работах Деннета [Dennett, 1991]. Серль [Searle, 1997] посвятил пятую главу своей работы острой критике Деннета.

смесь моральных суждений генетического происхождения и интенциональных целей людей, которые вместе создают хребет того, что мы имеем в виду, говоря о «культуре».

Мощное влияние мифов, суеверий и религий на формирование ранних обществ проистекает от их роли в установлении порядка (предмет главы VIII) и конформности. Идеологическая конформность до сих пор является важным фактором, снижающим стоимость поддержания порядка, однако это преимущество оборачивается дополнительными социальными издержками, связанными с сопротивлением институциональным изменениям, преследованием отклоняющихся личностей и служащими источником бесконечного конфликта между людьми в ходе столкновения конкурирующих религий. Таким образом, экспансия сознания не только является источником необычайного человеческого творчества и развитых цивилизаций, созданных людьми, но и становится причиной нетерпимости, предрассудков и конфликтов между ними. И едва ли дело могло бы обстоять иначе, учитывая ее центральную роль в интенциональности человека.

В мире неопределенности конформность может обойтись очень дорого. В долгосрочной перспективе она приводит к стагнации и упадку, так как людям приходится сталкиваться с все новыми вызовами в неэргодичном мире. Последний требует инновационных институциональных идей, поскольку никто не знает правильного пути к выживанию. Поэтому институциональное разнообразие, которое открывает возможность для различных решений, является характеристикой, которая помогает выжить, о чем нам напоминал Хайек. Религиозное разнообразие, подобное тому, что создавалось Лютером и Кальвином, в течение долгого времени превозносилось как раз за создание подобного стимула. В своей знаменитой работе об этом писал Вебер. Однако более фундаментальным источником творчества была эволюция самого инсти-

туционального разнообразия. Протестантизм был одним из ее примеров, являя собой симптом общего разнообразия в мысли эпохи Возрождения. Политическая фрагментированность в западной Европе играла ту же самую роль в создании разнообразной и конкурирующей институциональной сцены, в рамках которой возникали различные убеждения и, следовательно, экономические институты, сыгравшие ключевую роль в относительном возвышении Европы, а также в росте обесличенного обмена, который лежит в основе современного экономического роста. Все эти вопросы являются предметом рассмотрения десятой главы.

Если неопределенность является постоянной величиной в объяснении институциональных изменений, то что происходит, когда мы переходим от неопределенности, связанной с физической средой, к неопределенности, связанной с социальной средой? Все три источника экономических изменений, то есть демография, объем знаний и институты, изменяются фундаментальным образом. Население и человеческий капитал растут беспрецедентно быстро. Рост населения ведет нас к формированию мира неустраняемых экстерналий, поскольку люди вынуждены жить все ближе друг с другом. Кроме того, в контексте революционных технологических изменений этот рост создает новые социальные проблемы, требующие решения. Движущей силой развития социальной среды выступает рост объема знания, который радикально изменяет производство технологий и дает возможность создавать мир изобилия. Вместе с тем он создает оружие массового поражения, способное уничтожить нас. Институциональное развитие, имеющее место в результате этого роста, создает все более и более сложные структуры, призванные решать новые проблемы, возникающие перед общест-

вом вследствие этих изменений. В качестве системы общественных стимулов институты создают различные мотивы для того, чтобы использовать это растущее знание, расширять и применять его для решения проблемы редкости того или иного блага, стоящей перед человеком.

Значение этого процесса для сознания состоит в том, что такие мотивы расширяют творческий потенциал человека и в сочетании с различными культурами создают весьма широкий набор ответов на новые проблемы, с которыми сталкиваются люди в результате этих изменений. Однако эти ответы не всегда бывают творческими и продуктивными. Иногда конкретный способ взаимодействия между опытом и сознанием приводит к формированию институтов, которые становятся источником застоя, что влечет за собой разочарование людей на фоне более динамических обществ. Проблемы, которые возникают перед нами в процессе перехода от системы убеждений, созданной для работы с физической средой, к системе, создаваемой для работы со сложной социальной средой, находятся в центре проблем экономического развития. В успехе такого перехода нет ничего автоматического.

Сверхъестественные убеждения вообще и институциональные религии в частности продолжают играть ключевую роль, но изменения в культурном контексте модифицируют ее природу. Конфликт между религиозной догмой и растущим знанием естествоиспытателей от Коперника и Галилея до Дарвина привел к возникновению напряженности в западном мире. В остальном мире растущий разрыв в экономическом благосостоянии, основанный на различных стимулах для приложения знания к решению экономических проблем, породил новые фундаментальные конфликты. Конец динамичной экспансии исламского мира после XII века является наглядным свидетельством косности, возникшей в этой культуре, в сравнении

и изменениями в западной Европе²³. А в современном мире исламская конформность в контексте непрерывно растущего разрыва между исламским и западным мирами иногда оборачивается фанатизмом. В современном мире никому не нужно напоминать, какую роль в конфликтах играет религиозный фанатизм.

Но если движущей силой современного мира является рост объема знаний, то мы сталкиваемся с загадкой, связанной с различиями в его применении, которые приводят к растущему разрыву между богатыми и бедными странами. Этот разрыв может быть объяснен религиозной конформностью лишь отчасти. Споры о сознании касаются в основном того, как оно относится к телу (mind/body connection). Вопросу же о том, как сознание влияет на формирование наших жизней, внимания уделяется куда меньше. Мы стремимся проанализировать эту сложную смесь убеждений и институтов, которые возникают с течением времени, определяя человеческую жизнь.

Удивительные достижения, источником которых выступил человеческий разум, требовали наличия сознания в том же фундаментальном смысле, в котором они требовали наличия жизни и в котором сама жизнь требует пищеварения и сбалансированной внутренней химической среды. Но ни одно из этих удивительных достижений не было прямым следствием сознания. Напротив, они явились результатом работы нервной системы, которая, обладая способностью к поддержанию сознания, имела внушительную память, включающую в себя мощную способность упорядочивать объекты, а также новейшую способность кодировать весь спектр знания в языке и, наконец, развитую способность удерживать знание на «психическом экране» и разумно манипулировать им. Каждая из этих способностей, в свою очередь, может быть

²³ См.: [Kuran, 1997; Kuran, 2003].

возведена к огромному количеству психических и нейронных компонентов [Damasio, 1999, 310–311].

Сочетание «тех состояний ощущения и осознания», которые характеризуют сознание и развивающийся институциональный каркас, является источником такого человеческого существования. Разнообразие, которое мы наблюдаем в человеческом существовании в истории, начиная с созидательных и творческих достижений эпохи Возрождения и заканчивая бесконечном фанатизмом, дикостью и войнами, которые являются частью нашей истории, имело в качестве своего источника то, каким образом сознание воздействует и реагирует на фундаментальные проблемы систем убеждений, пытаясь совершить переход от системы, созданной для взаимодействия с физической средой, к системе, способной взаимодействовать со средой социальной. Нам необходимо проанализировать не только проблемы макроуровня, связанные фундаментальными источниками порядка и беспорядка, существовавшими в исторических экономиках, но также и специфические объяснения различия в успешности экономик в их противостоянии новым проблемам, которые возникали и продолжают возникать перед обществами в неэргодическом мире. Мы можем продвинуться вперед, рассмотрев эмпирические свидетельства относительно природы обучения и взаимодействия людей в ходе усвоения этих уроков в различных социальных условиях.

3

Подобное объяснение следует начинать с изучения генетической структуры, которая возникла в ходе эволюции человека как охотника и собирателя, длившейся несколько миллионов лет. Врожденная склонность к сотрудничеству в рамках малых групп представляется генетическим свойством. Предыдущая глава описывала исследование в области экспериментальной эко-

номики, предлагающее эмпирические данные, на основе которых может быть сделан подобный вывод. Но как далеко сотрудничество распространяется за пределами малых групп и как оно видоизменяет эгоистическую модель, лежащую в основе экономической теории? Последние эмпирические исследования начинают давать нам некоторые ответы. Возможно, наиболее амбициозная работа такого рода возникла как ответ на критику, касающуюся культурного единообразия студентов колледжей как источника экспериментальных исследований. Несколько ученых (преимущественно антропологов), которые имели обширный опыт, относящийся к большому числу культурных контекстов, провели несколько углубленных исследований в рамках знакомых им культур, используя общий теоретический каркас и исследовательскую методологию. Имеет смысл представить их результаты дословно:

Во-первых, стандартная модель не подтверждается ни в одном из изученных обществ. Во-вторых, поведение в различных группах варьируется шире, чем это было зафиксировано в более ранних кросс-культурных исследованиях, так что стандартная модель оказывается несостоятельной чаще, чем в предыдущих экспериментах. В-третьих, различия в уровне экономической организации групп и степени рыночной интеграции объясняют существенную часть различий в поведении между группами: чем выше уровень рыночной интеграции и выигрыш от сотрудничества, тем более высокий уровень сотрудничества мы наблюдаем в экспериментальных играх. В-четвертых, экономические и демографические переменные, применимые к индивиду, не объясняют поведение внутри групп или между группами. В-пятых, поведение в экспериментах в целом согласуется с экономическими формами повседневной жизни данных обществ²⁴.

²⁴ Economic Man in Cross-cultural Perspective: Behavioral Experiments in 15 Small-scale Societies [Henrich et al., 2003].

Они резюмируют:

Хотя наши результаты не означают, что экономическая наука должна отказаться от теоретической модели рационального агента, они предполагают два серьезных уточнения. Во-первых, стандартная модель эгоистического, приземленного агента, занятого максимизацией выгоды, систематически нарушается. Во всех изучаемых обществах предложения [в рамках игры «ультиматум»] являются строго положительными и зачастую значительно превосходят ожидаемое предложение, максимизирующее прибыль, обеспечивая достижение общественных благ, хотя неприятие положительных предложений в некоторых обществах случается довольно часто. Во-вторых, предпочтения относительно экономических выборов не являются экзогенными, как полагала стандартная модель, а, скорее всего, определяются экономическими и социальными взаимодействиями повседневной жизни. Этот результат означает, что суждения экономической теории благосостояния, которые предполагают экзогенные предпочтения, можно поставить под вопрос, как и предсказания относительно результатов изменения экономической политики и институтов, которые не учитывают изменения в поведении. Наконец, связь между экспериментальным поведением и структурой повседневной экономической жизни должна помочь нам в пересмотре стандартной модели поведения, основанного на индивидуальном выборе [Henrich et al., 2003, 39–40].

Эти выводы хорошо сочетаются с рассуждениями относительно обучения, изложенными в предыдущей главе. Утверждалось, что процесс обучения представляется функцией (1) того способа, при помощи которого данная система убеждений фильтрует информацию, полученную в опыте, и (2) различных видов опыта, с которым сталкиваются индивиды и общества в разное время.

Социальный контекст эмпирического исследования антропологов был миром неопределенности, приспособленным к физической среде. Таким образом, если мы хотим анализировать широкий и продолжающийся расширяться разрыв между богатыми и бедными странами, нам необходимо изучить различный опыт обществ, имевший место во времени, а также значение этого опыта для развития различных систем убеждений, которые создали широкий спектр возможностей противостояния проблемам социальной среды. Ценное само по себе исследование, процитированное выше, дает нам лишь быстрый набросок сути человеческого поведения в отдельные моменты времени. Мы же нуждаемся в более глубоком понимании процесса постепенных изменений с течением времени. Сознание людей и интенциональность, которую они проявляют в усилиях по формированию более сложных, взаимозависимых культур, создали различные институциональные структуры, которые в свою очередь объясняют различия в продуктивности обществ. Лучшее понимание процесса изменений должно соединять особенности человеческого поведения, проанализированные в работе антропологов, со сложной системой убеждений, которые являются следствием сложной природы самосознания, формируемого на основе сознания.

V. СТРОИТЕЛЬНЫЕ ЛЕСА, ВОЗВОДИМЫЕ ЛЮДЬМИ

Всякая организованная деятельность человека подразумевает наличие структуры, определяющей «правила игры». Не важно, идет ли речь о спортивных состязаниях или о работе экономики. Структура состоит из институтов — формальных правил, неформальных

норм, а также особенностей их применения. Возьмем профессиональный футбол. Игра разыгрывается в рамках набора формальных правил, неформальных норм (которые, например, предписывают не наносить умышленно травм ключевому игроку команды противника), а также предполагает использование арбитров для реализации этих правил и норм. То, как фактически разыгрывается игра, зависит не только от формальных правил, определяющих структуру стимулов для игроков, и силы неформальных норм, но и от эффективности применения этих правил. Изменение формальных правил приведет к тому, что игра будет разыгрываться иначе. Но, как известно всякому, кто смотрел матчи с участием команд профессиональных футболистов, такое изменение часто приводит к тому, что правила будут нарушаться (и травмы нападающему команды будут наноситься умышленно). Точно так же дело обстоит с характеристиками производительности экономики. Чтобы понять производительность, нам необходимо разобраться с тем, как «работают» институты, рассмотрев как следствия формальных стимулов, так и зачастую непредвиденные результаты.

Структура, которую создают люди для упорядочения своей политической и экономической среды, является главным определяющим фактором производительности экономики. Она предлагает стимулы, которые определяют выборы людей. При этом, как показывает пример командного спорта, сила неформальных норм и эффективность применения играют ключевую роль. Откуда берутся правила, неформальные нормы и чем определяется эффективность их применения? Они появляются из убеждений, разделяемых людьми.

Познание в его культурном контексте, определяющем набор убеждений, разделяемых людьми, было рассмотрено в конце предыдущей главы. Настоящая глава посвящена исследованию природы указанного

контекста, который рассматривается в широком смысле, как строительные леса, поддерживающие и определяющие возможности взаимодействия между людьми. Строительные леса, возводимые людьми, состоят из физического и человеческого капитала, рассматриваемого здесь в наиболее широком смысле. Под физическим капиталом понимаются все материальные артефакты, накопленные людьми (в особенности инструменты и технологии, которые позволяют им контролировать окружающую среду). Человеческий капитал, в свою очередь, это объем имеющихся у людей знаний, их убеждения, а также институты, создаваемые ими на основе этих убеждений. Хотя мы заинтересованы в понимании того, как устроены строительные леса в целом (и в действительности должны включить в наш анализ множество вопросов, связанных со строительными лесами, поскольку они представляют определенный контекст, в рамках которого развиваются институты), эта глава посвящена более узкому вопросу институционального каркаса.

Этот институциональный каркас состоит из политической структуры, определяющей то, как мы выявляем и агрегируем политические выборы, структуры прав собственности, которая определяет формальные экономические стимулы, а также социальной структуры, то есть норм и конвенций, которые определяют неформальные стимулы в экономике. Институциональная структура отражает убеждения, сформировавшиеся в обществе в ходе истории, а изменения в институциональном каркасе, как правило, представляют собой постепенный процесс, отражающий ограничения, которые прошлое накладывает на настоящее и будущее. Все это — наряду с другими компонентами — задает структуру, возводимую людьми для того, чтобы иметь дело с социальным ландшафтом. Нам необходимо последовательно проанализировать отношения между убеждениями, институтами, культурным наследием и его следствиями, при-

водящими к «эффекту колеи», структуру принятия решений, которая объединяет в себе и реализует выборы людей, и, наконец, природу институциональных изменений²⁵.

1

Существует тесная связь между системами убеждений и институциональным каркасом. Системы убеждений включают в себя внутреннюю репрезентацию социального ландшафта. Институты являются теми структурами, которые люди накладывают на этот ландшафт для получения желаемого результата. Соответственно, системы убеждений являются внутренними репрезентациями, а институты — внешними проявлениями этих репрезентаций. Таким образом, структура некоторого экономического рынка отражает убеждения агента, способного определять правила игры. Внедрение этих правил будет приводить к определенным результатам (то есть формировать определенный вид рынка) в соответствии с желанием агента. Эти желания могут быть направленными как на создание монополии, так и на создание конкурентного рынка (нужно также помнить о том, что убеждения такого агента могут быть некорректными и приводить к непредвиденным последствиям). В том случае, если существуют конфликтующие убеждения, институты будут отражать убеждения агента (прошлые и настоящие), который обладает полномочиями настоять на своем выборе. К этому последнему случаю мы будем обращаться в параграфах ниже.

Внутренняя взаимосвязь между убеждениями и институтами, проявляющаяся в формальных правилах

²⁵ Я не буду повторять здесь анализ институтов, который был проведен мной в более ранних работах. Настоящее исследование основывается на них, расширяя и в некоторых пунктах видоизменяя прежний анализ.

общества, еще более явно прописана в случае неформальных институтов — норм, конвенций и кодексов поведения. Эти неформальные институты не только включают в себя моральные кодексы систем убеждений, которые, видимо, имеют общие свойства в разных культурах, но также включают нормы, характерные для отдельных обществ, очень отличающиеся в разных культурах. Формальные институты могут быть изменены официальным решением, а вот то, как изменяются неформальные институты, мы все еще не вполне понимаем и, как правило, не можем манипулировать ими сознательно²⁶.

2

Как уже было отмечено, культура представляет собой межпоколенческий перенос норм, ценностей и идей. Однако роль культуры, с которой мы имеем дело в настоящий момент, описывается Хатчинсом и Хазельхёрстом как «процесс, позволяющий обучению предыдущих поколений иметь более непосредственное влияние на обучение последующих поколений» [Hutchins and Hazelhurst, 1992, 690]. Поэтому, допуская, что популяция в течение многих поколений может делать открытия, которые оставались бы недоступными для любого отдельного индивида в течение всей его жизни [Ibid., 1992, 690]. То, что передается и формируется предыдущими поколениями, они называют искусственной структурой. Эта искусственная структура представляет собой опыт обучения прошлых поколений, передаваемый в качестве культуры в систему убеждений нынешних поколений. И хотя формальные правила общества будут отражать это наследие, наиболее важным «носителем» искусствен-

²⁶ Сегодня публикуется все больше работ, посвященных нормам. Хороший обзор из эволюционной перспективы: [Bendor and Swistak, 2001].

ной структуры являются все же неформальные ограничения, встроенные в нормы поведения, конвенции и личные кодексы поведения. Формальные правила могут внезапно изменяться (в ходе революции, к примеру), неформальные же ограничения изменяются намного медленнее и играют ключевую роль в эволюции организации общества. «Локальное обучение» возникает на основе особенностей среды (как физической, так и интеллектуальной), характерной для некоторого общества. В процесс того, как в этой среде происходят изменения, они постепенно ассимилируются в социокультурном языковом наследии и включаются в искусственную структуру.

Хайек утверждал, что культура представляет собой «передачу во времени нашего совокупного объема знаний» [Hayek, 1960, 27]. Он включал в знание все результаты человеческой адаптации к среде, выведенные из прошлого опыта, то есть помимо институтов также привычки, навыки, эмоциональные установки. Теория культурной эволюции Хайека описывает ее как спонтанный процесс, поскольку он был убежден, что способность людей понимать все более сложную структуру социальных отношений является ограниченной. Но человеческая интенциональность не является спонтанной. Люди осознанно пытаются планировать свое будущее, и у них нет иного выхода, кроме как пытаться структурировать социальные взаимоотношения, иначе наступят анархия или хаос. И какой бы несовершенной ни была эта их способность, у них просто нет выбора. Вопрос состоит в том, как именно они это делают²⁷.

Вопрос о том, как человеческие сообщества пытаются определять свое будущее, прямо подводит нас к фундаментальному аспекту процесса изменений — его исторической природе. Мы не можем понять, куда

²⁷ Прекрасный анализ и острую критику некоторых нормативных следствий теории Хайека см.: [Vanberg, 1994].

мы идем, не зная, где мы были. Связь прошлого с настоящим и будущим составляет суть «эффекта колеи», хотя этим термином часто злоупотребляют или употребляют его неверно. Он означает лишь то, что возможности выбора в настоящем ограничены наследием институтов, накопленным в прошлом. Но если бы это было все, что нам следует знать об «эффекте колеи», то мы могли бы проводить радикальные изменения, заметив, что институты неэффективны. Более ясное понимание термина связано с признанием того, что накопленные институты привели к созданию организаций, выживание которых зависит от сохранности этих институтов и которые, соответственно, будут вкладывать ресурсы в то, чтобы предотвратить какие-либо изменения, угрожающие их выживанию. «Эффект колеи» во многом можно рассматривать в этом контексте. Предыдущая глава предлагает еще более сложный взгляд на «эффект колеи». Взаимодействие убеждений, институтов и организаций в рамках полностью искусственной структуры делает «эффект колеи» фундаментальным фактором для динамики общества (этот вопрос будет более подробно разобран во второй части книги). «Эффект колеи» не является «инерцией», он представляет собой ограничение возможностей выбора, существующих в настоящем, основанное на историческом опыте прошлого. Понимание процесса изменений влечет за собой непосредственное столкновение с природой «эффекта колеи», изучение которой необходимо для определения природы ограничений, накладываемых на изменения в различных обстоятельствах.

3

Строительные леса, которые возводятся людьми, определяют не только экономическую и политическую игру, но и то, кто будет иметь доступ к процессу принятия решений. Они также определяют формальную

структуру положительных и отрицательных стимулов, которая является первым приближением к набору имеющихся возможностей выбора. Но строительные леса значат гораздо больше. Они в равной степени являются неформальной структурой норм, конвенций и моделей поведения. И более того, они являются тем способом функционирования институциональной структуры, при помощи которого она отвечает на другие факторы, затрагивающие как демографические характеристики общества, так и изменения в объеме знания.

Формальная институциональная структура общества состоит из конституционного каркаса в самом широком понимании, то есть из структуры, которая определяет, как должна разыгрываться политическая и экономическая игра. Хотя изучение Конституции США может дать нам некоторое представление о процессе принятия решений в этой стране, такое представление будет весьма ограниченным и потому не слишком ценным. Действительный ход игры определяется формальной структурой, неформальными институциональными ограничениями и особенностями их применению. В исследовании, проведенном для Всемирного банка, Кокс и Маккаббинз [Cox and McCubbins, 2001, 2–3] резюмировали представление о формальной структуре представительного общества следующим образом:

Структура организации общества может быть описана в качестве последовательности отношений между принципалом и агентом. В типичной представительной демократии, например, можно выделить три основных типа делегирования. Во-первых, народ-суверен делегирует власть принятия решений (обычно при помощи писаной конституции) национальному законодательному собранию и правительству. Два основных инструмента, который народ сохраняет для того, чтобы контролировать поведение представителей, — это возможность замены их во время

выборов, а также возможность определения набора конституционных правил политической игры... Второй шаг в делегировании власти совершается, когда определяются детали внутренней организации законодательного собрания и правительства... Третий шаг в делегировании власти в качестве принципалов совершает законодательное собрание (или его политические лидеры), а в качестве агентов — разнообразные бюро и агентства... Наша идея здесь сводится к тому, что структура этих отношений между принципалом и агентом в значительной мере определяет выбор публичной политики.

Однако последствия для работы этой структуры могут быть наиболее точно проиллюстрированы при помощи оценки политики с точки зрения транзакционных издержек. Концепция транзакционных издержек как издержек, связанных с оценкой и выполнением соглашений, может быть успешно применена к анализу эффективности политических рынков. Например, Конгресс США имеет относительно низкие транзакционные издержки, что является результатом разработанной институциональной структуры, которая облегчает обмен и делает возможными заслуживающие доверия обязательства²⁸. Но хотя институциональная структура делает возможным обмен с относительно низкими издержками, отсюда не следует эффективность всего политического рынка. Выделение родовых проблем политических рынков через анализ гипотетического политического рынка с нулевыми транзакционными издержками позволит нам представить эту проблему в наиболее остром разрезе²⁹.

Такой политический рынок должен был бы обладать следующими свойствами. Избиратели на нем должны

²⁸ Анализ организации Конгресса в этих терминах см.: [Weingast and Marshall, 1988].

²⁹ Следующие абзацы взяты из другой моей работы: [North, 1990a].

иметь возможность точно оценивать стратегии, осуществляемые конкурирующими между собой кандидатами, относительно совокупного влияния на свое благосостояние. Принимаются лишь те законы (или правила), которые приводят к максимизации совокупного дохода заинтересованных сторон, а обязательная компенсация остальным дает уверенность в том, что ни одна сторона не будет в результате пострадавшей. Для того чтобы добиться таких результатов, избиратели и законодатели должны обладать истинными моделями, которые позволили бы им точно оценивать приобретения или потери, связанные с соответствующими стратегиями, причем законодатели должны голосовать в интересах избирателей, то есть голос каждого законодателя должен быть взвешен в отношении совокупных приобретений и потерь избирателей, а проигравшие должны получать компенсацию, позволяющую сделать этот обмен для них безболезненным. Промежуточные шаги законодателя — голосование за то, что он или она воспринимает как интересы избирателя, и грубая оценка голосов с точки зрения приобретений или потерь для избирателей — облегчаются при помощи сложной законодательной структуры. Однако помимо этого остается еще несколько вопросов. Во-первых, откуда избиратель знает, каковы его интересы? Что действительно будут делать конкурирующие между собой кандидаты? Кандидатам даже не известен круг вопросов, которые им придется решать и которые прямо или косвенно затрагивают благополучие избирателей. И даже если бы они знали их, им также нужно было бы понимать влияние своей деятельности на благосостояние избирателей — это довольно просто в случае очевидного перераспределения или законов, которые напрямую затрагивают доходы и занятость в данной местности, но совершенно невозможно для большей части законопроектов. Что касается избирателя, то он должен был бы сознавать последствия всего множества

законопроектов, принимаемых представителями, для своего кошелька.

Кроме того, насколько хорошо институциональная структура законодательного собрания соответствует модели с нулевыми транзакционными издержками? Конгресс США имеет относительно низкие транзакционные издержки и, по сравнению с тоталитарными режимами, очевидно эффективен. Но, как показывает бесчисленное множество исследований Конгресса, весьма запутанный набор стимулов приводит к стратегическому голосованию и негласным взаимовыгодным договоренностям при голосовании за законопроекты.

А насколько совпадают намерения и результаты? Модели, которыми руководствуются законодатели, являются одним из источников ошибок. Законодатели просто не имеют информации или теоретических моделей, которые позволили бы им добиться желаемых результатов. Более того, законодательная деятельность осуществляется агентами, имеющими свою собственную выгоду, которая будет влиять на итоговые результаты.

Несовершенные модели сложной среды, которую пытаются упорядочивать политики (и избиратели), институциональная неспособность установления обязательств, заслуживающих доверия, между принципалом и агентом (избирателем и законодателем, законодателем и правительственным чиновником, внедряющим закон), высокие издержки, связанные с получением информации, а также ничтожная выгода от получения такой информации для отдельного избирателя, — все это делает политические рынки глубоко несовершенными³⁰. Безусловно, в этом выводе нет ничего удивительного. В конце концов, базовое разде-

³⁰ Более оптимистический взгляд на проблему эффективности политических рынков см.: [Lupia, McCubbins and Popkin, 1999].

ление между политикой и экономикой даже среди самых последовательных либертарианцев всегда оставляло место для остаточной деятельности, которую следовало передать правительству в силу естественной сложности, проистекающей из свойств общественного блага, проблемы «безбилетника», а также асимметричности и высоких издержек, связанных с получением информации относительно определенных видов деятельности. Мы не ожидаем, что случайная выборка проблем станет общественной. Те проблемы, которые могут решаться индивидами или в рамках договоренностей между малыми группами, не делаются общественными. Общего внимания заслуживают вопросы, описанные выше, или же те, рыночные результаты которых не устраивают определенные группы (причем группы, которые обладают достаточной силой для того, чтобы добиваться своих целей в политике). Рыночная власть и снижение транзакционных издержек в политике и экономике — это не одно и то же, иначе группам было бы бесполезно выносить проблемы на политическую арену. Процесс отбора в данном случае сводится к тому, что вещи с наиболее высокими транзакционными издержками тяготеют к политике и правительству. Как и двести лет тому назад, сегодня по-прежнему остаются актуальными взгляды Мэдисона на природу политического процесса, описанные им в «Федералисте» № 10. Фактически он утверждал, что правительство обычно оказывается захваченным частными интересами и используется индивидами в своих целях в ущерб общему благу. Это представлялось Мэдисону универсальной дилеммой правительства на протяжении всей человеческой истории.

В предыдущих абзацах был схематически намечен политический каркас представительного правления, вопросу о котором было посвящено множество работ политических ученых. Труднее описать модель политического процесса в странах третьего мира, где доминируют коррупция, взяточничество и мафиозное

нымогательство. Моделирование подобных структур и того, как они в действительности работают, привлекает в последние годы все больше внимания политэкономов, но эта работа еще далека от завершения. Невероятное разнообразие политических форм делает этот вопрос ключевым для улучшения нашего понимания экономических изменений³¹.

Таким образом, можно заключить, что моделировать политический процесс у нас пока получается хуже, чем экономические рынки. Краткий анализ транзакций на политических рынках предлагает некоторые причины такого положения вещей. Политические рынки работают иначе, чем экономические. Трудности начинаются с допущений о поведении, которые мы используем. Они более сложные, чем те, что применяются нами в экономических моделях и отражают нравственные и этические нормы, а также «иррациональные» повседневные реакции. Политические решения связаны с более сложными требованиями к познанию в силу природы разума и интенциональности. Сложная смесь «рационального эгоистического поведения» (основания экономических моделей) с идеологическими убеждениями, формирующимися на основе самосознания людей, представляет собой серьезный вызов для представителей политической науки. И в данном контексте очевидно, что политический рынок в его динамическом контексте дает перспективу более эффективной работы с неопределенностью в неэргодическом мире. Как было показано во второй главе, неопределенность может быть снижена за счет институтов, которые запускают

³¹ Количество работ, посвященных этому вопросу, непрерывно растет. В серии «Политическая экономия институтов и процедур принятия решений», выходящей в издательстве Кембриджского университета, вышло несколько наиболее важных исследований на эту тему. Первопроходческой работой о роли политики и правительства в развитии американской экономики стало исследование Хьюза: [Hughes, 1977].

свободный процесс открытий. Демократия в ее идеальной форме делает именно это. Майкл Вольгемут [Wohlgemuth, 2003] в своей работе «Демократия как эволюционный метод» делает три утверждения, которые характеризуют динамические аспекты демократии:

1. Политические предпочтения и мнения основываются на подверженных ошибкам гипотезах и теориях.
2. Демократическое формирование мнений является результатом свободного процесса интерактивного обучения и открытия.
3. Важный элемент этого процесса состоит не в превосходстве, но в возможности оспаривания мнений нынешнего большинства.

Подход Вольгемута основан на работах Хайека [Hayek 1960, 108ff], который утверждал, что «демократия прежде всего является процессом формирования мнения... Ценность демократии проявляется в ее динамических, а не в статических аспектах. Идеал демократии покоится на убеждении о том, что взгляды, которыми будут руководствоваться в правительстве, возникают на основе независимого и спонтанного процесса. Соответственно, он требует существования значительной сферы, свободной от контроля со стороны большинства, в которой формируются мнения индивидов».

Этот позитивный взгляд на ключевую роль демократии в сохранении свободы и наращивании экономического роста является главным основанием либеральной мысли в классическом понимании этого термина. Однако эта точка зрения ведет к возникновению головоломки. Если мы строим регрессии между демократией и экономическим ростом, результаты оказываются положительными, но очень слабыми [Barro, 1996]. Я постараюсь разрешить эту головоломку во второй части книги; здесь же я просто задаю аналитический каркас.

Именно государство определяет и применяет формальные экономические правила игры и, следовательно, является первичным источником экономической производительности. Формальные экономические правила в широком смысле слова — это права собственности, закрепленные в законах и правилах и определяющие порядок владения, использования, извлечения дохода, а также отчуждаемость ресурсов и активов. На этот счет существует огромное количество литературы³². А вот о том, как на экономическую производительность влияют неформальные ограничения, написано меньше. Есть несколько недавних исследований, которые посвящены моделированию специфических норм и их влиянию на набор решений в рамках парадигмы теории игр, но изучение общего влияния культуры на экономическую производительность лишь начинается. Демсец [Demsetz, 1967] указывал, что нормы могут возникать, когда деятельность создает растущие внешние эффекты, так что нормы являются следствием интернализации этих эффектов. Я считаю [North, 1990b], что в обществах, где взаимодействие протекает на личностном уровне, неформальных норм в целом достаточно. Они становятся формальными правилами лишь в случае возникновения обезличенного обмена и необходимого роста использования внешних символических систем хранения информации в таких сложных человеческих обществах. Однако нам еще нужно разобраться в вопросе происхождения норм и причинах сохранения неэффективных норм. Я начну с первого из них.

Любое обсуждение роли убеждений и ценностей в определении изменений неизбежно обращается к новаторской работе Макса Вебера. Его «Протестантская этика и дух капитализма» подчеркивает религиозные источники данных ценностей. Юхиро Хаями отмечает важность этического кодекса для японского бизнеса. «Речь идет о смеси конфуцианства, буддизма и синто-

³² Великолепный обзор см.: [Barzel, 1997].

изма, но, в сущности, эта смесь учила той же самой морали, которую Адам Смит рассматривал в качестве основы богатства народов, то есть таким качествам, как бережливость, трудолюбие, честность и верность. Очевидно, что эта идеология оказала существенное влияние на развитие торговли и промышленности во времена позднего сегуната Токугавы, упразднив риски недобросовестного поведения и снизив стоимость рыночных трансакций» [Hayami and Aoki, 1998, 15].

Вместе с Жаном-Филиппом Платто Хаями [Hayami and Platteau, 1998] обратился к анализу другого источника социальных норм. Авторы выявили контраст между нормами перераспределения в африканских племенных сообществах и нормами реципрокности в азиатских сельских сообществах и связали эти различия с разным уровнем плотности населения и соответствующими правами собственности в сельском хозяйстве. «В культурном отношении люди, чьи жизни основаны на оседлом сельском хозяйстве, являются верующими одной из великих религий, например буддизма в Таиланде, ислама в Индонезии, христианства на Филиппинах, буддизма и конфуцианства в Китае, Корее и Японии» [Ibid., 1998, 386]. В ходе своего анализа они приходят к тому, что религии сами являются следствием базовых демографических условий, а не независимой переменной, которая становится причиной итоговых норм. Они акцентируют внимание на «структурных силах, которые являются корнем несовершенства рынков, систем стимулов и которые возникают из традиционных социальных структур (а не из ошибок в политике правительства), становясь причиной естественного или технологического отставания, то есть всех тех результатов, которые привели к тому, что сельскохозяйственный прогресс стал особенно дорогостоящим и сложным в Африке к югу от Сахары» [Ibid., 1998, 359]. Платто и Хаями зафиксировали важный момент, сделав акцент на плотности населения и формах использования земли как фак-

горах, важных для понимания контраста между Африкой и Азией. Их работа описывает происхождение различных норм, имеющих большое значение для развития Азии. Но, несмотря на то что этой теме посвящена обширная литература, мы все еще далеки от точного понимания источников и последствий различий в культурном наследии.

Еще большей проблемой для высокой производительности является сохранение неэффективных норм. Трайи Эггертссон [Eggertsson, 1996, 1998] зафиксировал сохранение подобных норм в Исландии, где в течение веков люди придерживались правил, запрещающих им ловить рыбу непосредственно у мест проживания. Юн Эльстер [Elster, 1989] посвятил немало страниц подобным нормам. Но опять же наше понимание этих проблем все еще является неполным.

Описание, предложенное выше, должно прояснить, как формальные и неформальные институты и особенности их применения определяют эффективность экономической организации, а также (соответственно, вместе со стоимостью производства) экономическую эффективность. Трансакционные издержки позволяют нам оценивать издержки обмена и дают нам инструмент для анализа издержек экономической организации, позволяя добиваться лучшего понимания причин низкой экономической производительности³³.

4

Как изменяются сами институты? Пять утверждений относительно институциональных изменений таковы³⁴:

1. Длительное взаимодействие институтов и организаций в условиях ограниченности ресурсов

³³ Обзор проблемы применительно к уровню компании см.: [Williamson and Masten, 1999].

³⁴ Этот раздел воспроизводится по работе: [North, 1995a].

и, следовательно, конкуренции имеет ключевое значение для институциональных изменений.

2. Конкуренция заставляет организации постоянно вкладывать ресурсы в развитие навыков и знаний, которые необходимы для их выживания. Те виды навыков и знаний, которые приобретают индивиды и их организации, будут определять развитие у них понимания своих возможностей и, следовательно, решений, которые будут постепенно изменять институты.
3. Институциональный каркас определяет стимулы, диктующие те виды навыков и знания, которые следует получать для максимизации выгоды.
4. Понимание зависит от ментальных структур агентов.
5. Эффект масштаба, взаимодополнение и сетевые экстерналии институциональной матрицы делают институциональные изменения постепенными и зависимыми от «эффекта колеи».

Все эти пункты требуют пояснений.

1. Изучение институтов и институциональных изменений необходимо в качестве первого условия концептуального различения институтов и организаций. Институты являются правилами игры, а организации — игроками. Их взаимодействие определяет институциональные изменения (см. об этом: [North, 1990b]).

Институты представляют собой ограничения, накладываемые людьми на социальные отношения. Эти ограничения (вместе со стандартными ограничениями экономики) определяют набор возможностей для экономики. Организации состоят из групп индивидов, связанных общими целями. Компании, профсоюзы, ассоциации являются примерами экономических организаций. Политические партии, сенат, регулирующие органы представляют собой политические организации; религиозные объединения, клубы являются

социальными организациями. Возможности, создаваемые институциональной матрицей, определяют виды организаций, которые будут существовать в ней. Лидеры организаций приводят в движение институциональные изменения, сталкиваясь с неизбежной конкуренцией, которая является следствием ограниченности ресурсов в экономике. Когда они получают новые или видоизмененные возможности, они вызывают институциональные преобразования, изменяя правила (непосредственно участвуя в политике или косвенно за счет экономических или социальных организаций, оказывающих давление на политические организации), или же при помощи намеренной (иногда случайного) трансформации видов и эффективности применения правил или эффективности санкций и других видов применения неформальных ограничений. В исторической перспективе вместе с созданием организациями в ходе взаимодействия между собой новых неформальных способов обмена, социальные нормы, конвенции и кодексы поведения могут отмирать.

2. Новые или видоизмененные возможности могут быть результатом экзогенных преобразований во внешней среде, которые изменяют относительные цены для организаций. Они также могут быть основаны на эндогенной конкуренции между организациями в политике и экономике, которая приводит к росту знания и, как следствие, инновациям. В каждом из случаев неустранимость конкуренции в условиях дефицита ресурсов в экономике заставляет лидеров и членов организаций инвестировать в навыки и знания. Независимо от того, идет ли речь об обучении на практике или о приобретении формального знания, ключ к выживанию состоит в повышении эффективности организации по сравнению с конкурентами.

Хотя праздное любопытство, безусловно, является врожденным источником, толкающим людей к познанию, интенсивность накопления знаний напря-

мую зависит от выгоды, связанной с его получением. Прочным монополиям (например, системам государственных средних школ в США) как в политике, так и в экономике просто не нужно совершенствоваться для того, чтобы выживать. Однако компании, политические партии или даже институты высшего образования, сталкивающиеся с конкурентами, должны бороться за то, чтобы, чтобы улучшать свою эффективность. Если конкуренция «задавлена» (не важно, по какой именно причине), у организаций нет больших стимулов для инвестиций в новые знания, и, как следствие, они не иницируют быстрые институциональные изменения. Результатом становятся стабильные институциональные структуры. Интенсивная конкуренция между организациями будет приводить к быстрым институциональным изменениям.

3. Из предыдущего утверждения нельзя сделать выводов относительно эволюционного прогресса или экономического роста. Речь идет лишь об изменениях. Институциональная матрица определяет набор возможностей, будь то те, что приносят наибольшую выгоду в экономике перераспределения доходов, или те, что делают наиболее выгодной производственную деятельность. Хотя каждая экономика имеет смешанные стимулы обоих видов деятельности, их конкретное соотношение оказывает решающее влияние на производительность. Возникающие организации будут отражать структуры вознаграждения. Более того, конкретные направления инвестиций в навыки и знания будут также отражать в себе базовую структуру стимулов. Если наиболее высокий уровень доходности в экономике связан с пиратством, можно предположить, что организации будут инвестировать в навыки и знания, которые сделают их лучшими пиратами. Точно так же, если уровень доходности производственной деятельности высок, мы будем ожидать, что организации станут

вкладывать ресурсы в инвестиции в навыки и знания, которые будут повышать уровень производительности.

Непосредственные инвестиции экономических организаций в стажировки и обучение без отрыва от производства будут очевидным образом зависеть от связанных с этим выгод. В гораздо более фундаментальном смысле уровень инвестиций в формальное образование, школы, просвещение, прикладные и теоретические научные исследования в данном обществе будет отражать понимание ситуации лидерами политических и экономических организаций. Подобным же образом институциональная матрица будет включать в себя стимулы для деторождения, и в той мере, насколько эти стимулы влияют на знания о санитарии и инфекционных заболеваниях, они могут влиять на контроль над источниками заболеваний и смертности. Но важно отметить, что реально функционирующие институты будут отражать убеждения агентов, которые в случае с источниками рождаемости и смертности на протяжении большей части истории были в основном ложными³⁵.

4. Основой выбора, совершаемого индивидом, является его понимание, то есть способ, которым сознание интерпретирует полученную им информацию. Как было отмечено в предыдущих главах, психические конструкции, которые формируются индивидами для объяснения и интерпретации окружающего их мира, отчасти являются следствием их культурного наследия, а частью — следствием «локальных» повседневных проблем, с которыми они сталкиваются и которые они должны решать, а кроме того, следствием общего обучения. Пропорции, в которых эти источники соотносятся друг с другом в объяснении определенной среды, очевидно, варьируются в случае, например, члена племени папуасов, с одной стороны, и экономиста из США — с другой (из чего, впрочем, нельзя

³⁵ Яркие примеры см.: [Easterlin, 1996; David, 1997].

сделать вывод о том, что понимание последнего не зависит от его культурного наследия).

Индивиды с различным наследием будут интерпретировать одно и то же явление различным образом и, как следствие, будут делать разные выборы. Если обратная связь с последствиями выбора является «полной», то индивиды с той же самой функцией полезности будут постепенно корректировать свое понимание и с течением времени придут к общему балансу. Однако, как было показано во второй главе, несовершенство понимания и неэргодичность мира в рамках последовательных изменений фактически гарантирует, что мы постоянно ошибаемся и будем ошибаться. Как емко заметил Фрэнк Хан, «существует множество теорий, в соответствии с которыми можно поступать, никогда не сталкиваясь с событиями, которые заставили бы вас изменить эти свои теории» [Hahn, 1987, 324]. Как следствие, возможно множество типов равновесий.

5. Вариативность, прибыльность и даже выживание организаций в обществе, как правило, зависят от существующей институциональной матрицы. Эта институциональная структура привела к их возникновению, и на ее основе создается сложная сеть взаимозависимых обязательств и других отношений. Отсюда следуют два вывода. Институциональные изменения, как правило, являются поэтапными и зависят от «эффекта колеи».

Они являются постепенными, поскольку масштабные изменения будут создавать слишком много противников среди существующих организаций, которые пострадают от этих изменений, а потому будут сопротивляться им. Революционные изменения будут происходить лишь в случае патовой ситуации, сложившейся среди конкурирующих организаций, которая препятствует способности организаций получать выигрыш от обмена. «Эффект колеи» будет иметь место в силу того, что направление постепенных институциональных изменений будет в целом совме-

стимо с существующей институциональной матрицей (по причинам, описанным выше), а также будет направляться теми видами знания и навыков, в которые инвестировали лидеры и члены организаций.

Теперь рассмотрим подробно каждое из утверждений.

Утверждение 1: исследование институтов осложнено неоднозначностью данного термина. Институты управляют игрой, организации играют в нее. Они влекут за собой различные моделирования для того, чтобы понять способ, которым они функционируют и соотносятся друг с другом. Моделирование институтов — это моделирование искусственных, сделанных человеком ограничений социальных отношений, которые определяют структуру стимулов в данном обществе. Моделирование организаций представляет собой построение теорий относительно структуры, управления и стратегии целевых социальных объединений³⁶.

Хотя в качестве агентов выступают индивиды, обычно именно индивиды как члены организаций принимают решения, которые изменяют правила игры.

Утверждение 2 просто переформулирует фундаментальный постулат экономической теории, применяя его к организациям в рамках некоторой экономики. При этом оно подчеркивает, что объем знаний, доступный индивиду в обществе, является фундаментальным определяющим фактором производительности экономики и общества, а изменения в объеме

³⁶ Моделированию внутренней структуры организаций посвящена большое количество литературы, в частности, таких авторов, как Оливер Уильямсон, Гэри Миллер и Джим Марш (в числе многих других). Эта литература весьма ценна для понимания того, как происходит принятие решений внутри организаций. Но наше исследование посвящено не этому, а взаимодействию между институтами и организациями.

знаний являются ключевым фактором эволюции экономики. Расцвет западного мира был в конечном итоге следствием определенных видов навыков и знаний (не только «производственного знания», но в значительной степени знаний о военных технологиях), которые оказались важными для политических и экономических организаций средневекового западного мира. Ключевой момент здесь состоит в том, что обучение индивидов и организаций оказывает существенное влияние на эволюцию институтов.

Утверждение 3: на протяжении большей части истории и даже во многом в современном мире экономика рассматривалась агентами как игра с нулевой суммой, в рамках которой приобретение навыков и знаний в качестве своей цели преследовало стремление сделать это лучше за счет конкурентов. Институциональная матрица отражает рыночную силу тех, кто может создавать или изменять правила. Их понимание тех выгод, которые связаны с распределением и производством, будут определять правила игры и итоговый набор возможностей. Они в свою очередь будут определять понимание того, какие виды навыков и знаний приносят выгоду. Переход от системы убеждений, созданной для жизни в условиях неопределенности физической среды, к системе, пригодной для работы с возможностями социальной среды, включает в себя изменение в понимании ситуации — от игры с нулевой суммой мы переходим к игре с положительной суммой, что является решающим моментом в процессе экономических изменений.

Утверждение 4: откуда берется понимание, которым обладают индивиды? Неоклассическая теория просто пропускает этот момент, предполагая, что люди знают, что они делают. Может быть, это и верно в случае оценки альтернативной стоимости в супермаркете, но совершенно ошибочно, когда речь идет о более сложных выборах в мире неполной информации

и субъективных моделей, которые используются для того, чтобы эту информацию интерпретировать.

То, что мы понимаем под рациональностью, требует ясного определения для специалистов в области общественных наук вообще и для тех, кто применяет модели рационального выбора, в частности. Если мы собираемся применять теоретический подход, основанный на понятии выбора, мы должны отдавать себе отчет в том, как именно люди приходят к тем выборам, которые они совершают. Это требование точности и ясности предполагает подробный анализ субъективных моделей, которые используются людьми для интерпретации информации, а также информации, которую они получают.

Утверждение 5: почему экономики не могут внезапно менять направление своего развития? Этот вопрос определенно был бы сложной проблемой в мире, организованном по канонам неоклассической теории. Но подавляющее большинство изменений являются постепенными, последовательными и ограниченными историческим прошлым. Выводы, представленные в проведенном выше анализе, и описание институциональных изменений представляют собой базовые элементы, которые понадобятся нам при рассмотрении общей природы процесса экономических изменений.

Такое видение институциональных изменений крайне важно для понимания процесса экономических изменений.

VI. ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

Попытаемся подытожить наши успехи в понимании процесса экономических изменений. Что мы знаем и что нам следует узнать, чтобы двигаться дальше? Мы имеем большой объем данных об измене-

нии экономической эффективности с течением времени, и нам известно многое об основополагающих причинах увеличения производительности, которое и влечет за собой повышение экономической эффективности. Не хватает нам лишь теории, которая позволила бы интегрировать анализ институциональных изменений, проведенный в предыдущей главе, в контекст общего понимания процесса экономических изменений.

Неоклассическая экономическая теория дает нам понимание работы рынков в развитых экономиках, но в ее задачи не входит объяснение эволюции рынков и экономики вообще. Этой теории присущи три принципиальные недостатки, которые следует преодолеть, чтобы понять процесс экономических изменений. Неоклассическая теория рассматривает такую экономику, которая беспрепятственна (*frictionless*), статична и не зависит от человеческой интенциональности. Под «беспрепятственностью» понимается отсутствие какого-либо «внешнего» вмешательства в работу рынков и отсутствие ресурсов, необходимых для осуществления изменений (трансакционные издержки равны нулю); статична она в том смысле, что при проведении анализа не задействован фактор времени; учет интенциональности требует понимания того, как люди осуществляют свой выбор.

Эволюционная теория, явным образом основанная на факторе времени, вдохновлялась революционными трудами Дарвина и привлекала внимание многих экономистов от Веблена до Маршалла, но лишь в последние годы она начала вдохновлять систематические исследования в общественных науках. Поскольку поразительной чертой человеческого мыслительного аппарата является способность к репрезентационному переформулированию, то во вдохновляющем воздействии эволюционной теории нет ничего удивительного. Применению эволюционных идей в различных сферах — от биологии

до экономики — посвящена значительное количество литературы³⁷. Но споры вокруг эволюционной биологии и попытки применить ее к эволюции человека завели бы нас слишком далеко³⁸. Настоящее исследование, несомненно, вдохновляется этой литературой, тем не менее необходимо подчеркнуть два важных различия между биологической и экономической эволюцией³⁹. В биологической эволюции вариации возникают вследствие мутаций и рекомбинации генов по законам Менделя. В экономической эволюции не существует близких аналогов этим процессам⁴⁰. Кроме того, как подчеркивалось выше, на механизмы отбора в эволюционной теории, в отличие от экономической эволюции, не влияют представления о финальных результатах. Собственно, действие экономической эволюции определяется именно институтами, в создании которых выражается интенциональность игроков.

Чтобы преодолеть недостатки как неоклассической, так и эволюционной теории, мы должны рассмотреть вопросы, касающиеся беспрепятственной экономики, фактора времени и человеческой интенциональности. В последующих разделах данной главы мы этим и займемся, обобщив все, что мы знаем и что должны знать для понимания процесса экономических изменений. Затем мы сможем поместить эти вопросы в широкий контекст проблем, связанных с масштабными общественными изменениями.

³⁷ См. недавние обзоры: [Witt, 1992; Hodgson 1993; Denzau and Zak, 2001].

³⁸ См., например, безжалостную критику Стивена Джея Гулда и Стюарта Кафманна в: [Dawkins, 1998].

³⁹ Одним из ранних источников вдохновения послужила работа: [Boyd and Richerson, 1998].

⁴⁰ См. примеры: [Dawkins, 1998; Dennett, 1995].

1

Собственно говоря, вопросами беспрепятственной экономики занимается институциональный анализ, и за последние несколько десятилетий в изучении тем, о многих из которых говорилось в главе V, был достигнут существенный прогресс. Институты определяют взаимодействие между людьми, создавая структуру стимулов, управляющую человеческим поведением. Однако структура стимулов требует теории о том, каким образом разум воспринимает мир и его функционирование, благодаря чему институтам и удается создавать эти стимулы. Различные испытания, сквозь которые проходят общества с течением времени, ведут к возникновению различных представлений об устройстве мира и, соответственно, требуют различных институтов для создания одних и тех же стимулов. Необходимо понимать, как в различных условиях происходит процесс обучения и как это отражается на системах представлений и соответствующих институтах.

Но даже в рамках данной системы представлений институты никогда не являются совершенными системами стимулов. Поведение в разной степени формируется формальными правилами, неформальными ограничениями и уровнем принуждения. Ключ к полезному институциональному анализу в том, чтобы принимать во внимание несовершенную природу институциональной системы стимулов и встраивать это понимание в аналитические рамки. Только тогда институциональный анализ сможет внести серьезный вклад в политэкономический анализ. Возьмем, например, вопрос о политических институтах.

Грубо говоря, мы многое знаем о государствах, но не знаем, как их чинить⁴¹. У нас отсутствует четкое по-

⁴¹ Будучи до недавних пор соредактором серии «Политическая экономия институтов и процедур принятия решений» в издательстве Кембриджского университета, я поража-

нимание того, «что делает государства работоспособными» в том же смысле, в каком работоспособен экономический рынок. Сопоставление транзакционных издержек, проведенное в главе V, помогает оценить степень различий и выявить недостаточность нашего понимания. Действительно ли демократия создает идеальные условия для экономического роста или же благоприятные общественные изменения более вероятны при авторитарном режиме? Тайвань и Южная Корея начали бурный экономический рост при авторитарных режимах, со временем сменившихся демократическими, а Сингапур и по сей день остается авторитарным государством с впечатляющими экономическими успехами. Безусловно, авторитарный правитель, стремящийся обеспечить экономический рост, обладает большей свободой действий, чем демократические власти, вынужденные учитывать многочисленные политические и экономические интересы.

Суть дилеммы очевидна. Правительство не является незаинтересованной стороной по отношению к экономике. По самой природе политического процесса, вкратце описанной выше, правительство имеет веские стимулы для оппортунистического поведения с целью максимизации ренты тех, кто имеет доступ к процессу принятия решений правительством. В одних случаях это означает, что правительство является по сути клептократией; в других это ведет к картелизации правительством экономической деятельности в пользу политически влиятельных партий. И лишь в редких случаях правительство разрабатывает и задает такие

ся тому, как быстро развивается наше научное понимание широкого спектра вопросов; в качестве лица, «играющего Бога» в попытках повысить эффективность переходных экономик и экономик стран третьего мира, я остро осознавал недостаточное понимание нами того, как исправить их, что в первую очередь подразумевает создание политико-экономической структуры, способствующей повышению их эффективности.

правила игры, которые благоприятствуют производственной деятельности.

Анализ, проведенный в предыдущих главах, подчеркивал несовершенное понимание людьми своего окружения, вытекающую отсюда субъективность их системы представлений и связанные с государством транзакционные издержки. Политические рынки по своей природе менее эффективны, чем экономические. Под «неэффективностью» здесь понимается то, что формальные и неформальные институты создают лишь крайне несовершенную систему стимулов. Собственно, если мы хотим объяснить относительный успех некоторых государств, например успех Соединенных Штатов за последние несколько столетий, то должны рассмотреть решающую роль, которую в их истории сыграли неформальные ограничения в сочетании с формальными правилами. Формальные модели государств, воплощающие в себе представления экономистов о свойственном людям поведении, противоречат фундаментальной дилемме, заключающейся в том, что государство (в котором игроки действуют на основе рациональных личных интересов), достаточно сильное для того, чтобы устанавливать и навязывать экономические правила игры, достаточно сильно и для того, чтобы позволить фракциям (используя вполне уместный термин Мэдисона) использовать государство для преследования узких своекорыстных интересов за счет всеобщего блага. Надежный ключ к усовершенствованию политического строя — насаждение заслуживающих доверия обязательств со стороны игроков. Частично решить эту проблему помогают мэдисоновские сдержки и противовесы, но помимо этого она требует неформальных ограничений, которые направили бы поведение людей в сторону более благоприятных результатов.

Повышение предсказательных способностей институтов как структур стимулов требует более глубоких эмпирических исследований эффективности институ-

тов в различных условиях. Мы уже достигли большого прогресса в понимании этого вопроса, но для проведения широких обобщений в отношении институтов нам нужны новые исследования.

2

Фактор времени включает в себя взаимодействие между опытом и обучением и вследствие самой природы процесса обучения устанавливает ограничения на способность людей к предвидению, а соответственно, и на какую-либо теорию динамических изменений. Вообще такая теория будет вынуждена рассматривать сложный процесс взаимодействия между людьми настолько упрощенно, что польза от нее окажется очень ограниченной. Из этого не следует, что эволюционная теория игр, основанная на таких движущих силах, как обучение и подражание, не сможет стать полезным инструментом для анализа. Авнер Грейф [Greif, 2006] не только изобретательно пользуется теорией игр, позволяющей нам получить более углубленное понимание равновесных ситуаций, но и рассматривает стабильность таких ситуаций с тем, чтобы прояснить переход от одного состояния равновесия к другому. Однако способность людей к предвидению все равно остается ограниченной вследствие двух принципиальных факторов: (1) сегодня мы не можем знать, не научимся ли мы завтра чему-нибудь такому, что будет определять наши завтрашние поступки, и (2) наш мир неэргодичен.

Эти ограничения не вступают в противоречие с имеющимся знанием о том, как повысить наши шансы на решение проблем неэргодичного мира. Наша задача состоит в том, чтобы объяснить всевозможные исторические и современные системы представлений, влекущие за собой весьма различные последствия для структуры, организации и экономического успеха разных обществ. Главный момент здесь — взаимодействие между разумом и внешним окружением. Какие зна-

ния приобретают индивидуумы в социуме с течением времени? Время в данном контексте включает в себя не только текущий опыт, но и совокупный опыт прошлых поколений, воплощенный в культуре общества. «Культура может буквально производить переконфигурацию мыслительных шаблонов мозга; наши нынешние знания о пластичности мозга позволяют сделать вполне уверенный вывод о том, что эти мыслительные шаблоны в значительной степени определяют организацию исключительно гибкой центральной нервной системы человека в смысле когнитивной структуры» [Donald, 1991, 14]. В таком случае обучение — это постепенный процесс, при котором роль фильтра играет культура общества, определяющая полезность знаний. Как обсуждалось в главе IV, процесс обучения, по-видимому, является функцией того, как данная система представлений фильтрует информацию, почерпнутую из опыта, а также функцией разнообразного опыта, приобретенного индивидуумами и обществами в различные эпохи. Успешное экономическое развитие происходит в тех случаях, когда наличествующая система представлений создает «благоприятную» артефактную структуру, которая может справиться с новым опытом, полученным индивидуумом и обществом, и положительно решить новые дилеммы. Неудачи случаются тогда, когда новый опыт настолько далек от артефактной структуры, сложившейся в наличествующей системе представлений, что в разуме индивидуума и в артефактной структуре общества не находится средств для решения новых проблем. Если мы хотим прийти к пониманию различий в экономической эффективности разных стран мира в истории и современности, то должны начать именно с этого. Попросту говоря, чем богаче артефактная структура, тем выше вероятность того, что новые проблемы будут решены успешно. Именно это имеется в виду под адаптивной эффективностью; создание необходимой артефактной структуры — вот важнейшая задача экономической политики.

Создаваемые экономистами модели рационального выбора учитывают человеческую интенциональность и имеют большую ценность для моделирования поведения людей в конкретных условиях. Но, как отмечалось в главах III и IV, они не занимаются проблемами человеческого поведения, которое мы должны объяснять даже в узкой сфере рыночного анализа. Брайан Артур удачно характеризует эти проблемы следующим образом: «Экономические агенты, будь то банки, потребители, компании или инвесторы, непрерывно подлаживают свои действия под ситуацию на рынке, покупая решения, цены и прогнозы в отношении ситуаций, совокупно создаваемых этими действиями, решениями, ценами или прогнозами. Но, в отличие от ионов в спиновых стеклах, всегда однозначно реагирующих на местное магнитное поле, в реакции экономических элементов (людей-агентов) всегда присутствует стратегия и прогноз, выражающиеся в рассмотрении последствий, к которым могут привести различные варианты поведения» [Arthur, 1992, 108]. Это привносит в экономику сложности, неизвестные естественным наукам. Направлением исследований Артура и других сотрудников Института Санта-Фе является теория сложности, которая представляет собой «не дополнение к стандартной экономической теории, а теорию на более общем, неравновесном уровне» [Ibid.]. Она задействует высшую математику и широко опирается на нелинейную динамику. Насколько далеко такой подход может завести нас — вопрос до сих пор открытый⁴².

Но нас интересует отнюдь не только поведение на развитых рынках. Собственно, основной вопрос связан с тем, каким образом разум взаимодействует

⁴² Обзор уже достигнутых успехов см.: [Arthur, Durlauf and Lane, 1997]. В это издание включена и моя статья о процессе долговременных экономических изменений.

с внешним окружением в различных контекстах и конкретно — на рынках, для которых характерен личный обмен. Почему именно личный обмен? Потому что врожденные характеристики человеческого поведения, сложившиеся за миллионы лет взаимодействия между людьми в обществах охотников и собирателей, порождают такие генетические предрасположенности, от которых и надо отталкиваться при изучении человеческого поведения. Группа антропологов, о которых вкратце упоминалось в главе IV, исследует поведение людей в самых разных культурных средах, начиная от сообществ охотников и собирателей и заканчивая относительно «развитыми» обществами. Вопросы, на которые мы ищем ответы, сводятся, во-первых, к тому, какие разновидности политической, социальной и экономической организации были характерны для мира персонализированного обмена, где преобладали общества, в которых неопределенность создавалась физическим окружением, и, во-вторых, к чему приводят попытки людей перейти в такой мир, где неопределенность создается человеческим окружением. Личный обмен по самой своей природе ограничивает диапазон экономической активности клиентелизмом и воспроизводимым непосредственным взаимодействием. Обезличенный обмен порождает множество политических, общественных и экономических институтов, «нарушающих» врожденные генетические предрасположенности, сложившиеся за несколько миллионов лет в сообществах охотников и собирателей. И успешный рыночный обмен, и политическая демократия зависят от нашей способности справиться с этими проблемами.

4

При построении нового каркаса, который учитывал бы недостатки нынешней теории, позволяя лучше понять процесс экономических изменений, мы должны рассмотреть ряд проблем, порождаемых текущей дискуссией.

У людей все начинается с генетических свойств, задающих врожденную архитектуру разума; тот, взаимодействуя с культурным наследием и опытом индивидуумов, формирует процесс познания. Взаимодействие этих трех источников знания (генетической структуры, культурного наследия и опыта) исследовано еще далеко не полностью. Например, многое зависит от того, действительно ли разум запрограммирован миллионами лет опыта, полученного охотниками и собирателями, вследствие чего его способность приспосабливаться к совершенно иному современному миру весьма ограничена, как следует из аргументации психологов-эволюционистов, или же он значительно более гибок, как доказывается в рассуждениях Стивена Дж. Гулда. Если психологи-эволюционисты правы, то при моделировании генетико-культурной смеси особое внимание следует уделять исследованию природы специальных генетических свойств и их значения для понимания нами различных культур. Помимо того, мы должны ожидать, что человеку не так-то легко будет приспособиться к новым проблемам, порождаемым радикально изменившимся окружением. Очевидно, что всеобщая «приверженность» людей к «нерациональным» объяснениям, которые находят свое выражение в религии, суевериях, в фундаменталистских идеях, имеет своим источником какие-то врожденные свойства разума, которые и порождают все эти верования. Без понимания сил, вызывающих их к жизни, нам не обойтись при изучении того выбора, от которого зависит направление социальных изменений⁴³.

Весьма существенен вопрос о том, работает ли разум как компьютер благодаря наличию врожденной логики, как считают сторонники классического когнитивизма, или же он функционирует на основе шаблонов (pattern-based), как полагают коннективисты. Если

⁴³ Хорошей отправной точкой может послужить исследование: [Boyer, 2001].

правы первые, то исследования в области искусственного разума должны оказаться весьма плодотворными в смысле нашего понимания процессов мышления и познания. Коннективисты предлагают принципиально иной подход, согласно которому размышление на основе шаблонов сказывается совершенно иным образом на решении новых проблем и на процессе познания. Если последний в большей степени опирается на шаблоны, чем на символы, то это должно иметь своим следствием совершенно иные способности к рассмотрению и решению новых проблем.

Коллективное познание, являющееся фундаментальной чертой культурной эволюции, о которой говорит Хайек, состоит из межпоколенческого накопления знаний, орудий, отношений, ценностей и институтов, развивающихся путем выборочного устранения менее пригодных форм поведения. Они проходят медленную проверку временем в эволюционном процессе проб и ошибок. Культура общества, благодаря этой эволюции, воплощает в себе рафинированный опыт прошлого — опыт, намного превосходящий те знания, которые человек в одиночку может накопить за всю свою жизнь. Если мы приложим это соображение к ключевой идее Адама Смита о том, что разделение труда представляет собой не просто способ более эффективного использования наших способностей, а фундаментальный источник повышения производительности труда, то окажется, что рост объема знаний, воплощенных в культуре, теснейшим образом связан с развитием специализации и разделения труда. Но поскольку разделение труда приводит к разделению знаний, а различные виды знания организованы по-разному, то для той координации знаний, которая способствует решению человеческих проблем, требуется нечто большее, чем набор цен. Следствием является то, что институциональная структура станет играть ключевую роль в той степени, в какой различные знания будут объединены и доступны для реше-

ния проблем, порождаемых усложнением экономик. Проблема познания, по словам Хайека, «это проблема поиска метода, который позволял бы в максимальной степени использовать не только знания, распределенные среди отдельных членов общества, но и способности последних к открытию и изучению нового» [Hayek, 1979, 190].

Последний момент требует пояснений. Как отмечалось в главе II, неопределенность может быть снижена путем приращения знаний. Но каких знаний? Знаний, повышающих квалификацию индивидуума или же речь идет о специализации и разделении трудового познания, повышающего способность индивидуума к взаимодействию с внешним миром? Очевидно, приходится идти на какой-то компромисс между точностью и разнообразием. Чем более разнообразными знаниями обладает игрок, тем лучше он сможет приспособиться к все более сложному окружению, которое является неотъемлемой чертой специализированного мира; но чем более точными знаниями он владеет, тем больше он сможет снизить неопределенность в этом измерении своего существования. Более того, специализация влечет за собой специфические транзакционные издержки, связанные с выявлением и оценкой характеристик приобретаемых товаров и услуг, не принадлежащих к сфере специализированных знаний индивидуума. В таких развитых обществах, как США, мы «решаем» эту проблему путем создания сложной сети институтов, организаций, и вообще артефактной структуры, которая предоставляет гарантии и необходимую информацию, позволяющую ориентироваться в обширном диапазоне доступных нам товаров и услуг. Но подобная артефактная структура создается отнюдь не автоматически⁴⁴. Собственно, успешное экономическое развитие влечет за собой возникновение сложной структуры институтов и систем

⁴⁴ Подробнее об этом см.: [Martens, 1999].

хранения символов, которые позволяют при низких транзакционных издержках интегрировать разрозненное знание, содержащееся в современных сложных системах; неспособность осуществить такую интеграцию составляет самую суть проблем, связанных с развитием.

Кроме того, важно иметь в виду, что фундаментом общества служат представления игроков. Это четко сформулировал Брайан Лосби [Loasby, 1999]:

Логические связи пользуются в экономических моделях абсолютным приоритетом как в смысле самого процесса моделирования, так и в отношении концепции экономических агентов как рациональных акторов. Однако логические операции определяют лишь малую часть человеческих поступков, но даже и в этом смысле их основой остаются знания, из которых выводятся предпосылки, притом что лишь малая доля этих знаний логически упорядочена. Поскольку наши теории эволюционной экономики получают высокую оценку как продукт четкого мышления, существует опасность преувеличить роль, которую в экономическом прогрессе играют логические структуры сознательной рациональности, и недооценивать развитие способностей — даже в отраслях, опирающихся на науку. Ключевым явлением экономической эволюции служит накопление знаний о том, как добиваться желаемых результатов.

Ключом к такой экономической эволюции является развитие «теоретической культуры», обсуждавшееся в главе III.

Возникающая институциональная структура определяет, кто является стратегическими акторами и как они могут осуществить свой выбор. Краткое рассмотрение этих вопросов приводилось в главе V. Однако из природы этой структуры вытекает важное следствие. Сложившиеся в обществе правила принятия решений играют решающую роль при определении

того, чей именно выбор важен и почему. То, каким образом люди структурируют процесс принятия решений, определяет, чьи представления имеют значение. В смысле формальных институтов эта тема относится к политической экономии, и хотя литература по этому вопросу обширна, а в научном понимании его различных аспектов мы достигли колоссального прогресса, его динамические аспекты по-прежнему остаются почти неизученными.

Фундаментальной неизвестной является способ эволюции неформальных сдержек. Как они соотносятся с изменением формальных правил? Как они эволюционируют? В какой степени эти изменения являются сознательными и целенаправленными и в какой степени в их природе проявляются постепенность и спонтанность? Какой вклад вносит изменение неформальных ограничений в общие культурные изменения? Новые исследования неформальных ограничений приносят первые ответы на эти вопросы⁴⁵. Очевидно, неформальные ограничения являются интегральной частью институциональных рамок, структурирующих человеческое взаимодействие. Некоторые из них могут возникать в результате нескоординированных действий индивидуумов. Те или иные условности могут появляться на свет случайным образом, а затем распространяться путем подражания. Многие из них дополняют, расширяют или модифицируют формальные правила. Некоторые условности, например кровная вражда, явно являются играми с отрицательной суммой, и нам остается лишь гадать о причинах их живучести.

Нас сейчас интересуют следствия неформальных ограничений для экономической эффективности и, в частности, причины их изменений. Неформальные ограничения непосредственно влияют на транзакционные издержки. Популярность термина «социаль-

⁴⁵ См. превосходный обзор: [Ben-Ner and Putterman, 1998].

ный капитал» (введенного в оборот покойным Джеймсом Коулменом) свидетельствует о признании различных норм и ценностей, которые способствуют обмену на рынках разных типов. Авнер Грейф провел наиболее систематическое исследование [Greif, 1994a; 2006] воздействия культурных ценностей на экономическую эффективность на примере средиземноморской торговли XI–XII веков, сопоставив генуэзских торговцев с теми торговцами, которые усвоили культурные и социальные черты исламского общества. Грейф находит систематические различия в их организационной структуре вплоть до противопоставления индивидуалистических и коллективистских поведенческих представлений. Купцы из исламского мира для осуществления коллективных действий создавали групповые сети социальной коммуникации. Будучи эффективными в относительно небольших гомогенных этнических группах, такие сети не годились для обезличенного обмена, к которому приводит разрастание рынков и вовлечение в торговлю людей различного этнического происхождения. Со своей стороны, генуэзцы выстраивали двусторонние механизмы принуждения, которые повлекли за собой возникновение формальных юридических и политических организаций для контроля за соблюдением договоров и их претворением в жизнь — и этот институционально-организационный путь позволял переходить к все более сложным формам торговли и обмена.

Что вызывает изменения в нормах или приводит к ним? Роберт Патнэм [Патнэм, 1996] в известном исследовании, посвященном сопоставлению эффективности в различных частях Италии, утверждает, что резкие различия, наблюдаемые между социальным капиталом Северной и Южной Италии, зародились восемьсот лет назад вследствие различия между структурами иерархически организованного контроля и противопоставлявшихся им волюнтаристическими источниками решения проблем. В исследовании Платто

и Хаями, цитировавшемся в главе V, корни современных норм усматриваются в прежних материальных и политических структурах. Так, утверждается, что свойственные Африке перераспределительные нормы возникли в условиях низкой плотности населения и изобилия земель. Поскольку в Африке южнее Сахары земля не представляет особой ценности, права частной собственности на землю не сложились, а потому социальная стратификация в сельских общинах, основанная на землевладении, не достигла таких же масштабов, как в Азии с ее плотным населением и нехваткой земли. «В подобных обществах законы справедливости, стесняющие тех индивидуумов, которые стремятся к экономической эмансипации, очень часто восходят к типично дорациональному магическому мировоззрению. В принципе, неудивительно, что в условиях крайней беззащитности перед капризами природы ответственность за снабжение продовольствием и другими предметами первой необходимости в конечном счете возлагается на системы представлений, убеждений и верований, включающие в себя воздействие сверхъестественных сил. Усилия, прикладываемые индивидуумами, и результаты этих усилий воспринимаются как отдельные вещи, не имеющие причинной связи» [Platteau and Nayami, 1998, 408]. В подобном контексте успех определяется удачей, а плоды такой удачи должны достаться не только главному победителю. Кроме того, «налицо опасения, что если индивидам предоставить право выбора, то теми из них, кто добился больших экономических успехов, овладеет искушение уклониться от выполнения обязательств солидарности и совершенно отказаться от участия в механизмах взаимной подстраховки (поскольку накопленный избыточный доход служит им достаточной страховкой)». Перераспределительные нормы в подобных условиях могут рассматриваться как налог, призванный обуздать «позиционную погоню за статусом». Как вкратце было рассмотрено в главе IV, эти представления об ис-

точниках норм не являются общепризнанными и противоречат выводам системных исследований, проводившихся антропологами в рамках различных культур; но к ним стоит прислушаться в связи с общей проблематичностью перехода от системы представлений, направленной на решение проблем, создаваемых физическим окружением, к системе, занятой решением проблем, создаваемых человеческим окружением.

Экономическая эффективность в конечном счете является следствием как общих экономических правил, принятых в данном месте, так и принципов их претворения в жизнь (структуры прав собственности), а также конкретной институциональной структуры каждого рынка — рынка факторов производства, продукции или политического рынка. Имеется в виду, что свойственная данному рынку структура стимулов отличается от структуры стимулов других рынков в данный момент времени, а кроме того, изменяется во времени вместе с изменением их характеристик. Поскольку среди многих неоклассических экономистов распространен предвзгляд о том, что одного отсутствия государственного вмешательства достаточно для высокой экономической эффективности, важно подчеркнуть, что характеристики эффективности любого рынка являются функцией ряда ограничений, накладываемых институтами (формальные правила, включая введенные правительством, неформальные нормы и способы принуждения к исполнению обязательств), которые определяют структуру стимулов данного рынка. Как отмечалось в дискуссии об институциональных изменениях в главе V, если стимулы благоприятствуют пиратству, то в результате мы и получим пиратство. Любому экономисту, сомневающемуся в значении данного наблюдения, следует лишь ознакомиться с характеристиками различных рынков факторов производства и продукции в России 1990-х, чтобы убедиться в решающем значении структуры стимулов, задаваемой институциональными рамками. В эпидемии ме-

неджерских злоупотреблений, охватившей крупные американские корпорации в 2001–2002 годах, отразилась эволюция институциональных рамок, изменивших относительные цены и создавших стимулы для такого антисоциального поведения.

Более того, с изменением технологий, относительных цен и прочих внешних ограничений изменяется и эффективность данного рынка, и нет никакой гарантии того, что институты, автоматически подстроившись под эти изменения, сохраняют его эффективность на прежнем уровне. Здесь в первую очередь важно понимать, что эффективные рынки создаются путем такой структуризации, которая снижает транзакционные издержки, а эти условия, с одной стороны, зависят от типа рынка, а с другой стороны, и изменяются на данном рынке с течением времени. Осуществление необходимых изменений, вызванных ходом времени, приводит нас к дилемме, связанной с зависимостью от пути развития.

Эта зависимость — исторический факт, представляющий собой один из самых давних и значительных уроков, которые дает нам изучение прошлого. Проблематичность коренного изменения путей очевидна и позволяет заключить, что процесс познания, который привел нас к современным институтам, ограничивает будущий выбор. Дело не только в том, что организации, порожденные существующей институциональной матрицей, обязаны своим выживанием и благоденствием этой матрице и поэтому стараются предотвратить те изменения, которые в противном случае затронули бы их благополучие. Дело еще и в том, что система представлений, на которую опирается институциональная матрица, препятствует радикальным изменениям. Важным направлением исследований должна стать эмпирическая работа, необходимая для выявления точных причин зависимости от пути с тем, чтобы мы имели куда более точное представление о ее следствиях.

Долговременный экономический успех западных экономик породил всеобщее убеждение в том, что экономический рост оказался встроен в систему в противоположность опыту предыдущих десяти тысячелетий, когда рост происходил лишь спорадически, а нередко и вовсе отсутствовал. Поскольку значительная часть мира либо до сих пор не участвует в экономическом росте, либо переживает его лишь в последние годы, вопрос о том, верно ли это предположение, остается открытым. Важно понимать, что экономический рост в течение пятнадцати или двадцати лет — еще не гарантия того, что он встроен в систему. Латиноамериканские экономики развивались рывками в течение нескольких столетий. Адаптивная эффективность, характерная для США и Западной Европы, связана с существованием институтов, моментально адаптирующихся к потрясениям, неожиданностям и всеобщей неопределенности, с которыми сталкивается любое общество в ходе своей истории. Фундаментом для этих гибких институтов служат массовые представления, воплощенные в неформальных ограничениях, присущих данному обществу. Этот вопрос обсуждается во второй части, однако важно понимать, что мы не знаем, как создать эти условия за короткий промежуток времени. В западном мире они стали порождением столетий институциональных изменений.

5

Мы завершаем эту главу, повторяя поднятые на предыдущих страницах вопросы в контексте общих задач нашего исследования: что понимается под экономическими изменениями, как они связаны с источниками институциональных изменений, описанными в главе V, и в какой степени удалось осветить этот процесс в дискуссии, которой была посвящена данная глава?

Экономические изменения заключаются в изменении материального и физического благосостояния лю-

дей, под которым понимается не только изменение уровня национального и личного дохода, то есть изменение физической меры благосостояния, но и изменение не поддающихся точному измерению, но тем не менее важных аспектов благосостояния, выражающихся во внерыночной экономической деятельности.

Фундаментальной переменной, задающей верхнюю границу человеческого благосостояния, является рост объемов знания. Если бы все зависело только от него, наш рассказ вышел бы относительно простым; однако процесс экономических изменений определяется сложным взаимодействием между объемом знаний, институтами и демографическими факторами.

Институциональные изменения представляют собой структурные изменения, вносимые людьми во взаимодействие друг с другом с целью достижения определенных результатов. В той степени, в какой институциональные изменения приводят к изменению последствий в соответствии с замыслами ответственных за это акторов, намерения и результаты совпадают друг с другом (хотя целью игроков не обязательно являлось повышение общей экономической производительности). Тем не менее значительная часть данного исследования касается того, насколько представления игроков не только точно отображают «реальность», но и позволяют достоверно предсказать, какое поведение изберут игроки с целью достижения желаемых результатов. Огромная доля экономических изменений представляет собой непредвиденные последствия институциональных изменений, что является отражением значительного разрыва между намерениями и результатами, вызванного наличием «ошибочных» представлений. Их ошибочность может заключаться не только в неверном понимании ситуации, но и в том, что изменившаяся институциональная структура не влечет за собой замышлявшихся изменений поведения.

В том случае, когда институциональный каркас дополняется сложной артефактной структурой, а изме-

нения институтов строятся на разумном понимании их свойств, последствия, скорее всего, окажутся близкими к запланированным. Благодаря развитию внешних хранилищ символов и повышению информационной насыщенности таких систем разум колоссально усиливает свои способности к решению когнитивных задач. Но в то же время люди создают все более сложное окружение, бросающее вызов этим когнитивным способностям.

Институциональные рамки, созданные для осуществления политического выбора, являются ключевым источником отличия результатов от намерений, поскольку, как говорилось выше, политические рынки отражают несовершенство знаний доверителей и агентов друг о друге и, как правило, характеризуются высокими транзакционными издержками. Даже если институциональная структура работает контрциклично, неясно, какая именно институциональная структура дает желаемые результаты в смысле благосостояния. Однако важно отметить, что ключом к повышению эффективности является некая комбинация формальных правил и неформальных ограничений и, соответственно, стоящая перед нами задача сводится к тому, чтобы точно понять, какое их сочетание приведет к желаемым результатам как в данный момент времени, так и в долгосрочной перспективе.

Неумение людей желательным образом структурировать свое окружение приводит к результатам, расходящимся с намерениями, в чем бы эти намерения ни заключались — в том, чтобы повысить экономическую эффективность или набить карманы игроков. В любом случае это будет нечто иное по сравнению с тем, к чему именно стремились игроки. Общее направление экономических изменений отражает совокупность выборов, совершаемых политическими и экономическими предпринимателями, которые ставят перед собой самые разные цели и по большей части совсем не стремятся к повышению общей

эффективности. Когда экономические рынки структурированы так, что конкуренция между игроками происходит в сфере цены и качества, а не в непроездных нишах, то мы получаем смитовский результат. Но этот результат представляет собой сочетание и экономических, и политических решений, которые вместе влияют на эффективность отдельных политических и экономических рынков и определяют направление развития экономики в целом. Кроме того, в любой момент времени игроков сдерживает зависимость от пройденного пути — их выбор ограничен сочетанием представлений, институтов и артефактной структуры, унаследованной от прошлого.

Часть вторая

Путь в будущее

ВВЕДЕНИЕ

Ключом к построению основ для понимания процесса экономических изменений служат представления и убеждения — как представления и убеждения отдельных индивидов, так и общие представления и убеждения, из которых складываются системы представлений и убеждений. Объясняется это просто: мир, который мы создали и пытаемся понять, порожден человеческим разумом и не существует вне этого разума. Таким образом, нам уже не обойтись тем пониманием, которое годится для естественных наук, где для понимания физического мира и более глубокого его постижения можно использовать редукционизм. Физики, пытаясь лучше разобраться в какой-нибудь загадке физического мира, могут отталкиваться от фундаментальных элементов своей науки, исследуя всю глубину проблемы, которую они стремятся постигнуть. В общественных же науках нет ничего, сопоставимого с генами, протонами, нейтронами и прочими элементами, выполняющими роль строительных кирпичиков науки. Вся структура, составляющая основу для человеческого взаимодействия, создана человеческим разумом и понемногу изменяется с течением времени; культура общества — это кумулятивная совокупность всех существующих представлений и институтов.

Важно понимать, что если конструкты, созданные людьми, представляют собой субъективную функцию человеческого разума, то люди постоянно производят проверку этих конструктов (читай: теорий) фактами с целью убедиться, что первые в состоянии что-то объ-

яснить. Однако отметим, что конструктами являются и факты, и теории, и что и те и другие в лучшем случае служат лишь очень несовершенными зеркалами того, что мы пытаемся понять и, соответственно, контролировать.

Существенно также помнить, что созданные людьми конструкты представляют собой смесь «рациональных» и «нерациональных» представлений (суеверий, религий, мифов, предрассудков), совместно формирующих совершаемый выбор. Наша задача — разобраться в том, как возникают системы представлений и как на их основе развиваются сложные социальные структуры; более того, мы пытаемся понять, каким образом эта структура изменяется с течением времени.

Поэтому мы должны изучить, как сознание взаимодействует с различными формами опыта, создавая различные культурные — институциональные — шаблоны. Мы должны объяснить происхождение систем представлений, которые либо обеспечивают благоприятные условия для создания продуктивных политических и экономических институтов, либо, напротив, препятствуют созданию таких институтов. Но вне зависимости от того, создают ли институциональные конструкты среду, способствующую повышению экономической эффективности или препятствующую ему, нам в любом случае необходимо разобраться в возникающей при этом сложной структуре.

Новая институциональная экономика, в центре внимания которой находится созданная людьми структура стимулов, призвана обеспечить гораздо более глубокое — по сравнению с нынешним — понимание сложных взаимосвязей, на которых держатся построенные нами взаимозависимые экономический, политический и социальный миры. Формальная (неоклассическая) экономическая теория игнорирует эту структуру и потому имеет ограниченную ценность для изучения данных вопросов. Информационные сети, разработанные социологами, позволяют исследо-

вать сложные взаимосвязи, без которых не обойдется ни один вид экономической деятельности¹. Сложные информационные каналы, созданные в Силиконовой долине для реализации потенциала компьютерной революции, выходят далеко за рамки формальных структур фирм и рынков, возникающих в стандартных экономиках. Экономика транзакционных издержек открывает нам путь к более широкому и глубокому экономическому анализу, необходимому для ответа на эти вопросы. Однако почти ничего не делается для того, чтобы понять сложные взаимозависимости в развивающейся социальной структуре, созданной человеческим разумом. Без этого понимания все наши попытки повысить экономическую эффективность того или иного общества окажутся ущербными. Уже Адам Смит в своем «Богатстве народов» косвенно указывал на четыре ключевых камня преткновения, которые, однако, игнорируются современными неоклассическими экономистами, потому что их исследование требует институционального анализа в явном виде:

1. Налицо тенденция перехода от личного к обезличенному обмену. Этот переход представлял и до сих пор представляет собой фундаментальное препятствие к реализации потенциала, который имел в виду Адам Смит, говоря о зависимости богатства наций от размеров рынка. Институциональные изменения, необходимые для реализации преимуществ крупномасштабных (и обезличенных) рынков, требуют фундаментальной смены мышления, чему препятствует наше генное наследие.
2. Выступающие необходимым условием для создания таких рынков специализация и разделение

¹ Особенно интересный пример сложных взаимоотношений, связанных с генетическими исследованиями, см.: [Powell, 1996].

труда, о которых говорит Адам Смит, по сути, сводятся к специализации знаний. Проблема обобщения этих разрозненных знаний за счет низких транзакционных издержек не вполне может быть решена при помощи системы цен. Она требует новых институциональных и организационных связей, позволяющих преодолеть те атрибуты коллективных благ, экстерналии и информационную асимметрию, которые препятствуют системе цен осуществить полное обобщение разрозненных знаний.

3. Все отлаженные рынки факторов производства и продукции должны быть структурированы так, чтобы у игроков имелись стимулы к конкуренции в тех и только в тех нишах, которые способствуют росту производительности. Только в этом случае мы реализуем тот потенциал, о котором говорил Смит. Более того, в динамичном мире, где изменяются технологии, информационные издержки и политика, структура отнюдь не обязана автоматически подстраиваться под изменение этих параметров с тем, чтобы и дальше обеспечивать эффективность рынков.
4. Отлаженный рынок нуждается в управлении, но отнюдь не в любом управлении. Необходимы институты, препятствующие властям паразитировать на рынках. Поэтому решение проблем развития связано с созданием политических институтов, которые бы обеспечивали необходимый фундамент для обеспечения коллективных благ, без которого невозможна отлаженная экономика, и в то же время ограничивали бы дискреционные полномочия правительства и его отдельных представителей.

В последующих главах мы рисуем общие контуры развивающейся человеческой среды, изучим институциональные тонкости успешного и неуспешного эко-

номического развития, а также процесс исторических изменений в различных экономиках, а затем сформулируем ряд следствий, существенных для понимания экономических изменений и для повышения экономической эффективности. В первую очередь все нижеизложенное представляет собой повестку дня для исследований; надеюсь, что она создаст стимулы для ее осуществления.

VII. ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СРЕДЫ

Необходимой предпосылкой для понимания того, как эволюционирует человеческая среда, является понимание революционных изменений, ведущих к «покорению» физической среды: эти изменения создают контекст для эволюции человеческой среды. Покорение физической среды стало следствием роста знаний о физическом мире и их применения с целью обеспечения изобилия и благосостояния людей. В одном из своих более ранних исследований [North, 1981] я описывал первую и вторую экономические революции. Первая экономическая революция заключалась в овладении сельскохозяйственными навыками начиная с 8 тысячелетия до н. э. Вторая представляла собой применение научных знаний (накапливавшихся с эпохи Возрождения) для решения экономических и демографических проблем, что привело к колоссальному скачку экономической производительности, благосостояния людей и продолжительности жизни. Вкратце обрисуем, как происходило покорение физической среды, а затем опишем — в той степени, в какой мы их понимаем, — развитие человеческой среды и рассмотрим проблемы, встающие перед нами при попытках ее понять.

1

Покорение физической среды происходило на фоне сложного взаимодействия между первоначальными изменениями физического облика антропоидов и культурными изменениями. Для начала отметим, что люди отделились от прочих приматов около четырех миллионов лет назад и вплоть до неолитической революции оставались охотниками и собирателями. Генная структура, сложившаяся за эти четыре миллиона лет, служит скрытым общим знаменателем всех мыслительных процессов. Увеличение размеров человеческого мозга, прямохождение и развитие голосовых связок колоссально ускорили усложнение культуры, причиной которого являлось появление более совершенных орудий, но в первую очередь — наличие речи. Результатом стало возникновение различных языков и организационных принципов, а также развитие приемов сельского хозяйства. Двигаясь по оси времени, мы видим, как возрастает сложность человеческой жизнедеятельности и взаимодействия. За возникновением городов-государств, углублением специализации и разделения труда, началом династического правления в Египте последовали разнообразные цивилизации, создававшиеся в Китае, долине Инда, Месопотамии и других регионах. Поразительное разнообразие всевозможных типов государственного устройства, экономики и общества наблюдается еще до начала последних двух тысячелетий².

Ключевую роль, определяющую конкретный тип развития, сыграла степень гостеприимности данной среды к человеку. Здесь имели значение не только климат, но и взаимодействие между людьми и животными, особенности сложившейся в результате этого

² См. амбициозное, хотя и краткое описание экономической истории человечества со времен неолитической революции: [North, 1981].

взаимодействия иммунной системы, а также опустошительные последствия воздействия различных патогенных факторов — всего того, что не входило составной частью в изначальное окружение, но играло решающую роль при определении видов человеческой жизнедеятельности³. Физическая среда отступает на второй план лишь с приближением к современности с ее систематическим применением научных знаний для преодоления дефицита материальных благ, победой над многими инфекционными заболеваниями и изобретением кондиционирования воздуха. Но даже в наши дни малярия и муха цеце остаются важными факторами, определяющими расселение человечества.

Последние две тысячи лет характеризуются беспрецедентными изменениями. Им способствовало не только развитие внешних носителей памяти, которые благодаря созданию все более сложных систем хранения символов создали возможность для построения сложных обществ. Путь от изобретения письменности до современного компьютера — это долгая история того, как повышалось умение людей справляться с непрерывно возрастающей сложностью человеческой среды⁴. Западные исследователи со свойственной им изрядной близорукостью не только уделяли основное внимание успехам западного мира, забывая об остальных странах; они проявляли узость взгляда и во временном плане, интересуясь в первую

³ О сложных взаимоотношениях между людьми и животными и о воздействии этих взаимоотношений в плане дальнейшего развития или его остановки см.: [Даймонд, 2010]. Хотя эта работа весьма важна для понимания влияния конкретной среды на начальных этапах развития человечества, анализ последующих этапов развития производится без должной оценки того значения, которое играло институциональное окружение.

⁴ Захватывающее изложение этой эволюции см.: [Donald, 1991].

очередь промышленной революцией как важным водоразделом экономической — и, безусловно, социальной — истории и пренебрегая предыдущими столетиями, а также социальными, политическими и вообще институциональными факторами, лежащими в основе современного экономического роста. Общая панорама в равной мере должна включать в себя как возвышение западного мира, так и «остановленное» развитие прочих цивилизаций, как ускорение темпа инноваций в Англии, так и предшествовавший ему длительный период постепенных изменений.

Статистические данные (в той степени, в какой они существуют) отчасти помогут нам описать масштаб перемен в этом пейзаже. Они самым драматическим образом свидетельствуют о революционном изменении условий человеческого существования.

Насколько сильно человек зависел от случайностей, связанных с физической средой, ярче всего демонстрирует взрывообразный рост населения, наблюдаемый с XVIII века, который принято считать началом современности. Рисунок 1 наглядно показывает этот поразительный рывок на фоне важнейших достижений в познании и в области технологического прогресса и научных прорывов, которые внесли свой вклад в это резкое ускорение. Следствиями этих успехов стали также огромный скачок в продолжительности жизни (рис. 2) и падение детской смертности (рис. 3). Сложившийся в результате диспаритет роста между развитым миром и слаборазвитыми странами, не сумевшими воспользоваться достижениями науки и техники для преодоления дефицита материальных благ, иллюстрируется данными, приведенными в таблице 1. В мире, в котором основным источником неопределенности выступает физическая среда, большинство населения живет в деревне. Развитие взаимозависимого мира с характерной для него сложной структурой человеческой среды выражается в росте числа крупных городов, особенно заметном

ПОНИМАНИЕ ПРОЦЕССА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Рис. 1. Население Земли с 1000 000 года до н.э.

по настоящее время

Источник: [Kremer, 1990, 683], с учетом данных из: [Fogel, 2003].

Таблица 1. ВВП на душу населения в развитом и развивающемся мире, 1000–1998 годы (в международных долларах 1990 года)

Источник: [Maddison, 2001, 46].

	1000	1500	1600	1700	1820	1998
В среднем по развитым странам	405	704	805	907	1130	21 470
В среднем по развивающимся странам	440	535	548	551	573	3 102
Отношение ВВП развитых стран к ВВП развивающихся стран	0,92	1,32	1,47	1,65	1,97	6,92

VII. Эволюция человеческой среды

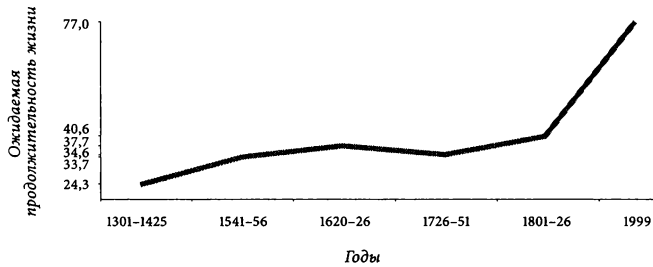

Рис. 2. Ожидаемая продолжительность жизни на момент рождения в Великобритании, 1300–1999 годы
Источник: [Maddison, 2001, 29].

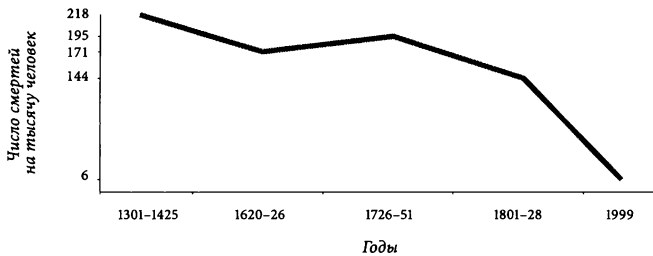

Рис. 3. Смертность в первый год жизни на тысячу человек. Великобритания, 1300–1999 годы
Источник: [Maddison, 2001, 29].

после 1900 года (рис. 4), и в росте доли людей, живущих в городах с населением более 5 тысяч человек (рис. 5). В этом переходе от сельского к городскому образу жизни отразилась смена сельского хозяйства и добывающих отраслей в качестве основных сфер экономической активности промышленностью, а затем и сектором услуг. Причиной этому был не упадок сельскохозяйственного производства и добывающих отраслей — США остаются ведущим мировым экспортером сельскохозяйственной продукции; дело в по-

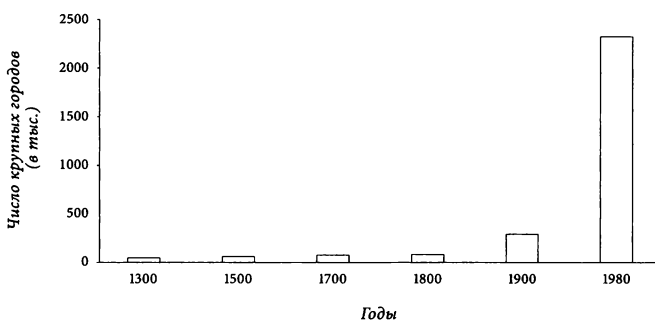

Рис. 4. Число крупных городов мира с населением более 100 тыс. жителей (1300–1980 годы)

Источник: [Bairoch, 1988, 502].

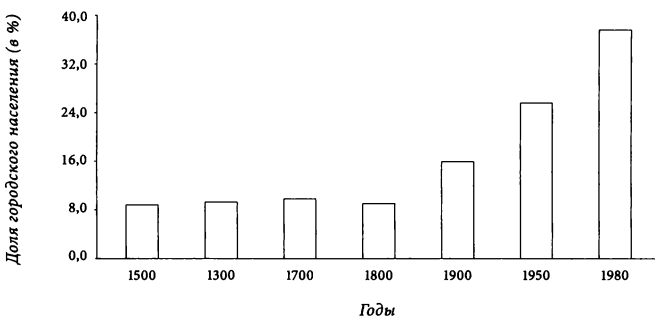

Рис. 5. Мировая урбанизация: население, живущее в городах с числом жителей не менее 5000

Источник: [Bairoch, 1988, 495].

вышении производительности, которое позволяет непрерывно увеличивать объем производства в сельском хозяйстве и промышленности при относительно небольших вложениях в производственные факторы, притом что постоянно растущий спрос на услуги приводит к тому, что в сферу услуг направляется все больше ресурсов. Некоторые из этих услуг, например медицина, являются эластичными в отношении дохо-

VII. Эволюция человеческой среды

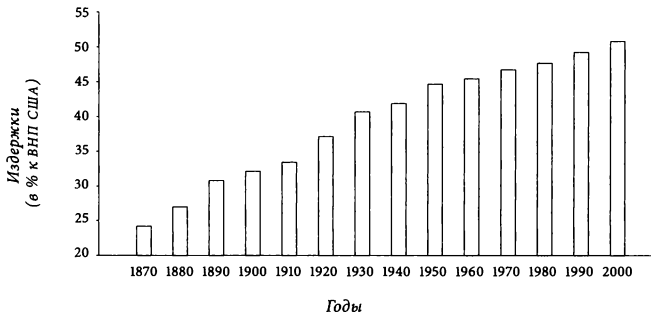

Рис. 6. Трансакционные издержки в % к ВВП США, 1870–2000 годы

Источник: [Wallis and North, 1988].

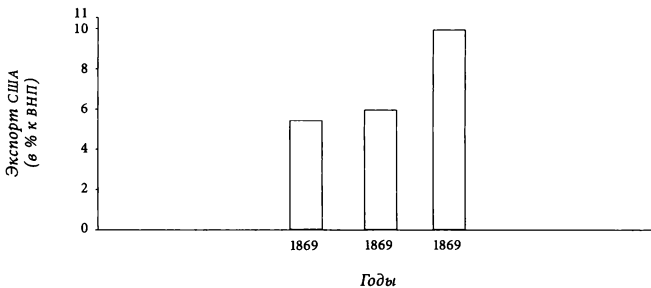

Рис. 7. Международная торговля в 1869–1999 годах

Источник: расчеты автора на основе данных [U.S. Department of Commerce, 1976] и [U.S. Department of the Treasury, 2001].

да (то есть, становясь богаче, мы тратим на эту сферу все большую часть своих доходов), но главная причина развития сектора услуг состоит в выделении ресурсов на транзакции. Трансакционные издержки — это издержки, связанные с обменом; при углублении специализации и разделения труда растет и число обменов, каждый из которых поглощает какие-то ресурсы. Банковское дело, страхование, финансы, оптовая

и розничная торговля, так же как и значительная доля усилий государства, — все это входит в состав транзакционного сектора. Кроме того, в каждой компании растет число бухгалтеров, юристов и прочих служащих, занятых обеспечением обмена в сложном экономическом мире обезличенных сделок. Переход от личного к обезличенному обмену всегда влечет за собой повышение общих транзакционных издержек, но следствием является резкое сокращение производственных издержек, которое более чем компенсирует увеличение ресурсов, выделяемых на транзакции, и служит причиной колоссального роста современной экономики. На рис. 6 показано общее увеличение транзакционного сектора в американской экономике с 1870 по 1970 год (с экстраполяцией до 2000 года). Это увеличение главным образом связано с растущей специализацией и разделением труда и соответствующим развитием обезличенного обмена, хотя следует отметить, что отчасти здесь сказалось и повышение транзакционных издержек вследствие ограничений на конкуренцию и монополии, тормозящих рост производительности.

Постоянно усиливающаяся международная взаимозависимость отражается в росте международной торговли. Хотя рост внутренней торговли также является характерной чертой современной человеческой среды, растущая взаимозависимость современного мира находит яркое выражение в возрастании величин экспорта в процентах от ВВП (рис. 7).

Покорение физической среды ликвидировало или лишило значения традиционные источники неопределенности, но одновременно с развитием человеческой среды возникли новые, еще более опасные угрозы благополучию людей и самому их существованию. Революционные технологические изменения, позволившие построить мир материального изобилия, в то же время привели к созданию разрушительного оружия, способного уничтожать целые города, страны и вооб-

ще человечество. За XX век было убито больше людей, чем на протяжении всей предыдущей истории (рис. 8).

В течение большей части истории жизненные стандарты мало отличались от страны к стране; пропасть между развитым и неразвитым миром представляет собой характерную черту последнего столетия. Неспособность третьего мира воспользоваться всеми выгодами современной техники находится в разительном контрасте с успехами развитых стран, отражая институциональные рамки и служащие для них фундаментом представления, препятствующие развитию обезличенного обмена и сопутствующему росту производительности (рис. 9)⁵.

Поразительно также разнообразие реакции людей на свою среду, отражающееся во всевозможных языках, обычаях, технологиях и организационных принципах. Различная степень благоприятности физической среды для развития людей служит одним из факторов, объясняющих исторические различия в благосостоянии разных обществ. Но одновременно с тем, как различия в физической среде изменяются под воздействием научных знаний, экономическая эффективность во все большей степени определяется сложным взаимодействием между демографическими факторами, объемами знаний и общественными институтами (хотя длинная тень прошлого по-прежнему накладывает заметный отпечаток на идущие сегодня процессы).

⁵ Приведенные здесь таблицы и диаграммы призваны дать представление о гигантских изменениях, связанных с развитием человеческой среды, однако необходимо сделать одну оговорку. Эти данные являются лишь суррогатом сложных, многомерных аспектов человеческого благосостояния, причем суррогатами весьма неважными, как свидетельствует обширная литература, посвященная вопросу о вычислении дохода. Проблемы измерения этих величин еще больше усугубляются при попытках проследить их изменение с течением времени. Давнее, но все еще актуальное изложение этого вопроса см.: [Adelman and Morris, 1971].

Новые демографические исследования начинают давать нам понимание и объяснение того, как изменялась численность населения с течением времени, а также как изменялось его качество (как физическое качество, так и качество «человеческого капитала»). Мы достигли существенного прогресса в понимании причин изменения рождаемости и смертности, уровня питания и заболеваемости и тех общих аспектов качества населения, которые охватываются литературой, иногда именуемой «новой экономикой домашнего хозяйства». Именно наблюдаемые нами демографические изменения представляют собой наиболее драматичное последствие покорения физической среды.

Поразительные изменения в демографии человечества подробно освещены в новаторской работе Роберта Фогеля и его коллег. Там, в частности, отмечается, что «за последние 300 лет, особенно в нынешнем столетии, люди приобрели беспрецедентно широкие возможности контроля за своей средой — настолько широкие, что в этом отношении современные люди качественно отличаются не только от других биологических видов, но и от всех предыдущих поколений *homo sapiens*. Благодаря этим возможностям *homo sapiens* сумел увеличить средний размер своего тела более чем на 50%, среднюю продолжительность своей жизни — более чем на 100% и резко повысить стойкость и эффективность важнейших жизненных органов» [Fogel and Costa, 1997]. Первоначально Фогель основное внимание уделял улучшению питания, черпая вдохновение из влиятельного исследования Томаса Маккьюна «Современный рост населения» [McKeown, 1976], где утверждалось, что снижение смертности невозможно объяснить лишь одними успехами медицины. В более недавних исследованиях Фогеля и других авторов признается, что состояние питания зависит не только от уровня потребления, но и от здоровья человека и что решающее значение здесь сыграла победа над инфекционными болезнями.

VII. Эволюция человеческой среды

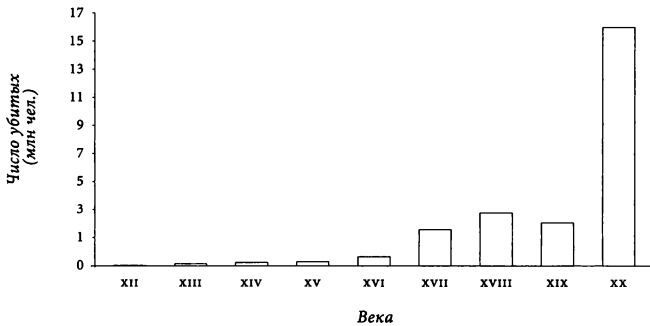

Рис. 8. Число убитых в Англии, Франции, России и Австро-Венгрии в XII–XX веках
Источник: [Peace Pledge Union],
www.ppu.org.uk/war/facts/nine_century.html.

Рис. 9. ВВП на душу населения в развитых и развивающихся странах, 1000–1998 годы
Источник: [Maddison, 2001].

Исследования Фогеля и других авторов демонстрируют, что с течением времени увеличивается не только количество человеческих особей, но и качество их жизни. Одну из попыток измерить его служит Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) Программы развития ООН. Он представляет собой всего лишь сум-

му нормализованных показателей подушного национального дохода, ожидаемой продолжительности жизни в момент рождения и степени грамотности взрослого населения. На рис. 10 приведена оценка ИРЧП для США за 1800–1970 годы [Costa and Steckel, 1995]. Другой заметной чертой повышения качества жизни является снижение уровня хронических заболеваний. Как показывает Фогель [Fogel, 2003], мы не только живем дольше, но и меньше боеем (рис. 11). Крупным прорывом стали новые методы борьбы с распространением различных заболеваний, разрабатывавшиеся с середины XIX века, новые вакцины для предотвращения некоторых болезней, начавшие появляться с 1890-х годов, и новые лекарства для лечения инфекционных болезней, использующиеся с конца 1930-х годов. Очевидно, ключом к этим революционным демографическим изменениям стали новые знания; но какую роль здесь сыграли институты? Ричард Истерлин [Easterlin, 1999] убедительно показывает, что за этой революцией лежало не развитие рыночных институтов (от которых зависело повышение экономического благосостояния), а развитие новых институтов, связанных с общественной системой здравоохранения. «Функции этой системы в той или иной степени включают в себя медицинское образование, контроль и различные принудительные меры в области здравоохранения, а также финансирование или непосредственное предоставление медицинских услуг. Создание общественной системы здравоохранения требовало признания социальной ответственности за обуздание важнейших инфекционных болезней. Этот нормативный сдвиг произошел благодаря накоплению биомедицинских знаний, все решительнее называвшихся в качестве главной причины заболеваний факторы, находящиеся за пределами личного контроля».

Недавние исследования повысили наше понимание того, как изменялись объемы знания, хотя эти исследования в первую очередь затрагивали только один, хотя важный, аспект этих изменений, а именно источники

VII. Эволюция человеческой среды

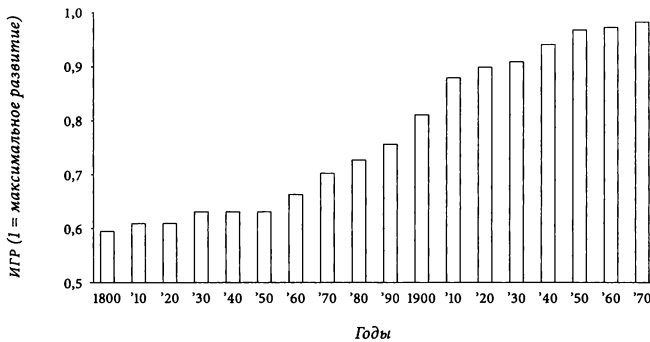

Рис. 10. Оценка Индекса развития человеческого потенциала в 1800–1970 годы

Источник: [Costa and Steckel, 1995].

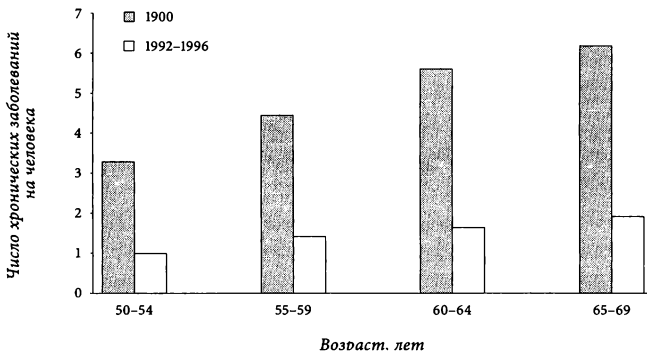

Рис. 11. Связь возраста и числа хронических заболеваний на 1 американца мужского пола в 1900-х и 1990-х годах

Источник: [Fogel, 2003, table 4.5].

изменений в сфере технологических знаний. В то время как увеличение власти над природой представляет собой неотъемлемую часть нашей истории, технологическое развитие ускорялось одновременно с усложнением общества, а в последние несколько столетий испытало настоящую революцию, вызванную разви-

ПОНИМАНИЕ ПРОЦЕССА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

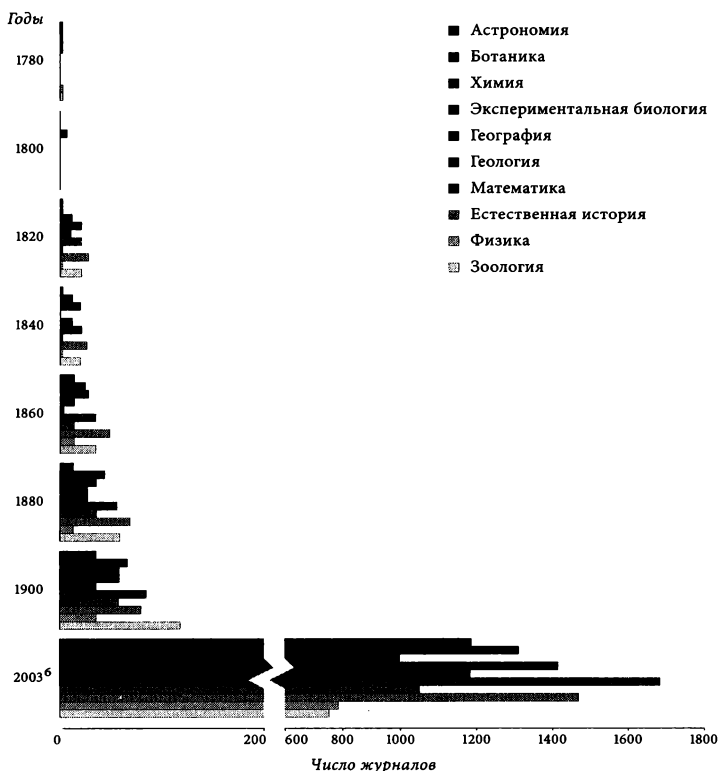

Рис. 12. Число научных периодических изданий с 1780 года по настоящее время
Источник: [Law and Kim, 2003].

ем науки и ее технологических приложений. Создание современной науки в XVI–XVII веках и ее применение для борьбы с дефицитом материальных благ, начало чему в первую очередь положила немецкая химическая промышленность в конце XIX века, — история, хорошо

⁶ Согласно каталогу HOLLIS Гарвардского университета. Число заголовков в каталоге HOLLIS равно числу ответов, полученных при поиске по названиям данных тем в журнальной базе данных HOLLIS.

известная. Джоэль Мокир [Mokyr, 2000] рисует более сложную картину, чем та, которую мы обычно видим в работах по экономической истории. Потенциал этого знания был реализован институтами и организациями, осуществившими обобщение сложного комплекса новых знаний, прикладных знаний и технологий. В своем недавнем исследовании Мокир [Mokyr, 2002] подчеркивает развитие институциональных рамок, на которые опирались эти процессы.

Специализация и разделение труда, представлявшие собой ключевой фактор роста, включали в себя и такое важное явление, как специализация знаний, которая привела к колоссальному росту производительности труда. Одним из показателей этой специализации знаний служит поразительный рост числа специальных научных журналов в XX веке (рис. 12). Обобщение специальных знаний за счет низких транзакционных издержек требует более чем эффективной системы цен. Дополнять эту систему цен с целью преодоления таких проблем, как экстерналии, информационная асимметрия и проблема безбилетника, призваны были институты и организации. Растущая разрозненность знаний в современных обществах требует создания сложной структуры институтов и организаций, осуществляющих обобщение и применение этих знаний. Принципиальным для нашего исследования является следующий вывод: рост объема знаний зависит от способствующих ему вспомогательных институтов, притом что этот процесс ни в коем случае не является автоматическим.

До сих пор речь шла только о тех знаниях, которые непосредственно связаны с экономической эффективностью, но, как подчеркивалось в первых главах, нас в равной степени должны интересовать и знания в широком плане. Мы гораздо меньше знаем об общем увеличении объемов знаний и о том, как направление этого роста задавалось эволюцией представлений и взглядов. Немало трудностей вызывает и вопрос о том, что мы подразумеваем под «знаниями», поскольку лю-

ди в течение всей своей истории зачастую принимали решения под влиянием укоренившихся представлений, которые в большинстве случаев оказывались ложными. Собственно, основной темой нашего исследования является та неопределенность, с которой сталкиваются люди, и то, как они справляются с этой неопределенностью. Являются ли представления знаниями? Медицинские представления начала XIX века чаще приносили вред, чем пользу, «по сути, строясь на лечении такими средствами, как рвотные, слабительные, мочегонные и кровопускание» [Rosenberg, 1979, 13]. К тому же подобные ошибочные представления вовсе не являются достоянием истории: проведенное в Бангладеш в 1986 году исследование выявило, что менее 30% матерей считало грязную воду и пищу одной из возможных причин поноса [Easterlin, 1996, 15].

2

Теперь мне хочется в общих чертах обрисовать эволюцию пейзажа, в котором существуют люди. При этом мы будем опираться на материал, изложенный в первой части, и на дискуссию о переходе от институтов, приспособленных к физической среде, к институтам, ориентированным на человеческую среду. Мои выводы в значительной степени подтверждаются результатами лабораторных экспериментов и полевых исследований⁷. Личный обмен определяется врожденными мыслительными способностями людей. Эти унаследованные свойства создают рамки для обмена и служат фундаментом, на котором строится структура взаимодействия между людьми, определявшая черты всех из-

⁷ В наше время нет недостатка в экспериментальных исследованиях, призванных дать нам лучшее понимание человеческой среды. В дополнение к исследованиям, упоминавшимся в предыдущих главах, сошлемся на Грайфа [Greif, 2006], где резюмируются итоги многих из этих исследований. Актуальный обзор см.: [McCabe, 2003].

вестных в истории обществ. Признание различных ролей и прав, связанных с процессом принятия решений, позволило личному обмену распространяться на все более обширные территории.

В первой части мы утверждали, что в представлениях и убеждениях людей отражается разнообразный опыт, полученный ими в различной социальной и физической среде. Разный опыт влечет за собой разную степень гибкости в смысле перехода от представлений, направленных на борьбу с неопределенностью, создаваемой физической средой, к представлениям, помогающим ориентироваться в хитросплетениях развивающейся человеческой среды. В частности, успешное приспособление западного мира к этим хитросплетениям, выразившееся в развитии обезличенного обмена, обобщении специальных знаний, необходимом для их эффективного применения в сложных экономических структурах, и более или менее успешной эволюции государств, сопровождающей эти изменения, находится в резком контрасте с тем, что мы видим в развивающемся мире, где неспособность осуществить данный переход выражается в низкой экономической эффективности. Так, «для традиционных сельских общин характерна высокая приспособленность к вызовам прошлых эпох. Например, распределительные нормы имеют больше плюсов, чем минусов, когда они принципиально необходимы в качестве средства взаимного страхования и поддерживают долгосрочную социальную сплоченность общины в мире, изобилующем серьезными рисками, от которых невозможно оградиться» [Abraham and Platteau, 2002, 25].

Такие принципы типичны для обществ, которым в первую очередь присуща неопределенность, порождаемая физической средой. Возрастание возможностей, проявляющееся при переходе к таким условиям, в которых важнейшие проблемы порождаются человеческой средой, включает в себя и преобразование фундаментальных сторон социальной организации. «Не-

обходим переход от общества, основанного на статусе и принуждении, полагающегося на взаимный контроль, чинопочитание и строго выполняющийся кодекс благородства, к открытому обществу, где такие черты, как свободный вход и выход, демократическое управление (включающее терпимость к несогласным), критерии компетентности и социоэкономическая дифференциация, являются руководящими принципами или в явном виде дозволяются» [Abraham and Platteau, 2002, 26].

Ключом к пониманию процесса перемен служит контраст между институтами и представлениями, призванными снижать неопределенность в физической среде, и теми институтами и представлениями, что призваны решать проблемы человеческой среды. Понимание этих принципиальных вопросов нам начинают давать недавние исследования в экспериментальной экономике. Коллективистские культурные представления, характерные для прежней среды, создавали институциональную структуру, способствующую личному обмену, прочность которой обеспечивалась опорой на тесные личные связи. Напротив, индивидуалистические рамки, возникшие в ответ на новую человеческую среду, в меньшей степени опираются на личные связи и в большей — на формальную структуру правил и механизмов принуждения. Каждая структура порождает свой собственный набор представлений и убеждений, который, в свою очередь, формировал соответствующую политическую, экономическую и социальную структуру. Имея в виду этот фон, я хочу описать три аспекта экономических изменений, которые связаны с ключевыми характеристиками изменяющихся условий человеческого существования и послужат в качестве введения к следующим главам.

1. Источником современного экономического роста служит накопление объема знаний, связанное с научной революцией XVI–XVII веков. Каков источник настроений, процедур и экспериментальных методов, ха-

рактерных для этой революции? Она представляла собой феномен западного мира и, очевидно, была связана с институциональными явлениями, которые привели к тому, что западный мир, являвшийся в X веке относительно отсталой частью мира, к XVIII веку достиг вершин мирового могущества. Однако направление институциональных изменений носило сложный характер, находясь под влиянием множества факторов, включая взаимодействие между тремя сферами, являющимися предметом нашего анализа (демографические изменения, накопление знаний, институты). А институциональное развитие — в политическом, экономическом и социальном плане — в свою очередь сказалось на развитии системы представлений. Откуда взялась эта система представлений? В другой работе [North, 1995b] я указывал, что ее источник лежит в трансформации религиозных представлений (и реакции на них) в Европе эпохи Средневековья и раннего Нового времени и в сильной зависимости этих представлений от уникального опыта, характерного для этой части света.

2. Резкое различие эффективности, присущей экономикам, приспособленным для функционирования в физической среде, и экономикам, пригодным для человеческой среды, ставит перед нами ключевые вопросы о причинах принципиального различия структур, которые в одних странах приводят к экономическому росту, а в других — к стагнации. Ответ, несомненно, связан с динамикой перемен, при которых получаемый обществом опыт приводит к постепенному изменению существующих представлений и, соответственно, институциональных рамок: результатом могут стать либо институты, обладающие адаптивной эффективностью и эффективно реагирующие на изменения в человеческой среде, либо стагнация, сопровождаемая все более дисфункциональными настроениями и политикой. Удастся ли нам проследить последовательность факторов, приводящую к столь противоположным результатам?

3. Понимание такого явления, как современный экономический рост, требует включения предшествующего анализа в более широкий контекст. Налицо сложное взаимодействие между улучшением питания, ведущим к повышению человеческой производительности, ростом суммы полезных знаний, применяемых для борьбы с дефицитом материальных благ, политическими институтами (формальными и неформальными), направляющими участие людей в производственной деятельности, экономическими институтами, структурирующими рынки факторов производства и продукции так, чтобы те были эффективными и в данный момент, и в долгосрочном плане, ростом размеров рынка в соответствии с требованиями крупномасштабной экономики, инвестициями в образование ради накопления человеческого капитала — и все эти факторы вносят свой вклад в современный экономический рост. Но наряду с этим существуют нерациональные представления, технологии, способствующие созданию все более разрушительного оружия, хроническая нетерпимость к иному мнению и соответствующие непрерывные процессы саморазрушения, свойственные человеческим сообществам. Встает вопрос: в какой степени экономический рост обязан трезвому расчету, а в какой — чистой удаче?

VIII. ИСТОЧНИКИ ПОРЯДКА И БЕСПОРЯДКА

Экономисты нередко ставят в центр своих исследований проблему порядка и беспорядка⁸. К этому их подталкивает как исторический, так и современный опыт.

⁸ Данная глава написана на основе работы: [North, Summerhill, and Weingast, 2000].

Установление и поддержание социального порядка в контексте динамичных изменений представляет собой вековую общественную дилемму, играя ключевую роль и в современном мире. Экономические изменения приводят к изменениям абсолютного и относительного дохода, экономического статуса и уровня защищенности индивидов и групп, составляющих общество, и поэтому представляют собой питательную среду для беспорядка. Беспорядок (выражающийся, например, в революциях) был свойственен любым обществам в тот или иной момент их истории, но если одним обществам удавалось быстро восстановить стабильность и порядок, то в других период беспорядка продолжался долго, и даже когда порядок, наконец, возвращался, он оказывался чрезвычайно хрупким. Долговечность беспорядка на первый взгляд кажется загадочной, поскольку беспорядок увеличивает неопределенность, а подавляющее большинство игроков, как правило, терпит от него убытки. Однако все окажется уже не так удивительно, если мы рассмотрим этот вопрос в контексте человеческого сознания. Его суть составляют представления — как позитивные, так и нормативные. Мы имеем не только представление о том, как устроены экономика и общество, но и нормативное представление о том, как они должны быть устроены, а также представления о том, как их следует перестроить с целью повышения эффективности. Это осознание ведет к возникновению набора представлений, заставляющих игроков считать, что революция предпочтительнее продолжения данного состояния, воспринимаемого как деградация. Впадая в другую крайность, сознание может вести людей к набору представлений, «легитимизирующих» общество. Следует выяснить, при каких условиях представления приводят к порядку, а при каких — к беспорядку.

1

Порядок является необходимым (но не достаточным) условием для долговременного экономического роста. В равной степени это — необходимое (но не достаточное) условие для создания и поддержания различных факторов, обеспечивающих свободу личности и право собственности, которые связываются нами с консенсусным или демократическим обществом. Для понимания экономических изменений необходимо углубленное понимание фундаментальных причин порядка и беспорядка, так же как и перехода от одного состояния к другому.

Порядок может быть установлен и поддерживаться благодаря авторитарному правлению без согласия подчиненных, но он также может устанавливаться и поддерживаться с согласия подчиненных. Тот и другой варианты в своем идеальном воплощении могут быть описаны следующим образом.

Авторитарный политический строй в идеале существует тогда, когда в интересах игроков, с учетом их ожиданий в отношении действий другой стороны, подчиняться писаным или неписаным правилам, которые устанавливает правитель. Покорность обычно объясняется неким сочетанием насильственных действий со стороны правителя и таких социальных норм, при которых в интересах отдельных лиц вести себя таким образом, чтобы не подрывать существующий социальный строй. Общая система представлений, охватывающая социальные нормы, не противоречащие политике правителя, снижает использование насилия. И наоборот, различные системы представлений или общая система представлений, противоречащая политике правителя, усиливают его склонность к принуждению.

Консенсусный политический строй в идеале существует тогда, когда в интересах игроков, с учетом их ожиданий в отношении действий другой стороны, подчиняться писаным или неписаным правилам, обращающимся к взаимному самоуважению. Подчине-

ние этому строю обычно объясняется такой интернализацией социальных норм, при которой индивиды склонны к поведению, не подрывающему существующего социального строя и/или социального контроля по отношению к потенциальному антиобщественному поведению других лиц. Единые мыслительные модели, отражающие общую систему представлений, находят выражение в наборе институтов, в широком смысле считающихся легитимными⁹. Консенсусный политический строй требует, чтобы в условиях равновесия все члены общества имели стимул к подчинению и к выполнению правил и чтобы достаточное число людей получало мотивацию к наказанию потенциальных нарушителей. Правила этого общества являются обязательными при условии, во-первых, что одни и те же люди играют в одну и ту же игру с теми же самыми выигрышами и рисками и, во-вторых, что неопределенность в отношении будущего остается постоянной¹⁰.

Оба строя в идеале обладают следующими характеристиками:

1. Наличие институциональной матрицы, из которой возникает набор организаций и которая задает набор правил и привилегий.
2. Стабильная структура отношений обмена на политическом и экономическом рынках.
3. Наличие внутренней структуры, обеспечивающей взятие на себя государством достоверных обязательств по соблюдению и проведению в жизнь политических правил, защищающих организации и отношения обмена.

⁹ Более глубокое раскрытие когнитивных научных оснований этого аргумента см.: [Denzau and North, 1994].

¹⁰ Построение соответствующих моделей в рамках теории игр, которое проясняет множество важных вопросов, связанных с установлением и поддержанием порядка, см.: [Calvert, 1998].

4. Подчинение, обеспечиваемое неким сочетанием интернализации норм и методов принуждения.

Оба эти строя располагаются на противоположных концах спектра политических организаций и едва ли когда-либо были реализованы в чистом виде. Авторитарный строй может включать в себя как террористическое правление Сталина, так и «сингапурскую» модель; консенсусный строй может сводиться как к прямой демократии некоторых швейцарских кантонов, так и к фактическому однопартийному правлению, характерному для мексиканского политического строя последних десятилетий. Важный момент, который подчеркивается этим сопоставлением, состоит в том, что тот и другой строй снижают неопределенность, и поэтому оба они обладают некоторыми общими чертами, которые сами по себе считаются «благом», вследствие чего индивиды и группы, составляющие общество, нередко сознательно выбирают авторитарный строй, предпочитая его беспорядку. Второй момент состоит в том, что авторитарный и консенсусный строй в середине этого спектра стремятся к некоему усреднению, при котором основой порядка является сочетание принуждения и социальных норм. Принуждение представляет собой важную часть консенсусного политического строя, когда решения, затрагивающие членов общества, принимаются далеко не единогласно. Таким образом, принуждение и сила являются составной частью обоих строев; разница лишь в той степени, в какой на лиц, принимающих решения, влияют формальные и особенно неформальные сдержки, присущие системе.

Беспорядок увеличивает неопределенность по той причине, что права и привилегии индивидов и организаций становятся доступны всем, вследствие чего разрушаются существующие отношения обмена и на политическом, и на экономическом рынках; подчинение же не обеспечивается из-за распада норм и/или изменения методов принуждения. Теперь сле-

дует изучить причины беспорядка при экономических изменениях, а затем выяснить, каковы условия стабильности, необходимой для сохранения порядка при экономических изменениях. Для этого мы сопоставим историю экономики США и Латинской Америки, которая дает нам примеры беспорядка и возвращения к стабильности, а также революций, следующих за продолжительным беспорядком.

2

Причиной беспорядка могут служить изменения, ведущие к менее жесткому соблюдению законов, или ослабление норм сотрудничества, побуждающее организации к попыткам радикально изменить правила игры. Источником изменений порой является какое-либо событие, ликвидирующее прежние механизмы, которые обеспечивали взятие на себя достоверных обязательств в обществе, но не создающее адекватной замены. В число таких событий может входить отстранение от власти (авторитарного) правителя, но чаще они связаны с кризисом, допускающим внезапный захват политической власти группировками, стремящимися к масштабным политическим изменениям. Кризис может разрушить старый порядок различными способами. Например, экономический кризис, приводя к сокращению ресурсов, доступных для распределения, может убедить прежних сторонников режима встать к нему в оппозицию, тем самым разрушая консенсус, на котором держался режим.

К изменениям другого рода могут вести постепенные изменения, убеждающие отдельных индивидов и группировки в том, что революция менее рискованна, чем продолжение постепенных изменений, воспринимающихся как угроза для существования данной группировки. Де Фигеридо и Вейнгаст [De Figuerido and Weingast, 1999] следующим образом описывают последовательные этапы этого процесса:

1. Некая группа политических предпринимателей формулирует новый набор представлений, фундаментально противоречащих существующему порядку — представлений, которые поначалу разделяются лишь ничтожным меньшинством.
2. Противники этой группы действуют таким образом, который вполне соответствует этим революционным представлениям, тем самым подтверждая их истинность в глазах ключевых игроков. В итоге достоверность этих представлений доказывается событиями, не подвластными непосредственному контролю со стороны сторонников новых идей.
3. Результатом становится проникновение этих представлений в среду лиц, ответственных за принятие ключевых решений. Воспринимая радикально новые представления, эти лица обеспечивают достаточную политическую поддержку радикальным действиям.

3

Поддержание порядка в течение длительного времени и быстрое восстановление порядка в случае радикальных изменений, претерпеваемых обществом, отличает такие общества, как США, от большинства обществ во всемирной истории. Ключ состоит в создании институтов обезличенного обмена, ограничивающих действия игроков и сужающих диапазон принятия политических решений. В течение последних 350 лет Соединенные Штаты (как и сейчас) сохраняли порядок в системе даже в условиях экономических изменений, включая стремительную реконструкцию после революционной войны за независимость от Англии и одной из самых опустошительных гражданских войн в истории. Более того, наблюдавшийся за этот период экономический рост радикально изменил доходы и статус различных групп в общест-

ве. В обществах, обладающих адаптивной эффективностью [North, 1990b], решению проблем, связанных с фундаментальными экономическими изменениями, способствует гибкость институциональной матрицы. Некоторое представление об адаптивной эффективности нам могут дать четыре рецепта, связанные с сохранением политического порядка перед лицом экономических изменений.

Первый рецепт относится к взаимоотношениям общей системы представлений о законных целях работы правительства с правами граждан. Все права, которыми наделены граждане, — личные, экономические, религиозные, гражданские или политические — подразумевают те или иные ограничения на действия должностных лиц государства. Ключ к политическому порядку — установление надежных пределов, ограничивающих полномочия должностных лиц. Гражданские права и соответствующие ограничения на действия властей должны быть самовыполняющимися в отношении последних в том смысле, что их нарушение создаст угрозу для карьеры политического лидера. Создание общей системы представлений в обществе связано с развитием (обычно очень длительным) социальных норм, относящихся к законным пределам действий должностных лиц.

Согласно второму рецепту, удачным государственным устройством является то, которое ограничивает политические ставки, в частности наделяя граждан правами и устанавливая другие пределы для принятия решений правительством. Третий рецепт сводится к необходимости четкого определения личных прав и прав собственности с тем, чтобы случаи нарушения этих прав сразу же бросались гражданам в глаза. Четвертый рецепт гласит, что государство должно взять на себя достоверные обязательства по соблюдению этих прав, тем самым обеспечивая защиту от стремления должностных лиц к наживе и от экспроприаций с их стороны.

Все эти рецепты опираются на институциональную матрицу, которая не только придает этим условиям вид формальных правил — не менее важно и то, что она подкреплена крепкими социальными нормами, обеспечивающими внедрение этих ценностей в культуру общества. Поскольку культурная обусловленность общества складывается в течение поколений, мы сталкиваемся с принципиальными затруднениями при попытке установить стабильный консенсусный порядок в обществах, подверженных хроническому беспорядку. В подобных случаях члены этого общества вполне могут отдать предпочтение авторитарному строю.

4

Американская политическая, социальная и экономическая история характеризуется относительной стабильностью в колониальную эпоху вплоть до окончания Семилетней войны, нестабильностью и последовавшей за ней революцией, продолжавшейся до 1781 года, восстановлением порядка и быстрым экономическим развитием, которое снова было прервано гражданской войной в 1861–1865 годах, и новым, относительно быстрым восстановлением порядка и возобновлением экономического роста, который с тех пор уже не прерывался. В общих чертах этот сюжет можно обрисовать в терминах аналитических рамок, предложенных в предыдущем разделе¹¹.

Британская империя в XVIII веке обладала многочисленными уровнями управления с относительно четко обрисованными сферами полномочий на каждом из них. Вплоть до окончания Семилетней войны в 1763 году роль Британии в Северной Америке ограничивалась предоставлением таких коллектив-

¹¹ Наше изложение основано на: [North et al., 2000]. Более обширное и детальное изложение см.: [Rakove et al., 2001].

ных благ общеимперского масштаба, как обеспечение безопасности и охрана международной торговли. Колониальные ассамблеи, сотрудничавшие с британскими губернаторами, обладали широкими полномочиями в смысле обеспечения местных коллективных благ, охраны прав собственности, религиозной свободы и выполнения контрактов, подчиняясь некоторым ограничениям, прописанным в британских законах. Имперские институты значительно ограничивали роль Британии в пределах отдельных американских колоний. Британские институты способствовали созданию общего рынка в рамках империи, не позволяя отдельным колониям воздвигать торговые барьеры.

Постоянная французская угроза спланивала обе стороны Атлантики в отношениях, основанных на общих интересах. Поскольку обе стороны нуждались друг в друге, они были способны создать и поддерживать систему политической и экономической автономии, неотъемлемую от федеральной структуры империи. И хотя каждую из сторон могло искушать желание сжульничать, обе они находили федеральную структуру империи весьма удобной. Вообще наличие четкой грани между общесистемными вопросами торговли и безопасности и всеми прочими вопросами местного значения (такими как свобода вероисповедания, налогообложение, право собственности и социальное управление) создавало механизм взятия на себя достоверных обязательств. При этой системе нарушения, допущенные любой из сторон, было легко обнаружить. В смысле четырех рецептов построения консенсусного политического порядка федеративная структура империи давала естественное узловое решение, позволяя легко отследить действия обеих сторон.

За сотню с лишним лет, предшествовавших 1763 году, Великобритания научилась уважать местные политические свободы в обмен на признание колонистами британского контроля за империей, включая накладываемые на колонистов торговые ограничения. Импер-

ские институты сочетались с общей системой представлений, поддерживавшей эти институты; совместно они обеспечивали сотрудничество обеих сторон Атлантики. Однако некоторые изменения в британской политике по отношению к империи после 1763 года создали угрозу для этой системы. Решающую роль сыграли два момента. Во-первых, хотя война устранила угрозу со стороны Франции, это было достигнуто ценой колоссальных финансовых затрат — Великобритания накопила огромный долг и пожелала, чтобы часть выплат по этому долгу взяли на себя колонии. Во-вторых, поражение Франции привело к серьезным изменениям внутри империи. До войны американские колонии составляли значительную долю империи. Все, что вредило американским колониям, вредило и империи. После Семилетней войны ситуация изменилась. В новой, значительной увеличившейся империи британцы при наличии достаточных на то оснований вполне могли проводить такую общеимперскую политику, которая причиняла бы ущерб одной из частей системы. Кроме того, колонии испытывали значительно меньше потребности в британском зонтике, обеспечивавшем их безопасность, а соответственно, стали менее заинтересованы в подчинении британским интересам.

Эти изменения привели многих американцев к выводу о том, что Великобритания больше не станет соблюдать в своей империи принципы федерализма. Такие идеи были особенно сильны среди новой радикальной группировки. Она утверждала, что прецедент непосредственного британского вмешательства в дела колоний посредством налогообложения означает конец свободы, включая и конец автономии колониальных ассамблей, а значит, и всего того, что было дорого колониям. Создав прецедент, утверждала далее эта группа, британцы по своему усмотрению смогут изменять и другую политику. Поначалу большинство американцев обращало мало внимания на этих радика-

лов, поскольку их вопли об утрате свободы отдавали фальшью. Британцы еще не дали серьезного повода подозревать их в стремлении к серьезным политическим изменениям. Более того, и умеренные, и радикалы опасались, что на смену британской власти может прийти что-нибудь похуже. Однако последующая британская политика, начиная с требования 1766 года о том, чтобы колонии взяли на свое содержание расквартированные там британские войска, и заканчивая «Чайным актом» 1773 года, вызвала сильное возмущение в колониях, став серьезным доказательством правоты радикалов. Как они и полагали с самого начала, новая британская политика стала угрожать американской свободе.

Короче говоря, внезапная вспышка беспорядков в Америке служит хорошей иллюстрацией к изложенным выше принципам. Поражение Франции содействовало демонтажу старой системы, вызвав изменения в поведении и политике британцев в рамках империи. В ответ на это американские радикалы сформулировали новую идею, вначале занимавшую маргинальное место среди американских представлений и гласившую, что британские действия означают конец свободе. В самом начале разногласий с Великобританией умеренные, обладавшие ключевыми позициями в политике, не разделяли взглядов радикалов. Тем не менее шаги, предпринятые британцами, стали подтверждением этих идей (в смысле байесовского обновления оценок), вследствие чего те стали пользоваться поддержкой умеренных, которые к 1775 году переметнулись на другую сторону, поддерживая радикалов во время антибританской революции.

Восстановление порядка после революции принципиально зависело от наследия колониальной эпохи. Набор политических и экономических правил игры, установленных во время британского правления, предусматривал самоуправление колоний и четко определенные права собственности в экономиче-

ской сфере. Эпоха «Статей Конфедерации» и создания конституции ознаменовалась бурными дискуссиями, однако основы стабильности политических и экономических правил были позаимствованы независимыми штатами из колониальных уставов. Обсуждавшиеся выше принципы политического порядка проявились в том, что конституция снизила ставки в национальной политике, создав сложную структуру государственных органов с четко определенными полномочиями, систему разделения властей и систему федерализма, резко ограничившие полномочия национального правительства. Дискуссии той эпохи привели к возникновению новых общих представлений о пределах полномочий национального правительства и о значении гражданских прав и автономии штатов.

Конкуренция между штатами в условиях растущего общего рынка давала штатам стимулы к созданию благоприятного экономического климата, а наличие жестких бюджетных ограничений серьезно снижало возможности штатов по субсидированию местных экономических агентов. Граждане американской республики в начальную пору ее существования выступали за свободу штатов и местных властей, тем самым жестко обуздывая национальное правительство. Общепризнанная система представлений совместно с политическими институтами, правами собственности и законами привела к созданию системы, крайне благоприятствующей работе децентрализованных конкурентных рынков. В сочетании с унаследованной от колониальной эпохи совокупностью факторов производства все это привело к ускоренному экономическому развитию.

Гражданская война стала ужасным потрясением для Соединенных Штатов, нарушив политическое равновесие, которое обеспечивало единство союза во время усугублявшегося политического, экономического и социального конфликта Севера с Югом. Фактически

вместе с крахом равновесия разрушились и механизмы, обеспечивавшие взятие на себя обеими сторонами достоверных обязательств, тем самым убедив южные штаты в том, что отделение — единственная приемлемая альтернатива¹². Эта война стала одной из самых опустошительных в истории, но ее поразительной чертой в смысле темы данной главы было поразительно быстрое возрождение страны. Уже через несколько лет после окончания войны возобновился экономический рост на Севере, а еще до конца столетия — и на Юге, хотя прекращение реконструкции в 1877 году привело к тому, что афроамериканцы в течение большей части XX века оставались гражданами второго сорта. Тем не менее политический, экономический и социальный порядок был восстановлен, не только обеспечив непрерывный экономический рост до конца XX века, но и резко улучшив посредством политико-социальных институциональных изменений статус афроамериканцев.

Адаптивная эффективность институциональной структуры, характерная для американской экономики, стала результатом зависимости от пути развития (благодаря политическим и экономическим институтам, унаследованным от британского правления), благоприятной совокупности факторов производства (бескрайние плодородные земли и обширные ресурсы, иммиграция труда и капитала из Европы), бесчисленных благоприятных событий XIX века, укреплявших систему представлений, которая отдавала предпочтение формальным политическим и экономическим институтам (в числе этих событий было открытие многочисленных золотых месторождений в конце XIX века, обеспечившее процветание сельскохозяйственным производителям после десятилетий стагнации), и удачи (примером чего служит антифедералистский бойкот конституционного соглашения). Следует подчеркнуть один клю-

¹² Более подробное аналитическое описание см.: [Weingast, 1998].

чевой момент. Наследие британских институтов создало благоприятные условия для развития институтов обезличенного обмена, которые стали основой для длительного роста американской экономики.

5

История Латинской Америки начинается с колонизации Нового света испанцами (и португальцами). Вся структура поселений, торговли и экономического развития была направлена на добычу благородных металлов в интересах короны. Так сложилась авторитарная система, управлявшаяся из Мадрида. В испанских колониях не существовало ни самоуправления, ни конкурентных рынков. Корона даровала исключительные монопольные привилегии избранным купцам; торговля ограничивалась всего лишь несколькими портами по всей Южной Америке. Целью испанской меркантилистской структуры являлось отнюдь не развитие Латинской Америки, а направление потоков благородных металлов в Испанию. Такой принцип заселения и хищническая экономическая политика имели самые серьезные последствия для Латинской Америки после получения ею независимости.

Пленение Наполеоном испанского короля в 1807 году повлекло за собой попытки переопределения взаимоотношений колоний с метрополией и зарождение движений за независимость по всей Латинской Америке. Поражение испанских армий привело к распаду бывших колоний на новые республики. Многие из них ориентировались на устройство США как на образец независимого государства, однако результаты оказались радикально иными. В отсутствие самоуправления, унаследованного от колониального периода, и четко определенных прав собственности независимость выродилась в кровавую борьбу соперничающих группировок за контроль над политикой и экономикой. Результатом являлся захват власти и ее исполь-

зование в качестве аппарата личного обмена на всех рынках. Большинству стран испанской Америки понадобилось полвека для того, чтобы та или иная из соперничающих группировок добилась победы. Наведение порядка превратилось в самоцель, тем самым приводя к становлению и сохранению авторитарных режимов — феномен «каудилизма» оказался весьма разным.

Распад колониальной системы породил новые конфликты, с которыми молодые государства не в состоянии были справиться. Попыткам создания республиканских институтов (принятие конституций по американскому образцу) препятствовали политические основы прежнего режима. При королевской власти права даровались отдельным лицам и группировкам, обладавшим личными связями с короной. Итогом стали колоссальные земельные владения богатых лиц и церкви, особые права и привилегии военных и создание ряда местных монополий в производстве и торговле. Самоуправление совершенно отсутствовало. В отношениях политического и экономического обмена преобладали личные связи. Достижение независимости привело к глубоким политическим конфликтам, поскольку права, унаследованные от колониального режима, находились в принципиальном противоречии с республиканскими институтами и соответствующими организациями, возникшими после получения независимости.

Дискуссия об источниках беспорядка поможет нам понять те процессы, что происходили в латиноамериканских странах после обретения ими независимости. Там не существовало общей системы представлений о роли правительства и государства, о корпоративных привилегиях и о гражданстве; с другой стороны, существовал общий набор представлений, основанных на личном обмене, который способствовал крепким личным связям, но препятствовал построению институтов обезличенного обмена. Отсутствие консенсу-

са в отношении законных целей деятельности правительства и принципов организации общества привело к неудаче попыток ограничить полномочия государства. Отсутствие согласия в отношении базовой политической структуры в сочетании с отсутствием общей системы представлений привело к невозможности получения достоверных обязательств со стороны новых государств, а соответственно, и к хронической политической нестабильности.

Однако та не привела к полной остановке экономического роста. В истории Латинской Америки мы не наблюдаем ни экономического коллапса, ни стагнации, а лишь хроническую нестабильность, массовое мздоимство, политический авторитаризм, порочное распределение дохода, неэффективное обеспечение коллективных благ и замедленный экономический рост. Например, в Мексике вертикальная политическая интеграция сводилась к созданию коалиции между правительством, держателями активов и какой-либо третьей стороной, которая могла обеспечить взятие на себя достоверных обязательств другими сторонами. Эта третья сторона могла быть иностранным государством, но в Мексике ее роль играла внутренняя группировка, поддержка которой нужна была правительству и которая частично обирала владельцев активов. Итогом стала защита не всеобщих, а лишь избранных прав собственности, которой могли воспользоваться исключительно соответствующие владельцы активов¹³. Мексиканский вариант получил широкое распространение не только в Латинской Америке, но и — с некоторыми вариациями — в большей части третьего мира. Важно отметить, что полная остановка экономического роста не отвечала интересам доминирующих в политике группировок, так как это лишило бы их источника доходов. Так сложилась модель «стационарного бандита», как ее называет Мансур Олсон, при

¹³ См.: [Habet et al., 2003].

которой подобный игрок не заинтересован в том, чтобы отбирать себе весь чистый доход владельцев активов [McGuire and Olson, 1996].

Через двести лет после получения независимости исторический контраст между Северной Америкой и Латинской Америкой по-прежнему дает яркий пример поразительных различий в экономической эффективности. В Соединенных Штатах мы видим здоровую систему с федерализмом, демократией, ограниченными полномочиями правительства и процветающими рынками. Для большей части Латинской Америки по-прежнему характерно развитие рывками, хрупкие демократические институты, сомнительные основы гражданских прав, личный обмен и монополизированные рынки¹⁴. Частично этот контраст можно объяснить посредством стандартного анализа факторов производства, принятого в неоклассической экономике. Факторы производства, несомненно, были движущей силой, определившей ход европейской колонизации. Однако одного лишь анализа факторов производства, в принципе, недостаточно без учета таких важнейших последствий зависимости от пути развития, как колониальное наследие, институты рабства и система энкомьенды, и резких различий в эволюции институтов, происходившей как итог переплетения этих экономических и институциональных сил в течение двух с лишним столетий. Причиной такого различия в институциональной структуре являлись базовые представления ключевых игроков. Эволюция системы представлений в Великобритании будет рассмотрена

¹⁴ Ничто не служит лучшим примером этой хрупкости, чем история Аргентины — страны, занимавшей в 1940 году шестое место в мире по величине подушного дохода, а затем более чем на сорок лет погрузившейся в стагнацию, за которой последовали недолгое возрождение и (на момент написания данной работы) экономический коллапс. Обсуждение причин краха аргентинского процветания см.: [Alston and Gallo, 2001].

в главе X. Эта система представлений, перенесенная в американские колонии, послужила основой для создания там институтов, обладающих адаптивной эффективностью. Напротив, представления, на которых строились институты, насаждаемые испанской короной, привели к двум столетиям нестабильности, хаоса, личного обмена и ограниченных экономических успехов.

Основы порядка и беспорядка скрываются в институциональной структуре, складывающейся в течение долгого времени. Хотя все общества время от времени проходят через периоды беспорядка вследствие кризисов, неизбежных в мире непрерывных изменений, те общества, что получили в наследство стабильные институты, возрождаются быстро по сравнению с теми, которые не обладают подобным наследием.

IX. ПРИЧИНЫ УСПЕХОВ И ПРОВАЛОВ

Когда люди воспринимают окружающую их среду такой, как она отражается в их представлениях, и создают институциональные рамки, позволяющие им воплотить в жизнь намеченные цели, то мы наблюдаем соответствие между целями тех игроков, чья позиция позволяет им определять свою судьбу, и желаемыми результатами. Отражением такого соответствия следует считать колоссальное увеличение продолжительности жизни и материального благосостояния за последние несколько столетий. Но всего этого люди добились методом проб и множества ошибок, за счет бесчисленных проигравших и при отсутствии каких-либо гарантий того, что у нас и впредь все будет получаться, несмотря на гигантский прирост знаний за эти столетия. История человечества вообще служит отрезвляющим

напоминанием о склонности людей к ошибкам перед лицом вездесущей неопределенности, и причины этого должны быть ясны из предшествующих глав. Мы постоянно изменяем свою окружающую среду новыми способами (помимо изменений, к которым мы не причастны), и никто не может поручиться, что мы правильно поймем изменения, происходящие в среде, создадим соответствующие институты и разработаем нужную политику для решения новых проблем, встающих перед нами. Почему это именно так, станет ясно из обзора жестких условий успеха в динамичной среде.

Условием для постоянных успехов является точное понимание изменений, происходящих в людском окружении, учет этого понимания в нашей системе представлений и соответствующее изменение институтов. Все это подразумевает, что:

1. Последствия новых изменений будут поняты в отношении их воздействия на три ключевых источника изменений — демографические условия, сумму знаний и институты — и новых взаимодействий, которые в результате сложатся между ними.
2. Эти новые знания будут учтены в системе представлений тех, кто имеет возможность видоизменять институциональную матрицу.
3. Формальные правила, неформальные ограничения и характеристики принуждения будут соответствующим образом модифицированы, приведя к желательным изменениям в эффективности общества.

При подобных условиях решающее значение приобретают два вопроса, о которых мы знаем слишком мало: как люди принимают решения перед лицом серьезной неопределенности и как происходит процесс обучения? Этим вопросам были посвящены главы III

и IV. Сейчас же я собираюсь рассмотреть три важнейших момента в процессе принятия решений, в которые людям свойственно ошибаться. Первые два связаны с процессом изменений на макроуровне: как перед лицом действительно новых ситуаций эволюционируют общества и какие представления наилучшим образом готовят их к встрече с новым. Третий момент связан с изменениями скорее на микроуровне: какие изменения на рынках факторов производства и продукции необходимы для сохранения экономической эффективности в контексте изменений технологического и организационного порядка и изменений внешнего окружения.

1

Людям свойственно ошибаться тогда, когда накопленный опыт и представления, унаследованные от прошлого, не могут служить надежным руководством к принятию будущих решений. Это объясняется двумя причинами. Задаваемый нейронными сетями набор мыслительных моделей, категорий и классификаций, сложившийся в нашей системе представлений, сквозь которую фильтруются новые впечатления, не имеет шаблонов, позволяющих верно оценить новые впечатления. А в случае существования взаимно противоречащих представлений доминирующие организации (и их представители) могут воспринимать необходимые изменения как угрозу для своего существования. В той степени, в какой представители таких организаций контролируют процесс принятия решений, они могут заблокировать необходимые изменения. Первый из этих факторов проистекает из неверного восприятия того, что с нами происходит; второй — из неспособности внести в работу институтов необходимые поправки.

Именно такой камень преткновения и в историческом плане, и в современном мире был порожден пе-

реходом от личного к обезличенному обмену. Личный обмен основан на взаимности, повторяющихся сделках и таких неформальных нормах, которые обычно вырастают из прочных отношений взаимности. Обезличенный обмен требует создания экономических и политических институтов, которые изменяют прибыль, компенсируя это вознаграждением кооперативного поведения. Создание необходимых институтов требует внесения фундаментальных изменений в структуру экономики и государства, что зачастую является недостижимой целью с учетом исторически сложившихся представлений игроков и институтов. Уникальное возвышение западного мира от относительной отсталости в X веке до мировой гегемонии в XVIII веке позволяет нам проследить ту историческую эволюцию, которая сделала возможным такое событие. Эволюция подобных институтов, сопровождавшая выход Запада на лидирующие позиции, освещается в ряде исследований, например, [Milgrom et al., 1990; Greif, 1993; 2006]. Успешная эволюция включала в себя радикальное изменение экономических институтов с целью сделать осуществимыми торговлю на дальние расстояния и обезличенный обмен. Авнер Грайф исследует промежуточную ступень этого процесса в предсовременной Европе, способствовавшую данной трансформации, а именно «систему общинной ответственности», когда общие знания, касающиеся социальной структуры, позволяли воспользоваться внутриобщинными методами по обеспечению выполнения личных обязательств для осуществления межобщинного обезличенного обмена [Greif, 2004].

Экономические институты в конечном счете должны опираться на политические институты. Система общинной ответственности [Ibid., 2004], содействуя росту торговли на дальние расстояния и увеличению размеров общины, оказывала давление на экономическую систему и поощряла государство к тому, чтобы

обеспечивать юридическое выполнение контрактов. Однако создание необходимых политических институтов, которые, по сути, создают требуемую юридическую систему и обеспечивают ее соблюдение, происходит отнюдь не автоматически. Этот процесс на примере «Славной революции» 1689 года в Англии рассмотрен в более ранней работе [North and Weingast, 1989]. В этом исследовании подробно анализируется процесс обуздания самодержавной монархической власти и развитие парламента — крупный шаг на пути к созданию представительного правительства. Самое тщательное и любопытное исследование этого процесса производится в работе Грайфа [Greif, 1994b], где сопоставляется эволюция структуры политических и экономических институтов, созданных генуэзскими купцами и в конечном счете обеспечивших возникновение институтов, необходимых для обезличенного обмена, и практика магрибских купцов (евреев, однако принадлежавших к мусульманской культуре), которые не сумели внести требуемые коррективы в свои институты и проиграли своим конкурентам по средиземноморской торговле.

Присущие современному миру массовые неудачи политических институтов, призванных создавать эффективную юридическую систему и обеспечивать ее функционирование, свидетельствуют о том, что мы еще слабо представляем себе процесс создания необходимых политических институтов. Опыт Латинской Америки дает нам множество примеров нестабильности политических институтов, ведущей к регулярным военным диктатурам; для африканских государств южнее Сахары характерно катастрофическое падение подушного дохода за большинство последних десятилетий.

Анализ, проведенный в предыдущих главах, позволяет нам выделить следующие источники неспособности осуществить быстрый переход от личного к обезличенному обмену:

1. Генетическая структура, сложившаяся за три миллиона лет в общинах охотников и собирателей, приспособлена к миру узкого группового взаимодействия, вследствие чего мы питаем предрасположенность к участию в мелкомасштабном кооперативном поведении, характерному для взаимодействия в кланах, племенах и других мелких группах, необходимого для выживания во враждебном физическом окружении. Эта генетическая структура делает нас готовыми к личному обмену, но не дает нам подготовки к миру обезличенного обмена. Соответственно, «естественным» ответом оказывается «измена».
2. Преодоление этой естественной склонности к измене включает развитие мыслительных конструкций, которые позволяют визуализировать мир, где обезличенный обмен весьма щедро вознаграждается. Такие новые ситуации требуют постепенного «привыкания» к все более обезличивающимся отношениям с тем, чтобы игроки могли себе представить и создать соответствующие институты.
3. Однако недостаточно лишь представлять себе осуществимость необходимых экономических институтов и организаций, таких как векселя, банки, корпоративные структуры, компании и различные экономические институты, участвующие в торговле на дальние расстояния; необходимо также развитие механизмов принуждения, обеспечивающих эффективное выполнение соглашений, связанных с обезличенным обменом. В конечном счете это включает в себя развитие государства как аппарата принуждения.
4. Создание государства, обладающего способностями к обеспечению прав собственности (при невысоких издержках), приводит к тому, что государство получает возможность использовать средства принуждения для эксплуатации своих

граждан, о чем нам давным-давно напоминал Мэдисон. Мы еще не слишком хорошо понимаем, как создавать сильное, но ограниченное в своих полномочиях государство, хотя мы добились известного прогресса в понимании этой проблемы. Ясно одно — такое государство не построишь за ночь. При решении этой задачи не обойтись без развития эффективных неформальных норм поведения, которые бы подкрепляли формальные правила.

2

Западный мир прошел эволюцию от примитивного мира личного обмена к миру сложных взаимозависимостей, характерных для современной развитой экономики. В экономической истории этот процесс обычно описывался в смысле расширения рынков, позволяющего нам сегодня велеречиво говорить о глобальной экономике. Но как именно она работает? Социологи, эмпирически исследуя информационные сети, описывают колоссально усложнившуюся коммуникационную структуру, объединяющую разрозненные знания с целью их эффективного использования ради повышения производительности современной экономики. Процесс изменений в западном мире представлял собой постепенное разрастание все более всеобъемлющей системы цен, дополнявшейся, подкреплявшейся, а иногда вступавшей в противоречие с разрастанием политических законов и правил, которые лишь изредка сознательно принимались с целью обеспечить более эффективное сочетание знаний. Западный мир прошел через долгий период созревания, в ходе которого налаживались взаимосвязи, повышающие эффективность рынков (о чем пойдет речь в следующем разделе), хотя те по-прежнему весьма далеки от идеала. Однако перед развивающимися странами стоит куда более серьезная задача. Чтобы выжить и обеспечить экономический рост в условиях конкуренции со стороны

развитого мира, они должны целенаправленно создавать эффективную систему цен, дополняя ее построением институтов и организаций, осуществляющих интеграцию этих знаний при низких транзакционных издержках. Стандартная экономическая теория тут ничем помочь не может. Согласно этой теории, житель развивающегося мира, приобретя, допустим, углубленные познания в химии, будет иметь заработок, пропорциональный относительной редкости таких знаний в развивающейся стране и тем самым автоматически создающий нужный стимул для решения этой проблемы. На самом же деле такому человеку гораздо больше заплатят в развитой стране. Специализированные знания приобретают высокую ценность лишь в том случае, когда их можно интегрировать со вспомогательными знаниями ценой небольших затрат.

Взаимосвязи, необходимые для обобщения разрозненных знаний, по сути, влекут за собой намного большее, помимо эффективной системы цен, хотя та является необходимой предпосылкой. Потребность в важнейших общественных благах, асимметричность информации и повсеместные экстерналии требуют создания институтов и организаций для обобщения разрозненных знаний при низких транзакционных издержках. Нам еще не вполне известны все этапы на этом пути¹⁵, но в их числе можно назвать следующие:

1. В автаркичном мире людям приходилось быть мастерами на все руки. Приобретение всевозможных знаний позволяло решать разнообразные задачи, необходимые для выживания. В подобном контексте повышение специализации происходило бы за счет разнообразия, требуемого для выживания.

¹⁵ Гораздо более подробное освещение этого вопроса см.: [Martens, 2004].

2. Рост рынков сопровождался возрастанием специализации, и люди, соответственно, обменивались накапливаемыми специальными знаниями за счет знаний «общего» характера. Утрата общих знаний восполнялась торговлей.
3. Торговля выгодна для человека лишь в том случае, когда возрастающая неопределенность, являющаяся следствием специализации, более чем компенсируется снижением неопределенности вследствие разнообразия выбора.
4. Это снижение неопределенности происходит отнюдь не автоматически. Оно требует низких транзакционных издержек на других рынках. Товары (и услуги) должны быть такими, чтобы новому покупателю для пользования ими не требовались обширные специальные знания. Покупателю автомобиля не обязательно быть механиком или инженером, так же как работать на компьютере может не только программист. Гарантии, сертификаты, торговые марки — это лишь несколько примеров того обширного диапазона институтов и организаций, которые позволяют индивидам, обладающим специальными знаниями, иметь доступ на другие потребительские рынки, который требуется им, чтобы воспользоваться потенциальными преимуществами мира специализации.
5. Как свидетельствует изучение информационных сетей, производителям для обобщения производственных знаний требуется еще более сложная структура. Германия в XIX веке стала первопроходцем применения научных принципов в технологии химической промышленности. Однако над решением этой задачи работали в первую очередь американские университеты, начиная с МТИ, в программу которого в 1888 году был включен курс инженерной химии. Сочетание знаний по химии с инженерными принципами

привело к революционным разработкам¹⁶. Сегодня американские университеты стоят на переднем крае революционной интеграции фундаментальных и прикладных знаний в каждой сфере развития. Кремниевая долина — вот лишь один яркий пример плодов такой интеграции. Другие страны развитого мира в этом отношении отстают от Америки, а создание необходимых институтов и организаций в малоразвитых странах представляет собой крайне трудновыполнимую задачу.

3

Экономисты либертарианских убеждений долгое время находились в плену иллюзии о существовании некоего *laissez faire* и о том, что при наличии «эффективных» прав собственности и верховенства закона экономика станет отлично работать, не нуждаясь в дальнейших корректировках. Прокатившаяся в 2001–2002 годах череда скандалов, связанных с Enron, Dynegy, WorldCom и прочими компаниями, должна была развеять подобные заблуждения. По сути, нам нужна не только такая структуризация рынков факторов производства и продукции, которая *в данный момент времени* позволяла бы участникам этих рынков конкурировать друг с другом в области цены и качества (вместо того чтобы убивать друг друга или принимать участие в иных разновидностях анти-социального поведения); условия сохранения рыночной эффективности изменяются и *с течением времени* вслед за изменениями технологии, человеческого капитала, рыночных условий и информационных издержек. Каждый рынок факторов производства и продукции характеризуется структурой, задающей те рамки, в которых игроки могут влиять на прибыльность

¹⁶ См.: [Rosenberg and Birdzell, 1986, ch. 8].

своих операций. Трансакционные издержки — сейчас речь идет об издержках измерения и принуждения — в каждом случае будут разными, и для снижения этих издержек нужна институциональная структура, создающая для игроков стимулы к тому, чтобы конкурировать в тех и только в тех рамках, которые являются социально продуктивными. Как правило, для этого требуется набор формальных (обычно в виде законов, правил и предписаний) и неформальных ограничений, приводящих к желательному результату. Попробуем выделить проблемы, связанные с созданием «эффективных» рынков в данный момент времени, а затем дополнительные проблемы, связанные с необходимостью учета перемен для сохранения эффективности рынков. Прежде в отношении эффективности в данный момент времени:

1. В то время как полезные функции игроков на каждом рынке могут меняться, мы тем не менее предполагаем, что игроки осуществляют свой выбор, который ограничивается состоянием технологии и условиями конкуренции, имея целью максимизацию прибыли и своего богатства (с обычными оговорками о проблемах выбора в мире неопределенности). Однако сочетание двух этих переменных порождает бесконечное разнообразие рамок, в которых игроки могут и будут действовать. Нам нужно знать, какой набор стимулов и препятствий будет направлять выбор, совершаемый игроками на каждом рынке факторов производства и продукции, в необходимую нам сторону.
2. Характеристики эффективности каждого рынка складываются как следствие формальных правил и неформальных норм поведения, которые видоизменяют, смягчают и даже отменяют формальные правила. Трансакционные издержки, присущие каждому рынку, задаются сочетанием фор-

мальных и неформальных ограничений. Даже в том случае, когда права собственности четко определены, и измерение характеристик, и принуждение будут несовершенными, поскольку права собственности скорее задают общие правила, нежели «обслуживают» специфические характеристики каждого рынка.

3. Дополнительные конкретные правила для каждого рынка задаются правительством, которое едва ли можно назвать незаинтересованной стороной. Структура политических рынков определяет, чей голос будет «услышан» при принятии дополнительных правил, действующих на том или ином рынке.
4. Даже в том случае, когда заявленной целью правительственной политики является экономическая эффективность, отнюдь не очевидно, что власти будут обладать достаточными экономическими знаниями для достижения этой цели.
5. Принуждение осуществляется агентами — будь то контролирующие органы или суды, — выполняющими свою собственную повестку дня.

Теперь в отношении эффективности в долговременном плане: помимо того что каждый рынок продукции и факторов производства нуждается в различных конкретных ограничениях, создающих для игроков необходимую структуру стимулов, экономические изменения требуют постоянной корректировки институциональной структуры с целью сохранения эффективности. Это особенно важно для рынков капитала, которые в какой-то момент времени могут способствовать экономическому росту, а в других обстоятельствах препятствуют ему, и нет никакой гарантии того, что они будут автоматически подстраиваться под развитие экономики. Структура рынка определяет стимулы для игроков, а при изменении вышеупомянутых условий те стимулы, которые в момент времени

t побуждают игроков к созданию эффективного рынка капитала, в момент времени $t + 1$ могут стимулировать игроков на участие в такой деятельности, которая подрывает, ослабляет или вовсе разрушает рынок капитала с соответствующими пагубными последствиями для экономики в целом. История Японии 1990-х — классический пример того, как рынок капитала, первоначально стимулировавший впечатляющее развитие этой страны после Второй мировой войны, со временем перешел в состояние склероза. В мире динамичных изменений такое может случиться не только с рынками капитала, но и с любыми другими.

Данная проблема носит сложный характер, поскольку успешная адаптация к изменению условий включает в себя изменение экономических институтов, что нередко невозможно без принятия государством новых правил. В той степени, в какой игроки (то есть руководители экономических организаций) видят необходимость в адаптации, они могут осуществить требуемые изменения самостоятельно. Нечто подобное мы наблюдаем в случае успешной адаптации американских компаний по производству автомобилей, стали и программного обеспечения к конкуренции со стороны японских фирм в 1980-х, что в 1990-х привело к удачным организационным инновациям в американских компаниях. Но когда изменения затрагивают государство и требуют принятия новых законов, то адаптация становится значительно менее вероятной. Государство превращается в поле сражения с теми, кто полагает, что изменение правил негативно скажется на них. В случае японского рынка капитала непосредственной причиной его склероза стала неспособность государства, точнее, министерства финансов провести его реструктуризацию. Но история изобилует примерами неспособности изменить правила перед лицом изменившихся условий. Так, Мэнкур Олсон в «Возвышении и упадке народов» [Олсон, 1998] исследует присущую рынкам тенденцию к око-

стенению в отсутствие «революционных институциональных изменений».

Неоклассические экономисты в целом пришли к признанию важности институтов и того, что фундамент в виде прав собственности и верховенства закона является необходимым условием успешного функционирования экономики. Это большой шаг вперед в их представлениях, который наряду с признанием значения макростабильности привел к повышению качества советов со стороны международных организаций и советников по экономике. Но таких советов явно недостаточно в нашем динамичном мире. Мы почти не видим признаков того, что эти советники и международные организации должным образом представляют себе необходимость непрерывных институциональных изменений, которые сопровождали бы изменение принципиальных характеристик каждого конкретного эффективного рынка. По-видимому, наибольшую чувствительность к необходимости непрерывной корректировки в соответствии с экономическими изменениями обнаруживает рынок капитала, причем история экономических кризисов дает нам множество свидетельств того, что те своим возникновением в первую очередь обязаны финансовым рынкам. Однако почти никто не занимался систематическим исследованием институциональных поправок, которые нужны для динамичных и эффективных рынков капитала¹⁷; не производилось подобных исследований и в отношении прочих рынков продукции и факторов производства.

Долговременная неспособность усовершенствовать отдельные рынки продукции и факторов производства может вести и действительно ведет к снижению общих темпов роста, а затем и к стагнации. Мы уже приводили в пример Японию; разрушение экспортно-

¹⁷ Можно указать на интересное исследование: [Stiglitz et al., 1998].

го рынка для сельскохозяйственной продукции Аргентины после 1940 года привело к сорока годам относительного упадка экономики этой страны. Было бы полезно отметить проблемы, связанные с сохранением долговременной эффективности рынков:

1. Изменения характеристик эффективности рынка требуют понимания источника (источников) этих изменений.
2. «Удачные» изменения, призванные повысить эффективность рынка, невозможны без верной теории общего процесса изменений.
3. Воплощение этой верной теории на практике осуществимо при условии, что ключевые игроки (то есть предприниматели, имеющие возможность изменять рыночную структуру) знакомы с этой теорией, а также способны и готовы ее выполнять.
4. В том случае, когда поправки включают в себя изменения, которые должны быть осуществлены государством, их воплощение связано с дополнительными трудностями. Последние обусловлены тем, что существующая институциональная структура порождает организации, заинтересованные в ее существовании, и они попытаются воспрепятствовать переменам.

4

Неоклассическая экономическая теория статична и вследствие этого резко сужает кругозор тех разработчиков политики, которые черпают из нее свое вдохновение. Итогом слишком часто становятся политические предписания, которые приводят к результатам, не соответствующим намерениям, поскольку политика, основанная на статичной теории, в динамичном окружении наверняка приведет к непредвиденным (и неприятным) последствиям. Читателю уже должно

быть ясно, что в данном исследовании не выдвигается никакой динамической теории изменений; не менее ясным, как я надеюсь, должно стать и то, что подобную теорию, от которой может быть какая-либо польза, вряд ли удастся создать. И если эволюционная теория игр может прояснить некоторые интересные элементы конкретных изменений, то какая-либо попытка обобщений все равно лишит их всякой ценности.

Однако обоснование малой вероятности такой общей теории должно подготовить нас к более ограниченному, но и более практичному подходу к изучению динамических изменений. Строительные блоки для такого подхода, прямо или косвенно фигурировавшие в предыдущих главах, сводятся к следующему:

1. Если забыть о переменах, которые могут быть вызваны изменениями в физическом окружении, то перемены в людском окружении в широком смысле отражают изменения институтов, рассматриваемых в заключительном разделе главы V. Их источником будут представления тех организационных предпринимателей (в политической, социальной и экономической сфере), чье положение позволяет им вносить изменения в институциональное окружение. С этим пока все ясно.
2. Но уже следующий шаг окажется более трудным. Подобные первоначальные изменения могут влиять на размер предполагаемых оппортунистических издержек соответствующих организаций, дополняющих или заменяющих эти институты. Мы должны обладать детальным пониманием сложной взаимозависимой институциональной матрицы, чтобы вскрыть эти связи. Кроме того, мы должны знать, какими будут новые оппортунистические издержки затрагиваемых организаций. Экономика и политэкономия не утруждают себя пониманием сложного взаимозависимого

характера рыночных структур и потому не осознают вторичные последствия первоначальных перемен. Если, например, изменение в законах, за которое выступает компания, подрывает жизнеспособность профсоюза, нам следует знать, какие ответные политические ходы может предпринять профсоюз с тем, чтобы предотвратить осуществление данного изменения или помешать ему. Для того чтобы предсказать последствия, необходимо понимание структуры государства.

3. Нам нужно более глубокое, по сравнению с имеющимся, знание институциональной структуры экономики с тем, чтобы разобраться в существующей институциональной матрице и тем самым осознать присущие ей взаимосвязи. Важным шагом на пути к углубленному пониманию этой матрицы может стать информационный сетевой анализ, осуществляемый социологами, хотя он и носит нетеоретический характер. Проведя такие исследования, мы получим возможность осознать, как изменяются оппортунистические издержки, присущие затрагиваемым организациям, и принимать эту информацию во внимание при выработке политики. Все это вряд ли можно назвать подходящим методом для работы с динамичными изменениями, но он позволит нам получить лучшее представление о вопросах, на которые придется давать ответ.

Х. ТРИУМФ ЗАПАДНОГО МИРА

Триумфальный подъем западного мира представлял собой восхождение относительно отсталой части мира к вершинам всемирной гегемонии, происходившее

с X по XVIII век¹⁸. Оно включало в себя экономические, политические и военные изменения, а также смену фокуса институциональных изменений — борьба с неопределенностью, связанной с физическим окружением, уступила место борьбе с неопределенностью, вызванной возрастанием сложности людского окружения. Развитие науки и ее систематическое применение не только для преодоления дефицита материальных благ, но и для обеспечения материального изобилия к XVIII веку находилось еще в зачаточном состоянии, однако к тому времени уже были заложены основы для революционных изменений следующих двух столетий. Данная глава посвящена этим основам, показательным в отношении общего процесса изменений в обществе. В других главах мы рассмотрим не менее важные вопросы: переход от личного к обезличенному обмену и обобщение разрозненных знаний, а также тех знаний, что связаны с построением эффективных рынков. Сейчас же основное внимание мы уделим сложному взаимодействию представлений, институтов и таких факторов, как география, военные технологии и изменяющиеся условия конкуренции, повлиявших на процесс перемен. В связи с этим наш рассказ вынужденно будет более подробным по сравнению с другими главами.

1

Поскольку история — это в первую очередь изучение того, как вчерашний выбор влияет на сегодняшние решения, любая отправная точка будет не только произвольной, но и разрушит принципиальную преемственность исторического процесса. Поэтому, начиная свой рассказ с Северо-Западной Европы X века, мы должны оглянуться через плечо и выявить причины, которые привели к тому состоянию, в котором она пребывала.

¹⁸ Эта глава основана на работе: [North, 1995b].

Римская империя исчезла в хаосе V века н. э.; более-менее произвольная историческая хронология датирует конец феодализма примерно тысячелетием позже, относя его к 1500 году. В промежутке между двумя этими датами Западная Европа постепенно оправлялась от анархии, последовавшей за крушением римского строя и вторжениями германских племен, выстраивая политическую и экономическую структуру, которая создавала сцену для последующего развития. Эта эволюция в первую очередь была обусловлена наследием греко-римской цивилизации, которое продолжало существовать (особенно в Южной Европе), видоизменяя и в конечном счете формируя многие институциональные структуры, возникшие с VI по X век. Поместье, по-видимому, являлось прямым продолжением римской виллы, а закабаленные колонны — предшественниками крепостных крестьян феодального мира. Рабство также сохранилось в Средние века. Продолжало использоваться римское право; там, где устанавливался порядок, оно служило основой для развития прав собственности.

Церковь донесла до Средневековья культурное наследие античного мира. Она оставалась единственным хранилищем знаний, а монастыри порой являлись центрами самого эффективного сельского хозяйства в средневековой Европе. Если Церковь была крупнейшим владельцем материальных богатств, продавая спасение в обмен на земли и сокровища, то она также порождала аскетизм, отшельничество и преданных миссионеров. И, что важнее всего, она создавала единую систему верований, задавая идеологические рамки, которые формировали представления средневекового мира. Эти общие рамки служили основой для непрерывной эволюции представлений, от которых зависел выбор, определявший будущее европейских государств и их экономики.

Географически Северо-Западная Европа резко контрастировала со Средиземноморьем, составлявшим

ядро греко-римской цивилизации. Для последнего были характерны несильные, как правило, сезонные дожди, легкие почвы и многочисленные сельскохозяйственные культуры, начиная от винограда и олив и заканчивая зерновыми; первой были свойственны обильные дожди, густые леса и тяжелые почвы, пригодные для скотоводства и, при соответствующем усовершенствовании конструкции плуга, для разведения зерновых. Эти климатические и географические черты определили аграрную структуру экономики Северо-Западной Европы.

Эти институциональные, интеллектуальные и географические условия, определявшие жизнь Северо-Западной Европы в X веке, следует рассматривать в контексте самого фундаментального из изначальных организационных условий — отсутствия общего экономического и политического порядка. За распадом Римской империи последовала растянувшаяся на пятьсот с лишним лет эпоха мелких политических образований. Преимущества, присущие крупномасштабной политико-экономической организации, в ту эпоху отсутствовали или проявлялись в крайне ослабленном виде. Римская империя сохранялась на востоке вплоть до взятия Константинополя турками в 1453 году; мусульманский мир, построенный на новой харизматической религии, породил империю, которая протянулась по Северной Африке, вторгаясь даже в Европу. Но ни эти исключения, ни недолговечная Каролингская империя не отвергают ключевого момента, заключающегося в исчезновении условий, которые сделали возможным существование единой империи, управлявшей средиземноморским миром.

Свой отпечаток на регион наложили нападения с трех направлений, осуществлявшиеся викингами, мадьярами и мусульманами. Викинги появились на английском побережье в 786 году, на ирландском — в 795 году, на побережье Галлии — в 799 году. Лондон был разграблен в 799 году; суда викингов, поднимаясь по судоход-

ным рекам, нападали на такие города, как Руан на севере и Тулуза на юге. Венгерские всадники захватили Бремен в 915 году, а в 937 году дошли на западе до Орлеана.

Ответным шагом стало возведение замков, появление тяжеловооруженных рыцарей и иерархическая, децентрализованная структура феодализма. Военные новшества не привели к выходу из тупика. Замок был неприступен для всех, кроме самых настойчивых — и самых обеспеченных — врагов, которые могли предпринять осаду, чтобы уморить защитников голодом; войны обычно сводились к мелким столкновениям между рыцарями в тяжелых доспехах. Викинги были отброшены от Парижа в 885 году, мадьяры потерпели поражение под Аугсбургом в 995 году. Результатом стало восстановление порядка на местах, расширение поместий, прираставших за счет диких земель, и рост городов. Именно в контексте этих первоначальных условий сложное взаимодействие политических, экономических и военных изменений создало уникальную ситуацию, которая привела к стабильному экономическому росту.

Экономическая деятельность происходила в пределах поместий (за некоторыми исключениями) и в городах. Типичная поместная организация сводилась к разделению земель на господские владения, крестьянские участки и общинные земли. Большинство крестьян было прикреплено к поместью в качестве крепостных, два-три дня в неделю отработывавших барщину и уплачивавших землевладельцу оброк. Они находились в подданстве у землевладельца, были вынуждены искать правосудия в его суде и подвергались ограничениям на передвижения и на экономические сделки [Preirte-Orton, 1960, 424–425]. Традиционная поместная организация почти не создавала стимулов к экономическому росту. Изолированность поместья препятствовала специализации и разделению труда и замедляла распространение новых технологий. Стимулы, связанные с традициями поместья,

не могли служить серьезным импульсом к быстрому овладению навыками и знаниями и к технологическим новшествам. Правда, уже были известны тяжелый колесный плуг с отвалом и предплужником, хомут и подкова, хотя лошади стали применяться вместо волов главным образом лишь после IX века, и то поначалу в ограниченных масштабах [Мокур, 1990, ch. 3]. Точно так же и переход от двухпольной к трехпольной системе севооборота происходил очень постепенно. Однако население увеличивалось по меньшей мере с X века, скорее всего, вследствие установления относительного порядка, положившего конец вторжениям викингов и мадьяр. Этот рост населения, так же как и его последующее сокращение, сыграл ключевую роль в изменении поместной организации.

Развивающиеся города становились центрами быстрых экономических и политических изменений в ответ на установление более прочного порядка на больших территориях. Взять многочисленные городские республики Северной и Центральной Италии или городские центры, возникавшие в X веке в Нидерландах, — все они служили источником динамичных изменений, создаваемых теми возможностями, которые несли с собой развитие торговли в Средиземноморье и в бассейнах Шельды и Мааса, а также связи между Южной Европой и побережьями Балтийского и Северного морей.

Вплоть до 1300 года торговлей занимались в основном странствующие купцы. Такие торговцы нередко объединялись в общества взаимной защиты, которые порой требовали от своих членов, чтобы те были должным образом вооружены при передвижении в караванах, — как мы видим, проблема мира и порядка не была решена до конца. Значение странствующих купцов и ярмарок стало снижаться после 1300 года [De Roover, 1965]. Рост торговли служил источником роста городов, которому еще больше способствовал переход купцов к оседлому образу жизни. Местоположение городов диктовалось географическими усло-

виями и высокой стоимостью сухопутных перевозок: города возникали в глубине залива (Брюгге), при пересечении дороги с рекой (Маастрихт), у слияния двух рек (Гент) или в перевалочном пункте (Брюссель).

2

Период с X по XVI век в Северо-Западной Европе был отмечен непрерывными войнами на всех уровнях — от местных баронских междоусобиц до относительно крупномасштабных сражений Столетней войны. Кроме того, это время стало эпохой радикальных демографических изменений: с X по XIV век наблюдался рост населения, а затем его сокращение, начавшееся в первые годы XIV века и, вероятно, продолжавшееся на протяжении полутора столетий, пока не сменилось обратной тенденцией.

Изменения в военной технологии повлекли за собой коренные перемены не только в военном деле, но и в размере жизнеспособных политических единиц [Bean, 1973]. Войны стали более дорогостоящим делом, что было вызвано как затратами на обучение дисциплинированных войск, так и значительным повышением расходов на наступательное и оборонительное снаряжение. Каков бы ни был итог — использование опытных, но ненадежных наемников или создание профессиональной регулярной армии, предпринятое французским королем Карлом VII, — политическим единицам для выживания требовались более значительные средства, нежели личные доходы суверена, получаемые из традиционных феодальных источников. Но если фискальные потребности суверена увеличились, то возросли и потенциальные экономические ресурсы для обеспечения дополнительного дохода. Поддержание порядка на больших территориях привело к резким демографическим изменениям, росту торговли, расширению рынков и массовому распространению денежной экономики.

В XIV веке наблюдается резкое сокращение численности городского населения в результате эпидемии бубонной и легочной чумы. Непосредственным следствием стало абсолютное снижение объемов торговли и коммерции, а соответственно, и доходов, которые могли облагать налогом или присваивать государи. Однако сокращение торговли не находилось в точной пропорции с уменьшением численности населения. Базовая институциональная структура правил и законов сохранилась, создав необходимые рамки, которые послужили основой для экономического роста, когда население вновь стало увеличиваться. Куда более значительным было влияние сокращения численности населения на аграрную систему. Изменилось соотношение числа людей и земли, результатом чего стал дефицит рабочих рук и усиление конкуренции между землевладельцами, что в конце концов изменило организацию поместья и сельского хозяйства.

Деньги, необходимые правителям, испытывавшим нехватку средств, можно было конфисковать, взять в долг (в частности, у флорентийских банкиров) или обменять у основных экономических группировок на услуги, оказываемые сувереном. Применялись все три эти метода. Конфискации были равносильны истреблению кур, несущих золотые яйца. Флорентийские (и прочие) банкиры в результате разорялись из-за отказов платить по долговым обязательствам, но это происходило не раньше, чем монархи получали от них средства на ведение дорогостоящих войн, а некоторые банкиры извлекли хорошую прибыль из монополий, дарованных короной, и прочих благодеяний со стороны правителей. Третий метод, обмен услуг — в первую очередь предоставления и охраны прав собственности — на доходы, привел к всевозможным структурным изменениям: от защиты иностранных купцов до включения торгового и гильдейского права в своды законов и его соблюдения государством, а также учреждения парламентов, Генеральных штатов и кортесов.

Все эти военные и экономико-демографические изменения имели колоссальные последствия в том, что касалось институциональных и организационных изменений. Экономические изменения в сельском хозяйстве представляли собой отход от самодостаточного поместья с его подневольным трудом (крепостные, рабы или лично свободные крестьяне) к рыночно-ориентированному хозяйству (в первую очередь распространённому вблизи городов) землевладельцев и крестьян, все в большей мере связанных друг с другом не традиционными правами и обязанностями, а эволюционирующей структурой прав собственности.

Рост городов, завязанных на развивающуюся внутреннюю и внешнюю торговлю, стал возможен благодаря ряду институциональных и организационных инноваций. Эволюция переводных векселей и развитие приемов обращаемости и дисконта требовали появления центров, в которых все это могло происходить, — Шампанской и прочих ярмарок, банков, а затем и финансовых домов, специализирующихся на дисконте. Страхование морских перевозок переросло из спорадических отдельных контрактов, предусматривающих частичное покрытие убытков, в стандартные контракты на готовых бланках, предлагаемые специализированными компаниями. Такое страхование представляло собой один из способов распределения рисков; другим была деловая организация, допускавшая либо диверсификацию портфеля, либо объединение нескольких инвесторов — коммэнду, управляемую компанию и, наконец, акционерную компанию [North, 1991].

Механизмы, обеспечивающие выполнение контрактов, своими корнями восходят, по-видимому, к внутренним кодексам поведения братств и орденов гильдийных купцов, соблюдавшимся под страхом ostracism. Эти кодексы эволюционировали в торговое право и распространились по всей зоне европейской

торговли; постепенно произошло их слияние с обычным и римским правом, а надзор за их соблюдением взяло на себя государство [Milgrom et al., 1990].

Ключевую роль здесь сыграл последний момент. Экономическая институциональная структура стала возможной вследствие эволюции государств, со временем породившей законодательные рамки и средства их проведения в жизнь. Подобные рамки являются необходимым условием для обезличенного обмена, без которого невозможен экономический рост. Эта эволюция представляла собой длительный процесс, в ходе которого (некоторые) государства постепенно переходили от вымогательства к предоставлению «защиты и правосудия» за деньги. Первоначальным импульсом для этого служил отчаянный поиск дополнительных доходов, но, как отмечалось выше, погоня за средствами могла принимать различные формы — конфискации и отказ от долговых обязательств, с одной стороны, или обмен доходов на права собственности и контроль за их соблюдением — с другой.

Различная политика правителей перед лицом фискальных кризисов приносила диаметрально противоположные результаты, но общей чертой было постепенное становление национального государства либо в условиях экономического роста, характерного для Нидерландов, либо в условиях стагнации, к которой привела испанская политика.

Чтобы выяснить причины нидерландского успеха, необходимо изучить эволюцию таких процветающих нидерландских городов, как Брюгге, Гент и Льеж, их внутренние конфликты и взаимоотношения с Бургундской и Габсбургской династиями. Процветание этих городов, основанное на торговле шерстяными тканями или металлами, очень рано привело к распространению в этом регионе городского образа жизни, ориентированного на торговлю, совершенно нетипичного для эпохи почти исключительно сельских сообществ. Внутренние конфликты, происходившие

в этих городах, были следствием трений между патрицианским и ремесленным слоями и регулярных попыток создать местные монополии, которые в случае успеха привели бы к оскудению самих источников производительности, ставших, в свою очередь, причиной экономического роста. Общим итогом установления бургундской власти явился отказ от ограничительных практик. В 1463 году Филипп Добрый учредил представительный орган — Генеральные штаты, — который принимал законы и имел полномочия на утверждение налогов, поступающих правителю. Генеральные штаты поощряли развитие торговли и коммерции. Сами бургундские (а затем и габсбургские) властители, несмотря на энергичную оппозицию, активно выступали против монопольных привилегий, принимавших форму торговых и цеховых ограничений в таких текстильных центрах, как Брюгге и Гент. Правители пользовались поддержкой новых промышленных центров, возникавших в ответ на благоприятные стимулы, заключавшиеся в правилах и правах собственности. Бургундская и Габсбургская династии были вознаграждены высоким уровнем процветания, приносившим такие налоговые поступления, которые сделали Нидерланды жемчужиной Габсбургской империи. Со временем все более грабительские налоги Филиппа II привели к восстанию, разграблению Антверпена, успешному отделению семи северных провинций и к возвышению Амстердама как коммерческого центра. Следует отметить, что именно в Нидерландах и в Амстердаме лежат корни современного экономического роста.

Резкий контраст с экономическими успехами Нидерландов мы наблюдаем в Испании. Фердинанд и Изабелла объединили Кастилию и Арагон, создав национальное государство после столетий борьбы с маврами и непрерывных усобиц между феодальными баронами. Со вступлением на испанский трон в 1516 году Карла V в Европе началась великая эпоха испанской гегемонии. Особенностью этой эпохи ста-

ло процветание, обеспеченное ростом налогов, собиравшихся с Арагона, Неаполя, Милана и в первую очередь — с Нидерландов. Вместе с повышением доходов росли и расходы, так как Карл V содержал крупнейшую и лучше всего оснащенную армию в Европе. Однако сохранение и расширение империи становилось все более затратным; и когда Нидерланды восстали против Филиппа II, сменившего Карла V, Испания не только лишилась крупного источника доходов, но и была ввергнута в дополнительные расходы на войну с семью провинциями. Фискальный кризис усугублялся со снижением потока благородных металлов из Нового Света. Отчаянный поиск источника доходов вел к широкой продаже монопольных прав, к конфискациям и к постоянному повышению уровня внутреннего налогообложения. Предсказуемым итогом стали упадок торговли и коммерции, а также многочисленные банкротства государства.

Такие модели экономического роста и упадка с соответствующими, но обычно мелкими вариациями в бесчисленном множестве повторялись в истории и продолжают повторяться в современном мире. Экономический рост происходит тогда, когда экономика создает институциональные стимулы для мероприятий, направленных на повышение производительности, что мы видим на примере Нидерландов. Упадок наступает при отсутствии стимулов к участию в производственной деятельности вследствие централизованного политического контроля за экономикой и монопольных привилегий. Число неудач намного превосходит число успехов. Экономический рост был исключением, а правилом — стагнация и упадок, отражавшие хроническую тенденцию к организационным провалам. И успехи, и неудачи отражают не только институционально-организационные характеристики общества, но и представления, идеи, идеологии — все то, чем руководствуются люди, действуя и совершая выбор.

В своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» Макс Вебер стремился показать, что религиозная этика, выраженная в протестантизме — и конкретно в кальвинизме, — содержала в себе ценности, способствовавшие развитию капитализма. Но что здесь было причиной, а что — следствием и вообще, как знать, возможно, и эти ценности, и рост капитализма имели какой-то иной источник? Вебер проводит взаимосвязь между религиозными представлениями и ценностями, а также между ценностями и экономическим поведением; однако он не показывает, каким образом соответствующее поведение приводило к развитию определенных институтов и организаций, порождением которых является развивающаяся экономическая система [Coleman, 1990, 6]. Более того, контрреформаторский католицизм мог в той же степени поощрять тот же самый индивидуализм и чувство дисциплины, которые Вебер приписывает исключительно протестантизму.

Было бы полезно рассмотреть взаимоотношения между поведенческими представлениями и эволюцией определенных институциональных и организационных структур, потому что такой подход дает нам объяснение этой эволюции. Многие исследователи издавна придерживались мнения о том, что индивидуалистические поведенческие представления благоприятствуют экономическому росту. В противоречивых «Истоках английского индивидуализма» Алана Макфарлейна происхождение английского индивидуализма относится к XIII веку или еще раньше. Автор рисует картину изменчивого, индивидуалистически ориентированного набора отношений к семье, к организации работы и к социальной структуре сельской общины. Эти отношения выражались в наборе формальных правил, связанных с наследованием собственности и юридическим статусом женщин.

Мы уже упоминали исследование Авнера Грайфа [Greif, 1989; 1994a], в котором генуэзские купцы сравниваются со средиземноморскими купцами XI–XII веков, воспринявшими культурные и социальные атрибуты исламского общества. Грайф выявляет систематические различия в их организационных структурах, возводя их к взаимно противоположным индивидуалистическим и коллективистским поведенческим представлениям. Купцы из исламского мира создавали сети групповой социальной коммуникации для осуществления коллективных действий, которые, будучи эффективными в относительно однородных этнических группах, не способствовали обезличенному обмену, обязанному своим появлением росту масштабов рынков и этническому разнообразию торгующих. Генуэзцы, напротив, развивали механизмы двустороннего принуждения, которые повлекли за собой создание формальных юридических и политических организаций для контроля за соблюдением соглашений и его обеспечения. Такой институционально-организационный путь вел к все более сложным формам торговли и обмена, делая их возможными. Грайф полагает, что здесь сказалось различие между системами представлений латинского и мусульманского миров, а затем проводит связь между такими структурами представлений на европейской сцене и развитием экономических институтов и организаций, описанным в предыдущем разделе настоящей главы.

Но если мы признаем наличие различных поведенческих представлений в разных обществах и то, что они приводят к различным формам институтов и организаций, то встает вопрос — каков источник этих представлений? В главе IV я предполагал, что они, возможно, были обусловлены фундаментальными ограничениями демографического и ресурсного характера, получившими воплощение в различных религиях, поскольку именно те являлись преобладающими организованными структурами представлений в предсо-

временном мире. Обширная литература, посвященная влиянию религиозной догматики на экономическую деятельность, однако, представляется мне неубедительной, поскольку почти в любой религии можно найти какой-либо конкретный аспект, препятствующий экономическому росту. Среди таких аспектов называют враждебность ислама к страхованию и враждебность христианства к ссудному проценту [Kuran, 1986].

На самом деле значение имеют не конкретные нормы, а процесс обучения, в ходе которого эволюционирует конкретная система представлений — в данном случае религия. Вкратце напомним, что процесс обучения есть функция способа, посредством которого данная система представлений фильтрует информацию, почерпнутую из опыта, и разнообразный опыт, полученный индивидами в разных сообществах и в разные эпохи. Так, можно сказать, что религиозные рамки средневекового христианства благоприятствовали приобретению знаний, которые вели к адаптации представлений, способствующей экономическому росту. С другой стороны, конкретный географический, экономический и институциональный контекст средневекового западного мира создавал уникальный опыт, отвечавший за последующую адаптацию представлений. Фактически же адаптация структуры представлений, создавшей условия для экономического роста и для распространения политических и гражданских свобод, обеспечивалась сочетанием обоих этих типов опыта. Структура представлений, воплощенная в христианской догматике, несмотря на некоторые вопиющие примеры противоположного характера, способна развиваться в направлении, благотворном для экономического роста. И Эрнст Бенц [Benz, 1966], и Линн Уайт [White, 1978] утверждают, что христианская вера постепенно пришла к идее о том, что природа должна служить человечеству и что, соответственно, мир можно и нужно контролировать в экономических целях. Подобные настроения послужили не-

обходимой предпосылкой для технического прогресса. Однако именно уникальные институциональные условия, сложившиеся в некоторых частях Европы в эпоху Средневековья и раннего Нового времени, обеспечили приобретение такого опыта, который сыграл роль катализатора при распространении подобных представлений. С этой точки зрения веберовская протестантская этика представляет собой одну из сторон этой адаптации, но является лишь «производным» по отношению к первопричинам.

5

Теперь мы готовы вплотную заняться загадкой уникальной эволюции Западной Европы. Мы еще многого не понимаем и должны ответить на большое количество вопросов. Более того, полная картина невозможна без тщательного учета издержек, связанных с экономическим ростом: кроме победителей, были и проигравшие (много проигравших), условия существования которых ухудшились в процессе описываемых изменений. Но в целом мы видим несомненное повышение материального благосостояния и безопасности людей и их собственности в отношении обширного диапазона гражданской, политической, религиозной и экономической деятельности.

Поставив в центр нашего исследования институционально-организационную структуру общества, мы можем изучить взаимодействие между экономической и политической организациями в контексте изменений, вызванных изменением представлений игроков или сил, внешних по отношению к ним. Направление исследований задается неудачами двух наиболее вероятных кандидатов — Китая и исламского мира. Централизованный политический контроль ограничивает возможности и альтернативы, к которым будут прибегать в контексте неопределенности относительно долговременных последствий политических и экономиче-

ских решений. Отсутствие крупномасштабного политического и экономического порядка создавало среду, благоприятствующую экономическому росту, а в конечном счете и личным свободам. В такой конкурентной децентрализованной среде были испробованы всевозможные альтернативы; одни из них сработали, что произошло в Нидерландах и Англии, другие обернулись неудачей, что мы видим в Испании и Португалии, а, скажем, во Франции наблюдалось нечто среднее. Однако главное для нас — разнообразие выбиравшихся вариантов и повышение (по сравнению с единообразной политикой) вероятности того, что один из них приведет к экономическому росту. Даже относительные неудачи некоторых западноевропейских стран сыграли существенную роль в развитии Европы.

Последний момент заслуживает особого внимания. Именно динамичные последствия конкуренции между фрагментированными политическими образованиями привели к возникновению особенно созидательной среды. Европа была политически фрагментирована, но она обладала общей структурой представлений, основанной на христианстве, а также информационными и транспортными связями, которые вели к тому, что научные, технологические и художественные достижения быстро распространялись по всей Европе. Рассматривать историю успеха Нидерландов и Англии без учета стимулов, которые они получали от других стран Европы (и в меньшей степени — от исламского мира и Китая), значит упускать принципиально важную часть объяснения. Итальянские города-государства, Португалия, германские государства — все они отставали от Нидерландов и Англии. Однако банковское дело, достижения искусства, новые приемы навигации, печатный станок — вот лишь некоторые примеры того очевидного вклада, который отстающие государства внесли в европейское развитие.

Возможно, знание результатов позволит нам вести более предметный разговор. Отсутствие крупномас-

штабного порядка в Европе в начале средневекового периода означало, что источник принятия решений находился в городах или в рамках поместно-феодальной иерархии. Это принятие решений обуславливалось культурным наследием, которое формировало первоначальные представления участников. Начнем с роли городов на европейском континенте.

Средневековая Западная Европа знала самые разные типы городов — от итальянского города-государства до городов-крепостей, построенных в ответ на угрозу внешней агрессии, и до местных административных центров. Но во всех случаях ключевым фактором городской эволюции была некоторая степень автономии от внешней власти. Относительная свобода европейских городов от такой власти с самого начала отличала их от городов в других частях света. С расширением экономических возможностей после установления относительного порядка и соответствующего снижения транзакционных издержек торговли положение городов позволило им воспользоваться этими возможностями — идет ли речь о средиземноморской торговле венецианцев и генуэзцев, или о торговле нидерландских городов шерстяными тканями и металлами в Северо-Западной Европе. Развитие торговли вело к росту численности новой заинтересованной группировки коммерсантов наряду с традиционными знатью, короной и духовенством. Города сумели расширить свои свободы даже вопреки сопротивлению знати и духовенства. Свобода въезда и выезда, свобода покупок и продаж имела существенное значение для экономического роста в качестве некоей гарантии прав собственности. Протестантская реформация, развивавшаяся в контексте репрессий, породила заинтересованность в еще одной свободе — в свободе совести, в свободе исповедовать любую веру по своему выбору. Таким образом, экономическая свобода, религиозная свобода и представительное правительство превратились во взаимосвязанные проблемы. Коммерческая экспансия XI–XIV веков привела не толь-

ко к увеличению числа городов, но и к развитию коммерческих сетей, связывавших торговлю в Средиземноморье и в Северо-Западной Европе. Организационные рамки ярмарок, цехов и торгового права способствовали использованию переводных векселей и создали потребность в институциональных рамках экономического и политического порядка. В свою очередь, порядок повлек за собой возникновение правил игры как внутригородских рамок и установление таких правил и средств их претворения в жизнь, которые позволяли вести обмен поверх политических границ.

Политико-экономический строй нидерландских городов был красноречиво описан Анри Пиренном [Pirenne, 1963]. Он повествует о создании в процветающих городах институциональной инфраструктуры в виде демократического строя, который постепенно был подорван цеховыми ограничениями и борьбой за власть между патрициями и низшими слоями граждан. Однако, по словам Пиренна, «средневековая городская демократия распространялась и не могла не распространяться только на привилегированных граждан. Они не знали и не могли знать идеала всеобщей свободы и равенства» [Ibid., 168]. С точки зрения Пиренна, эта демократия носила прагматичный характер и была лишена интеллектуальных претензий на демократичность и эгалитаризм, тем самым не походя на современные демократии. Допустим, это верно. Однако то, о чем говорит Пиренн, составляло неотъемлемую часть процесса фундаментальных изменений. Повсюду в истории процесс экономической экспансии сопровождается политическим переустройством и неизбежными внутренними конфликтами, причем мы видим не только внутренние конфликты в городах с их новыми заинтересованными группировками, но и внешние конфликты во взаимоотношениях городов с князьями и правителями. Еще раз повторим одну из основных тем этой главы: изменения совершались в первую очередь постепенно, надстраивая и модифицируя суще-

ствующий институциональный каркас и сдерживаясь преобладающей структурой представлений. Именно этот процесс постепенной институционально-организационной эволюции Пиренн описывает в своем рассказе о том, как возникали и взаимодействовали друг с другом различные политические и экономические организации. Мы видим здесь не неизбежный триумф демократии, а борьбу за контроль над государством. Та структура представлений, которая включает в себя современные демократические и эгалитарные настроения, несомненно, не входила в представления того времени — ни в городе, ни в сельской местности.

Англия шла по иному пути к экономическому росту и свободе, нежели тот, который наблюдался на континенте. Будучи островом, Англия была менее уязвима для завоеваний и не нуждалась в регулярной армии. Сложившаяся в Англии структура представлений, как подчеркивает Макфарлейн, также была иной. Нормандское завоевание, случившееся вопреки британской защищенности от пришельцев, привело к созданию более централизованной феодальной структуры, чем на континенте. Но, как свидетельствует Великая хартия вольностей, корона не могла покончить с традиционными свободами баронов, под диктовку которых были написаны статьи хартии, так же как и со свободами городов, иностранных купцов и вилланов. Политические институты Англии тоже отличались в нескольких важных отношениях от континентальных институтов. Самым важным из этих отличий было единство английского парламента. На всю страну существовал только один парламент. Здесь не было региональных парламентов как во Франции, Испании и Нидерландах. Не было здесь и разделения на города, духовенство и знать. Как указывает Мэйтленд, «примечательно, что уже с самых ранних времен горожане и *burgesses*¹⁹ си-

¹⁹ Гражданин самоуправляющегося города или депутат от такого города. — *Примеч. перев.*

дели рядом с рыцарями» [Maitland, 1963, 175]. И на континенте, и в Англии изменение положения крепостного и свободного работника в поместье не было обусловлено каким-либо изменением представлений об их подчиненном статусе. Скорее, постепенное увеличение срока аренды, сокращение обязательств и переход к копигольду (на западе страны) являлись следствием относительного дефицита рабочих рук, вызванного сокращением численности населения в XIV веке, появлением альтернативных возможностей, предоставлявшихся городами, и соответствующей конкуренции за работников.

Наряду с развитием рынков, городов и торговли, вызванным установлением относительного порядка и демографическими изменениями, большое значение имели фискальные проблемы властителей. Такие проблемы возникали в результате хронических усобиц между соперничающими политическими единицами, а также роста затрат на ведение войны и сыграли ключевую роль в последовавших политических и экономических изменениях. В 1200–1500-х годах многие политические единицы Западной Европы, пройдя через бесчисленные конфликты, союзы и войны, постепенно превратились в национальные государства, хотя фактором, сыгравшим решающую роль в вопросе об их выживании, являлся не столько размер политической единицы, сколько способность повысить налоговые поступления. Правитель зачастую получал налоги натурой, а иногда даже передвигался со своим двором по всей стране, потребляя товары и услуги в натуральном виде. С развитием денежной экономики вследствие экономической экспансии XI–XIV веков налоги подверглись монетизации, после чего в XIV–XV веках сократились из-за снижения земельной ренты, вызванного сокращением численности населения.

Год войны приводил к не менее чем четырехкратному повышению государственных затрат (а войны велись почти непрерывно). Сокращение доходов и повышение

фискальных расходов представляли для европейских властителей постоянно усугублявшуюся дилемму. Обычай и традиции ограничивали объем поборов с мелких феодалов, а тот король, который преступал общепринятые традиции, рисковал столкнуться с мятежом. Вассалы короля порой были ничуть не могущественнее его, а совместно — так и более могущественными. Более того, вассалы могли вступать (и иногда на самом деле вступали) в альянс с иностранными государями, чтобы свергнуть короля. Таким образом, повышенное налогообложение вассалов могло стоить монарху короны.

Если свобода действий была присуща разным государям в разной степени, то у них всегда оставалась возможность даровать привилегии — права собственности — в обмен на определенные финансовые обязательства. С выходом торговли и коммерции за пределы города и поместья купцы обнаружили, что наличие сильной власти, обладающей широкими полномочиями, может снизить расходы на защиту, выплачиваемые частным лицам, и поэтому были готовы платить государям за предоставление им защиты. Чтобы предотвратить снижение поступлений (вызванное бегством налогоплательщиков), правители даровали права на отчуждение земли или на наследство, тем самым обеспечивая более надежные и эффективные права собственности. Города получали торговые привилегии в обмен на ежегодные платежи; иностранные купцы получали юридические права и освобождались от цеховых ограничений в обмен на долю дохода. Цеха получали эксклюзивные монопольные права в обмен на уплату налогов короне.

Непрестанная конкуренция между зарождающимися национальными государствами одновременно и являлась глубинной причиной перемен, и ограничивала возможности, доступные правителям. Конкуренция вынуждала корону обменивать права и привилегии, включая принципиальное право создания «представительных» органов, как бы те ни назывались — парла-

мент, Генеральные штаты, кортесы, — на контроль над уровнем налогообложения и/или определенные привилегии в обмен на выплаты. Кроме того, конкуренция между государствами создавала альтернативы для налогоплательщиков — те могли перебраться или переправить свой капитал в другое государство, что тоже связывало правителю руки.

Однако дальше все происходило по-разному. Одни представительные органы сохранили и повысили свой статус, став основой для развития представительной власти; другие утратили свое значение и зачахли. Решающее значение имела относительная способность правителей и избирателей к торгу, которая зависела от трех моментов: от размера потенциальной выгоды, которую избиратели могли получить в том случае, если бы государство взяло на себя защиту прав собственности; от наличия замены данному правителю, то есть от способности соперников (как внешних, так и внутренних) занять место данного правителя и предоставить те же самые (или более существенные) услуги; и от структуры экономики, которая определяла выгоды и издержки государства при различных типах налогообложения.

Например, в Нидерландах продуктивные городские экономики получали существенную выгоду от политического строя и защиты прав собственности, обеспечивавшейся прежде бургундцами, а затем Карлом V. Структура экономики, выстроенной вокруг экспортной торговли, облегчала возможность облагать налогами торговлю, но не до такого уровня, который бы пагубно сказался на сравнительных преимуществах торговли. Но запросы Филиппа II привели жителей страны к убеждению, что для процветания их экономики требуется независимость. Сигнал к сопротивлению подали Генеральные штаты, принявшие в 1581 году Акт о клятвенном отречении и потребовавшие суверенитета для самих провинций. В конце концов семи северным провинциям удалось завоевать независимость. Сложившаяся в результате экономико-

политическая структура Амстердама и Нидерландов не только отличалась эффективной экономической организацией, но и несла в себе многие фундаментальные атрибуты политических и гражданских свобод. В рамках нового независимого государства — Соединенных Провинций — каждая провинция обладала суверенитетом, а Генеральные штаты работали по принципу единогласия, то есть решение принималось лишь в том случае, если за него голосовали делегаты от всех провинций. Несмотря на громоздкость этого процесса, такая политическая структура оказалась живучей. Нидерландское государство не только взяло на вооружение некоторые элементы политического представительства и правила демократического принятия решений, но и охраняло религиозную свободу (которая была не менее серьезным источником трений с испанской короной). Де-факто Соединенные Провинции проводили политику терпимости в сфере религии; эта политика поощряла иммиграцию диссидентов из различных регионов Европы, многие из которых внесли вклад в развитие голландской экономики.

В Англии, как и на континенте, традиционные феодальные поступления составляли все меньшую долю общих государственных доходов. Все большую долю доходов обеспечивала английская внешняя торговля, включая винные акцизы, налоги на шерстяную ткань и различные предметы потребления. Но именно экспортная торговля шерстью в XIII веке превратилась в становой хребет возросших доходов короны. Эйлин Пауэр [Power, 1941] следующим образом описывает обмен между тремя группами, участвовавшими в торговле шерстью: производителями шерсти, представленными в парламенте, купцами и короной. Согласившись на то, чтобы купцы получили монополию на экспорт шерсти и на устройство склада в Кале, парламент получил право устанавливать налоги, а корона получала деньги. Уильям Стаббс так резюмирует итоги этого обмена: «Признание права парламента

на издание законов, на расследование злоупотреблений и на участие в руководстве национальной политикой практически было куплено за деньги, уплаченные Эдуарду I и Эдуарду III» [Stubbs, 1896, vol. 3, 599].

Зенит могущества английской короны пришелся на правление Тюдоров, но те никогда не добивались единоличного контроля в сфере налогообложения, которым обладали французская и испанская короны. Конфискация монастырских земель и владений Генрихом VIII вызвала враждебность со стороны многих пэров и большинства духовенства, вследствие чего «Генрих нуждался в палате общин и лелеял ее с неослабной заботой» [Elton, 1953, 4]. Посеянное Тюдорами унаследовали Стюарты; история конфликта между короной и парламентом хорошо всем известна. Для нашего анализа важны два аспекта этого конфликта. Во-первых, это возникновение идеи об обычном праве как верховном законе страны (выступлениями в защиту этого взгляда прославился сэр Эдвард Кок) и, во-вторых, идея о связи между монополиями и посягательствами на свободу, выражающимися в выдаче короной монопольных привилегий. По словам Дэвида Сакса, «концепция свободы развивалась как антитезис теории о государственной власти, которая находила конкретное выражение в создании экономических монополий. Упор на недопустимости монополий способствовал упрочению интеллектуальной связи между защитой личных прав и общим благосостоянием» [Sacks, 1992, 86].

Напротив, испанская корона превратилась в абсолютистскую монархию. Национальное государство, возникшее при Фердинанде и Изабелле, включало в себя два совершенно разных региона — Арагон и Кастилию. Первый, состоявший из собственно Арагона, Валенсии и Каталонии, был отвоеван у арабов во второй половине XIII века и стал крупным коммерческим центром. Его кортесы представляли интересы купцов и играли заметную роль в государственных делах. Вообще, если бы Арагон определял историю Испании,

ее ждала бы совсем иная судьба. Кастилия, постоянно занятая войной с маврами и внутренними междоусобицами, не имела наследия в виде сильных купеческих группировок. Ее кортесы были сравнительно малоэффективными, а Изабелла сумела подчинить себе как неуправляемых баронов, так и церковную политику. В результате Кастилия превратилась в централизованную бюрократическую монархию, притом что именно этому королевству суждено было определять институциональную эволюцию Испании (а в конечном счете — и Латинской Америки).

Эпоха испанской гегемонии стала возможной благодаря доходам Габсбургской империи и богатствам Нового света, но со снижением поступлений из этих источников корона была вынуждена прибегать к чрезвычайным налогам и конфискациям (вкратце описанным в предыдущих абзацах), что имело катастрофические результаты. Экономические монополии и централизованный политический контроль шли рука об руку. Вступив на этот путь, Испания уже долго не могла с него сойти, на три столетия погрузившись в экономическую стагнацию и политическую нестабильность, которая закончилась лишь со смертью Франко во второй половине XX века. Более того, испанское наследие, перенесенное через океан в Латинскую Америку, привело к созданию там институтов и организаций, которые не смогли обеспечить ни стабильного экономического роста, ни прочных политических и гражданских свобод.

Различная эволюция Нидерландов и Англии, с одной стороны, и Испании и Франции, с другой стороны, может быть непосредственно объяснена неодинаковыми возможностями граждан и правителей к ведению торгового и тремя скрытыми источниками этих возможностей: теми выгодами, которые защита собственности приносит гражданам государства, наличием возможной замены для существующего правителя и экономической структурой, определяющей поступления от разных видов налогов. В свою очередь, мы можем проследить кон-

кретные географические, экономические и институциональные условия, которые привели к таким различиям. Возможности для торгового служили непосредственным, но не единственным источником перемен, и было бы неверно игнорировать вспомогательную роль, которую сыграла структура представлений и убеждений. Первоначально Западная Европа имела единую структуру представлений и убеждений, унаследованную от римского христианства. Но эта структура представлений и убеждений по-разному развивалась в разных частях Европы вследствие различного опыта, полученного ими. В Нидерландах и Англии этот опыт способствовал эволюции структуры представлений в том направлении, которое привело к современным представлениям о свободе. Напротив, испанский опыт не только порождал неприязнь к экономической деятельности, но и способствовал сохранению представлений, на которые опирался средневековый иерархический строй.

Эволюцию структуры представлений и убеждений в Англии лаконичнее всего демонстрирует Дж. Хекстер, сопоставляя английские средневековые свободы в 1500 году — «изменчивый набор конкретных привилегий для избранных, находившихся под защитой закона» — с принятой парламентом в 1628 году «Петицией о правах», предметом которой являлась «свобода на уровне ее основ». По словам Хекстера [Hexter, 1992, 1, 2], воплощение этой петиции стало «первым решительным шагом в сторону современной свободы, какой она известна в нашем мире». Доступ к средневековым свободам определялся иерархической структурой общества; они были недоступны для людей зависимых категорий — рабов, вилланов, крепостных и прочих. Напротив, «Петиция о правах» гарантировала всем англичанам набор прав, охраняемых законом — законом, который был принят парламентом. В изменении представлений о правах индивидов — от средневековых статусных представлений до развившегося в XVII веке представления об англичанах как людях, свободных

от рождения — отражалась эволюция структуры представлений с 1500 по 1628 год. Положительное сочетание структуры представлений и убеждений с конкретными условиями, существовавшими в Нидерландах и Англии, вело к институциональной эволюции экономики и государства. Это сочетание способствовало интеллектуальным изменениям, которые привели не только к протестантской реформации, но и к развитию системы представлений, задававшей поведение, способствующее как экономическому росту, так и эволюции свобод. Совершенно противоположные условия, сложившиеся в Испании и — в меньшей степени — во Франции, задавали такую эволюцию системы представлений, которая укрепляла существующую институциональную структуру и препятствовала как экономическому росту, так и развитию политических и гражданских свобод.

ХІ. ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Возвышение западного мира, по сути, представляло собой историю успеха, в которой последовательная эволюция представлений и убеждений, изменявшихся под влиянием опыта, постепенно привела к переменам, вызвавшим современный экономический рост. Это был метод проб и ошибок, в котором немалую роль сыграло везение. Но если мы захотим разобраться в процессе изменений, за которыми стоит сознательная воля игроков, то во всей истории не найти более удачного примера, чем взлет и падение Советского Союза²⁰. Мы увидим здесь:

²⁰ Не являясь специалистом по Советскому Союзу, я вынужден в значительной мере полагаться на чужие работы.

1. Механизм взаимоотношений между представлениями — тем, как они формируются, и тем, как опыт видоизменяет данную структуру представлений.
2. Роль структуры принятия политических решений при определении того, чьи именно представления воплощаются в жизнь.
3. «Институционализацию» представлений и убеждений через формальную структуру принятия правил.
4. Обратную связь с последствиями конкретной институциональной политики.
5. Те факторы, которые определяют эффективность этой обратной связи в смысле корректировки той политики, которая принесла непредвиденные или нежелательные последствия.

Мы не будем вдаваться в подробности сложной эволюции, которую проделал Советский Союз. Более скромная цель данной главы — показать, как возник Советский Союз и как он закончил свои дни. С его возникновением неразрывно связаны все сложности, присущие целенаправленному созданию абсолютно новой формы социетальной организации, и все проблемы подобного начинания. Конец Советского Союза иллюстрирует, как сложно осуществить фундаментальные изменения в обществе со всей присущей ему «негибкостью», заданной тем способом, каким создавалось это общество. Но в самую первую очередь наш рассказ поможет осознать колоссальный разрыв между намерениями и результатами и хрупкость социетального порядка во время фундаментальных экономических, политических и социальных изменений. Несмотря на грандиозные

Ни в коем случае не перекладывая на них ответственность за мое изложение событий, я бы хотел выразить благодарность Грегори Гроссману, Майклу Макфолу, Джону Литваку, Андрею Шлейферу и Питеру Бетке.

достижения — отражение нацистского вторжения, восхождение к статусу сверхдержавы, колоссальный технологический рывок и, наконец, самое впечатляющее — превращение едва образованного населения в народ, обладающий гигантским человеческим капиталом, — Советский Союз в конце концов просто развалился.

1

Среди марксистов сразу после революции была распространена идея о том, что инструменты политической экономии полезны только в капиталистической экономике, и поэтому все основные категории политической экономии, такие как товар, стоимость, цена, прибыль, заработная плата, необходимо выбросить на свалку и начать все заново. Рынки и деньги при новом строе должны исчезнуть. Последовательность событий от военного коммунизма через нэп к первому пятилетнему плану 1928 года отражает эволюцию взглядов Ленина, Сталина, Троцкого, Бухарина и других вождей. Первоначальная «теория» формировалась и корректировалась в процессе обучения, почерпнутого из пересмотра представлений в контексте изменяющегося внешнего окружения.

В чем заключалась первоначальная теория и как она модифицировалась под воздействием внешних событий? Эпоха военного коммунизма, несомненно, представляла собой систему прагматичных политических мер, направленных на борьбу с бесконечными кризисами. Почти все, включая землю, было национализировано, заработная плата выплачивалась не деньгами, а натурой, производственные решения принимались в физических единицах, а принудительное назначение на должности было призвано покончить с капиталистическим способом производства. Негативные стимулы по отношению к производительности труда рабочих и урожайности крестьянских хозяйств привели к закономерным результатам. Принятие решений находилось в руках большевистской элиты — «авангарда пролетариата», — посвящавшей свои

силы выработке политики, однако постоянно разрастающийся бюрократический аппарат требовал делегирования ему полномочий и вынудил партию создать сложную систему контроля над бюрократией²¹.

Маркс и Энгельс говорили о диалектическом переходе от феодализма к капитализму и социализму, из чего следовало, что социализм мог развиваться только после построения полноценного капитализма. «Однако Маркс и Энгельс сделали еще одно предсказание, относившееся конкретно к России начала 1880-х годов. По их мнению, в России вполне могла произойти революция, которая стала бы спусковым крючком для пролетарской революции на Западе, но им обоим следовало дополнять друг друга, чтобы русская революция могла развиваться в направлении социализма (основой для которого стала бы российская крестьянская община). Иными словами, сложившиеся в отсталой России уникальные условия сами по себе не привели бы к социалистической революции» [Lewin, 1995, 152].

С течением времени становилось ясно, что всемирная революция не предвидится и что России придется строить социализм в одиночку. Но при этом по-прежнему оставался открытым вопрос: в какой степени дорога к социализму должна проходить через капитализм? Был ли переход к нэпу сознательной стратегией или лишь прагматичным ответом на отчаянную потребность поднять производительность крестьянского хозяйства? «Но начиная со второй половины 1921 года [Бухарин] стал вначале рассматривать его как необходимое отступление, а затем, с 1922 года, как предпосылку к возобновлению наступления на силы капитализма. В этом отношении он следовал за Лениным, который уже с 1922 года объявлял, что отступление закончено и что подобно тому, как японцы не сумели

²¹ В этой короткой главе я не рассматриваю эволюцию политического контроля. См. обсуждение этой темы в: [Roder, 1993].

в 1905 году взять Порт-Артур прямым штурмом и захватили его после продолжительной осады, так и большевикам не удалось установить в Советском Союзе социализм лобовой атакой и они вынуждены были перейти к „осадной“ тактике нэпа» [Ferdinand, 1992].

В течение 1920-х годов предметом непрерывных дискуссий служил вопрос о балансе между инвестициями в сельское хозяйство и в развитие индустрии. Те, кто выступал за приоритетность сельского хозяйства, поначалу полагали, что непосредственным результатом инвестиций в него станет стремительное развитие отрасли, которое даст средства на вложения в тяжелую индустрию с ее более длительными сроками окупаемости. Напротив, Троцкий придерживался взглядов ведущего левого теоретика Е. Преображенского о приоритете тяжелой индустрии и необходимости уделить особое внимание расширению промышленных мощностей.

Инвестиции в индустрию к 1926 году выросли, но в стране наблюдалась хроническая нехватка промышленных товаров и непрерывное падение сельскохозяйственной производительности; хлебный кризис 1927–1928 годов ускорил переход к новой политике по отношению к крестьянству. Так, жесткий контроль за ценами на сельхозпродукцию (особенно зерно) привел к падению рыночных поставок, что, в свою очередь, усилило стремление к всеобщей коллективизации частных крестьянских хозяйств. «Незапланированный характер всего процесса вынуждал государство во все больших масштабах прибегать к „планированию“, под которым понималась всего-навсего потребность в расширении масштабов административного контроля и переход всей национальной экономики под управление госаппарата. Чем больше возникало в результате узких мест и кризисов, тем сильнее была нужда в затыкании этих дыр путем использования все новых и новых рычагов. Иными словами, так выглядел стремительный процесс возникновения полностью национализированной «командной

экономики», внутренние механизмы которой подталкивали страну к крайне централизованной структуре власти в виде пирамиды» [Lewin, 1995, 101–102].

Эта история первых лет советской власти не должна нас удивлять в свете принципиальных положений нашего исследования. Первоначальная система представлений под влиянием непрерывных кризисов — революции, гражданской войны и голода — была вынуждена как-то реагировать на каждый новый кризис, при этом отражая крайне несовершенное и примитивное понимание игроками фундаментальной структуры существующей экономики и их еще более примитивные идеи о структуре стимулов, необходимой для осуществления их целей. Все к тому же осложнялось длительной борьбой за власть, которая завершилась победой Сталина, навязавшего стране первый пятилетний план с его коллективизацией сельского хозяйства и инвестициями в тяжелую индустрию. Выполнение этого плана сопровождалось созданием гигантского госаппарата, призванного осуществлять планирование всех важнейших функций общества.

Скрытым основанием, на котором строился этот план индустриального развития, служила глубокая и живучая вера в инженеров как в ключевых фигур в процессе планирования: это представление поддерживалось технократическим движением 1920-х годов, с которым были знакомы ведущие большевики (ср. знаменитый лозунг Ленина «Коммунизм = советская власть + электрификация всей страны») ²².

2

Советский режим после его консолидации Сталиным стал одним из сильнейших режимов XX века.

²² Выражаю благодарность Грегори Гроссману за то, что он обратил мое внимание на технократическую составляющую, а также за множество других полезных советов.

При Сталине советское государство объявило своей основной задачей построение социализма (в одной стране), после чего приступило к ее выполнению, используя принуждение, насилие и массовые убийства. Сталинский СССР представлял собой прагматичное тоталитарное государство... В августе 1991 года этого государства уже не существовало. По-прежнему тоталитарное по структуре советское государство в брежневские годы атрофировалось и значительно ослабло. Горбачевские реформы еще сильнее ослабили способность государства к определению и воплощению политических целей. При Горбачеве главный административный агент советской системы, Коммунистическая Партия Советского Союза (КПСС), утратила свою «руководящую роль», а новых институтов, которые заполнили бы вакуум, так и не возникло [McFaul, 1995, 224].

Сможем ли мы воспроизвести подробности этого поразительного упадка, пришедшегося на 1985–1991 годы?

Начать имеет смысл с проницательного замечания Джорджа Кеннана, сделанного в 1947 году: «Если... случится что-либо, что разрушит единство и эффективность Партии как политического инструмента, то Советская Россия может за одну ночь превратиться из одной из сильнейших в одну из самых слабых и жалких стран»²³. Фактически именно такое событие — разрушение партии как политического инструмента — выглядит непосредственной причиной краха. Но прежде следует немного вернуться в прошлое и обрисовать исторический фон, на котором в 1985–1991 годах произошел развал СССР.

За последние два года жизни Сталина в стране произошло относительно немного организационных изменений. Крупным переменам пришлось ждать до смерти великого диктатора. 5 марта 1953 года сталинские подручные оказались его преемниками, по-

²³ Цит. по: [Grossman, 1998, 24].

лучив в наследство огромную страну, вторую военную и индустриальную державу мира, однако неравномерно развитую и отягощенную многими слабостями. Несмотря на колоссальные научные достижения страны, жилищная ситуация оставалась ужасающей, потребительские товары — низкокачественными, деревни — отсталыми. Даже в рамках отдельного сектора, например зерновой отрасли, большие современные комбайны применялись наряду с абсолютно немеханизированными ручными операциями в процессах очистки, просушивания, погрузки. Как следовало поступать с чрезмерной централизацией, отсутствием приемлемых (или общепринятых) инвестиционных критериев, ценами на сельхозпродукцию, недоразвитой торговой сетью, нарушениями поставок сырья? Можно ли было потерпеть то, что страна, способная сделать атомную бомбу, не могла обеспечить своих граждан яйцами? Как в условиях террора можно было поощрять необходимый инициативу [Nove, 1969, 314]?

После смерти Сталина главной проблемой советской экономики стала необходимость реформ. Крупные реформы — те, которые бы существенно уменьшили роль централизованного планирования и иерархического *управления*, выдачи производственных заданий, контроля за ценами и заработной платой и, соответственно, увеличили бы роль рынков, децентрализованного принятия решений и функциональной негосударственной собственности, — так и не были осуществлены. Предпринимались — и то лишь после длительных закрытых или даже открытых дискуссий — только попытки мелких реформ, вызванные растущим пониманием серьезных проблем всеобъемлющего характера. Эти реформы сохраняли в неприкосновенности существующий набор институтов и были призваны лишь повысить их эффективность²⁴.

²⁴ В этом абзаце обобщены замечания из полученного мной письма (без даты) от Грегори Гроссмана, в котором излагались попытки проведения постсталинских реформ.

В годы правления Брежнева стало ясно, что темпы экономического роста снижаются, но все попытки реформ оказались бесплодными в условиях существования укоренившейся и могущественной бюрократии, сформировавшейся как составная часть монолитного советского государства. Грегори Гроссман, перечислив ряд непосредственных причин упадка, говорит следующее: «Последовательность непродуманных, частичных, неоднократно проваливавшихся экономических реформ подорвала уверенность в будущем традиционной системы, ускорив ее падение после того, как она пошатнулась» [Grossman, 1998, 26]. К таким часто называемым причинам, как незаконное обогащение частных лиц, повсеместная коррупция, стремительный рост жестокой организованной преступности и переориентация бюрократической лояльности, он прибавляет и особо подчеркивает быстрое становление теневой экономики.

Горбачев, придя к власти, пытался оживить экономику путем либерализации экономических и политических институтов. «Лишь после трехлетних попыток провести экономические реформы силами существующих политических институтов Горбачев пришел к выводу, что не может полагаться на имеющуюся систему партийных и государственных институтов для осуществления задуманных реформ. Он решил, что сможет продолжить перестройку, лишь реорганизовав институты власти таким образом, чтобы и подорвать позиции своих противников, опиравшихся на существующую институциональную структуру, и усилить сторонников реформирования общества» [McFaul, 1999]. Результатом стал быстрый распад существующей системы контроля.

Перестройка никогда не была четко продуманной программой реформ. На пленуме ЦК КПСС в июне 1987 года был принят набор реформ, увеличивавших полномочия директоров в сфере цен, размеров заработной платы и производственных заданий. На следующий год закон о кооперативах легализовал частную экономическую деятельность. Обе реформы

стимулировали директоров к тому, чтобы укрывать продукцию, присваивать ресурсы ради их личного использования и занижать прибыли [McFaul, 2001, 42].

Директора, в качестве осведомленных агентов различных принципалов, де-факто начали получать права собственности на свои предприятия. Прежде они присвоили права потребления. Поскольку принципал не мог уследить за всем производством на уровне предприятия, директора имели возможность лично потреблять и эксплуатировать ресурсы, а также контролировать потребление со стороны других работников предприятия.

Во-вторых, директора получали прибыль. Скрывая доходы или избыточную продукцию, они обогащались за счет принципала. Обширный черный рынок искушал заманчивыми возможностями при отсутствии каких-либо сдерживающих рыночных факторов. Более того, ряд предпринятых при Горбачеве реформ позволил мелким предприятиям и кооперативам еще больше увеличить возможности директоров по извлечению прибыли из государственных активов. В соответствии с новыми законами, предприимчивые директора создавали паразитные кооперативы, коллективные и совместные предприятия, заключали договоры об аренде и прибегали к прочим способам нажиться на активах крупных государственных предприятий. Все прибыльные сделки с внешними подрядчиками, особенно зарубежными, проводились через эти малые предприятия, позволяя выводить средства за рубеж и не оставлять государственному предприятию никакой или почти никакой прибыли. Таким образом директора извлекали из собственности прибыль, не неся никакого риска и ответственности, связанных с полным владением собственностью. Директора советских предприятий так и не приобрели третьего права — права передачи собственности в другие руки или права отчуждения. Впрочем, в социалистической экономике такое право имел лишь принципал (государство). Иными словами, система предусматривала лишь одного юридического владельца, делая передачу собст-

венности внутри Советского Союза бессмысленной [McFaul, 1995, 222–223].

Помимо этого, перестройка расшатала политическую структуру, обеспечивавшую стабильность в советской политической системе. Эта структура была основана на неформальных институтах, которые «уведомляли партийных вождей и руководителей экономики на всех уровнях об их обязанностях и привилегиях в качестве правящего класса СССР» [McFaul, 2001, 43]. Этим привилегиям и обязанностям угрожали экономические изменения, наделявшие директоров предприятий большей автономией и тем самым подрывавшие власть партийной бюрократии. Сопrotивление в рядах партии подвигло Горбачева на то, чтобы избавиться от многих партийных вождей как врагов реформ и изменить ряд правил, касающихся внутрипартийной политики [Ibid., 45]. С целью подорвать позиции партийных вождей проводилась политика гласности, направленная на расширение свободы самовыражения. Сокращение цензурных требований и ослабление законов, ограничивавших свободу слова, возвращение Андрея Сахарова из ссылки, состязательный принцип выдвижения кандидатов на XIX партийную конференцию (1988) — все это выбивало почву из-под ног у партийной бюрократии.

Политика гласности принесла свои плоды. Выборы 1989 года привели к бурному росту политической активности, многочисленным критическим выступлениям в СМИ и к созданию всевозможных политических движений.

Первоначально силы, действовавшие снизу, являлись союзниками Горбачева по борьбе с консервативной партийной бюрократией среднего звена. Однако вскоре требования низов в отношении направления, степени и темпа изменений вышли далеко за рамки горбачевской программы реформ. Начиная с Межрегиональной группы на Съезде народных

депутатов СССР, политические акторы, выступавшие за подлинно революционные изменения, стали организовываться против традиционных правящих институтов советского режима. Эта новая политическая сила, возглавляемая Борисом Ельциным, очень быстро приступила к «организации контргемонии»: коллективным выступлениям за альтернативное будущее. Некоторые антисистемные лозунги, поначалу расплывчатые, со временем кристаллизовались, вследствие чего их носители оказались в полной оппозиции к горбачевскому старому режиму [McFaul, 1999, 114].

В главе VIII мы видели, насколько тонка грань между порядком и беспорядком в обществах; история Советского Союза свидетельствует, насколько хрупок порядок, когда подорвана политическая структура, на которой он основан. Стивен Солник так вкратце обобщает этот процесс:

Когда должностные лица, стоящие во главе организаций, оказываются не в состоянии контролировать деятельность своих подчиненных, они тем самым заставляют усомниться в том, что под их контролем еще находятся какие-то ресурсы. Эти сомнения способствуют эрозии власти в рамках организационной структуры, поскольку даже лояльные чиновники на местах начинают задумываться над тем, не останутся ли они при своей покорности совершенно не у дел, если рухнет центр. Злополучные попытки восстановить власть центра — наподобие тех, что предпринимались на Балканах, — лишь усугубляют кризис, давая очередное доказательство слабости центра.

В конечном счете именно при таком раскладе, когда эффективность политических реформ зависела от четкого институционального ответа, местные чиновники в массовом порядке побежали с корабля, и столпы советской системы рухнули. Фактически советские институты погубил организационный эквивалент грандиозного панического изъятия бан-

ковских вкладов, когда местные чиновники поспешили завладеть своими активами, пока бюрократические двери не захлопнулись у них перед носом. Как и в случае панического изъятия вкладов, утрата доверия к институтам делает их кончину самоисполняющимся пророчеством. Но в отличие от панического изъятия вкладов, чиновники-ренегаты были не вкладчиками, требующими возврата своих законных средств, а государственными служащими, присваивающими активы государства.

С этой точки зрения образ «распадающегося» государства следует считать откровенно неполным. Советские институты не просто атрофировались или разваливались; их активно растаскивали на куски чиновники всех уровней, стремившиеся завладеть активами, которые в любом случае были обречены. В том случае, когда организационные активыгодились лишь для их конкретного использования государством — как, например, в случае конструкторских бюро, — иерархические структуры оказались более устойчивыми. Там же, где организационные активы состояли в основном из наличности и зданий, крах иерархии был практически тотальным. Но и в том, и в другом случае распаду государства содействовали его же собственные представители. С самого начала этого процесса они не просто воровали у государства ресурсы — они разворовывали государство как таковое [Solnick, 1998, 7].

В то время как конкретные подробности распада Советского Союза являются темой обширнейшей литературы и многочисленных дискуссий, общее объяснение оказывается не слишком сложным с точки зрения институционального анализа, представляющего собой суть нашего исследования. Адаптивная эффективность связана с наличием институциональной структуры, которая перед лицом хронической неопределенности, присущей неэргодичному миру, гибко использует всевозможные варианты решения новых проблем, постоянно возникающих с течением времени. В свою очередь,

эта институциональная структура связана с такой системой представлений, которой свойственно разрешать и поощрять эксперименты и в то же время отказываться от неудачных решений. Советский Союз представлял собой полную противоположность такому подходу.

ХII. ПОВЫШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Из предыдущих глав читателю должно быть ясно, какие проблемы связаны с поддержанием стабильного экономического роста. Экономическая история последнего полувека испещрена примерами неудачного развития — начиная от стран Африки южнее Сахары и заканчивая бывшими республиками Советского Союза. Однако в целом мировая экономика добилась значительного роста. Обзор мировых экономик в начале XXI века даст нам картину беспрецедентного процветания по сравнению с экономическими условиями в прошлом. Тем не менее миллиарду с лишним людей на всей Земле по-прежнему приходится жить меньше, чем на один доллар в день, а двум с половиной миллиардам — меньше, чем на два доллара в день; для большей части Латинской Америки по-прежнему характерно развитие рывками; Япония увязла в стагнации; Индонезия находится в опасной ситуации, угрожающей развалом государства. На первый взгляд, все это кажется загадочным. Мы не только знаем условия, которые приводят к успешному экономическому росту (эти условия нам демонстрируют новые растущие экономики); нам известно даже, какие институты необходимы в качестве основы для успешного экономического роста. Более того, объемы «полезных» знаний, от которых в конечном счете зависит потенциал

экономического роста, продолжают возрастать в неослабном темпе.

В предыдущих главах мы пытались четко выявить эту проблему. Если экономический рост представляет собой просто функцию роста объемов знаний и технологий, то будущее благосостояние человеческой расы представляется обеспеченным. Но если мы примем во внимание сложные и до сих пор не слишком понятные взаимоотношения между сознанием и развитием культуры, то такая уверенность нас покинет. То, каким образом развиваются представления и убеждения → институты → организации → государства, с вытекающими из этого процесса результатами, может вести как к беспрецедентному экономическому процветанию, так и к бесконечным катастрофам и несчастьям. Нам еще предстоит значительный путь прежде, чем мы получим полное понимание процесса экономического роста, но нам уже многое известно. В предыдущих главах мы рассмотрели три ключевые дилеммы процесса экономических *изменений* — переход от личного к обезличенному обмену, сложная взаимозависимая институциональная структура, характерная для современной человеческой среды, и неэргодичность мира. Было бы полезно четко обозначить источники этих дилемм с тем, чтобы лучше понимать, как с ними справляться. Мы начнем с представлений и соответствующей институциональной структуры, а затем исследуем проблемы, связанные с разрозненностью знаний. После этого мы сможем давать конкретные рекомендации по повышению экономической эффективности.

1

Даже самый беглый обзор существующих в мире представлений и убеждений не внушает оптимизма в отношении их соответствия с неявным предположением об их рациональном характере. Религиозный фундаментализм, межэтническая ненависть, расистские

стереотипы, суеверия — все это с утомительным постоянством влияет на выбор, совершаемый людьми. В коузианском мире игроки всегда выбирают политику, максимизирующую совокупное благосостояние с компенсацией за любые потери. Но реальные транзакционные издержки нередко оказываются непомерно велики, что связано с теми или иными укоренившимися представлениями и предрассудками. Прошло больше двухсот лет с тех пор, как Адам Смит вскрыл глубинные причины богатства народов, но его взгляды вряд ли учитываются теми, кто принимает решения, от которых зависят политико-экономические изменения.

К настоящему моменту мы должны уже достаточно хорошо разбираться в институтах, чтобы указать на причины низкой экономической эффективности. Их источником является зависимость от пути развития. Находящаяся в нашем распоряжении структура артефактов — институтов, представлений, орудий, приемов, внешних систем хранения символов — унаследована нами от прошлого. В широком смысле она вообще представляет собой наше культурное наследие, и мы сильно рискуем, игнорируя ее при принятии решений, рискуем провалом своих попыток повысить экономическую эффективность. Вопрос о том, в какой степени это культурное наследие «поддается» целенаправленной модификации, до сих пор остается малоизученным. Так или иначе, оно при любых условиях резко ограничивает наши возможности по осуществлению изменений. Попробуем перечислить вытекающие из этого проблемы:

1. Институциональная структура, унаследованная от прошлого, может отражать набор представлений, препятствующий изменениям, либо из-за того, что предлагаемые изменения противостоят системе представлений, либо из-за того, что предлагаемая реформа институтов угрожает по-

зициям вождей и руководителей существующих организаций. В том случае, когда в принципе соперничающие представления сосуществуют бок о бок, проблема создания жизнеспособного набора институциональных соглашений только усугубляется; установление консенсусных политических правил в таких условиях может оказать самый кратчайшим путем к катастрофе.

2. Структура артефактов, определяющая эффективность экономики, включает в себя взаимозависимые институты; изменение только одного института в попытке добиться желаемой эффективности в любом случае окажется тщетным, а то и контрпродуктивным поступком.
3. Эффективность институтов определяется сочетанием формальных и неформальных институтов и их возможностями к принуждению; и если формальные институты поддаются целенаправленным изменениям, то неформальные институты неспособны в короткий срок измениться по чьей-либо воле, а возможности к принуждению лишь в очень малой степени зависят от сознательного контроля.

Если бы мы получали точные и своевременные отзывы на последствия нашей институциональной политики, то имели бы возможность правильно понимать, привели ли наши действия к желаемой цели. Однако этой системе присуще столько «шума», что, даже стремясь разобраться в результатах, мы порой не в состоянии получить ясные сигналы, а проблемы отношений принципала и агента в иерархической информационной цепочке, создающих обратную связь, порой препятствуют вынесению верной оценки. Повышение экономической эффективности требует времени, намного превышающего временной горизонт того политика, который должен одобрить изменения. В краткосрочном плане реформа может вызвать потребность в кор-

ректировках, которые ухудшат положение некоторых игроков. А если те имеют доступ к политическому процессу, то они вполне могут пустить реформу под откос.

2

Идеальную политическую модель — как в авторитарном, так и в консенсусном вариантах, вкратце обрисованных в предыдущих главах, — описать легко. В число четырех «идеальных» компонентов входят следующие:

1. Институциональная матрица, создающая набор организаций и устанавливающая набор прав и привилегий.
2. Стабильная структура отношений обмена на политическом и экономическом рынках.
3. Набор базовых институтов, задающий достоверные обязательства государства по соблюдению набора политических правил и охране прав, защищающих организации и взаимоотношения обмена.
4. Подчинение как результат определенного сочетания интернализации норм с мерами принуждения.

Идеальная экономическая модель включает в себя набор экономических институтов, которые создают для индивидов и организаций стимулы к участию в производственной деятельности. Но такая расплывчатая формулировка уводит нас не слишком далеко.

Необходимым является создание набора прав собственности, который приводит к установлению эффективной системы цен. Но опять же вся суть скрывается в деталях. Если транзакционные издержки определяются как расходы на измерение того, что было обменено, и на контроль за выполнением соглашений, то мы должны создать систему прав собственности, которая бы обеспечивала низкие транзакционные

издержки при производстве и обмене товаров и услуг. Поскольку каждый рынок факторов производства и продукции обладает различными физическими, техническими, информационными и политическими характеристиками, то создание общих условий ценовой системы должно дополняться структурированием каждого рынка необходимыми институциональными рамками с целью достижения «эффективных» результатов.

Более того, поскольку вышеперечисленные характеристики меняются с течением времени, эти структуры также подлежат периодической модификации. Необходимо гораздо более углубленное исследование источников транзакционных издержек в экономике. Транзакционные издержки могут быть связаны:

1. С измерением всевозможных значимых характеристик товара или услуги.
2. С защитой индивидуальных прав собственности.
3. С обобщением знаний, рассеянных в обществе.
4. С надзором за соблюдением соглашений.

Рассмотрим каждый из этих пунктов по очереди.

1. Товары и услуги обычно обладают всевозможными свойствами, имеющими ценность для индивида. В той степени, в какой эти отдельные свойства поддаются измерению, мы можем более точно определить права собственности и тем самым повысить пользу товара или услуги для индивида и снизить издержки обмена.
2. Выработка эффективных мер принуждения со стороны третьей партии со всем, что они влекут за собой в смысле институтов и организаций, всегда сопровождается выделением со стороны индивида каких-либо ресурсов для защиты своей собственности.
3. Чем выше специализация и разделение труда в обществе, тем более разрознены знания, на-

копленные обществом, и тем больше ресурсов необходимо выделить на обобщение этого разрозненного знания.

4. Меры по исполнению соглашений включают в себя затраты на контроль за их исполнением и на количественную оценку обмена с целью проверки соблюдения условий обмена и создания эффективной системы наказаний за нарушения.

Повышение экономической эффективности означает снижение производственных и транзакционных издержек; ключом к достижению этой цели служит соответствующее изменение институтов. Методы, позволяющие сделать это, включают в себя:

1. Создание единой системы мер и весов, технологические исследования, нацеленные на поиск более надежных методов измерения, и дальнейшее уточнение прав собственности.
2. Создание эффективной судебной системы с целью снижения издержек на принуждение к выполнению контрактов.
3. Создание институтов, обобщающих накопленные обществом разрозненные знания, а также отслеживающих выполнение соглашений, осуществляющих измерение соответствующих количественных характеристик и улаживающих конфликты.

Следует подчеркнуть, что возникшие в западном мире институты, такие как права собственности и судебная система, не обязательно тупо копировать в развивающихся странах. Главное — создание системы стимулов, а не рабское подражание западным институтам. Например, китайцы, начав с системы семейной ответственности, создали структуру стимулов, которая позволила осуществить стремительное экономическое

развитие, не опираясь ни на какие стандартные рецепты Запада. Однако теперь китайцам следует внедрить систему стимулов и в политико-экономическую структуру, если они желают сохранить свои темпы развития, а это, вероятно, потребует создания институтов, которые бы значительно ближе подошли к адаптивной эффективности западных обществ.

3

Низкоэффективные экономики обладают такой институциональной матрицей, которая не создает стимулов для принятия мер по повышению производительности. Объяснение здесь двоякое. Во-первых, их существующая институциональная структура породила организации, кровно заинтересованные в уже имеющейся структуре. Во-вторых, наличие разрозненных знаний требует сложного сочетания институтов и организаций для создания эффективных рынков продукции и факторов производства, а мы не вполне представляем себе, какое именно сочетание даст необходимый результат. Самый распространенный источник проблемы первого рода — наличие «клиентелизма», представляющего собой итог попыток распространения принципов личного обмена на более крупные экономические и политические рынки. Если на экономических рынках это может привести (и действительно приводит) к их существенному расширению, то на политических рынках результатом обычно является создание низкоэффективных демократий, для которых характерны монополии, коррупция, целевые расходы и вообще низкая экономическая и политическая эффективность²⁵.

Печальная история современной Африки южнее Сахары — яркое свидетельство недостатка наших зна-

²⁵ Обсуждение воздействия клиентелизма на демократию см.: [Keefer, 2002].

ний о политике экономического развития. Политическая история Латинской Америки лишь немногим более жизнерадостна. А судьба России в последние десять лет XX века служит убедительным уроком о том, как слабо мы разбираемся в вопросах создания эффективного государства. Одно дело — преодолеть сопротивление укоренившихся интересов, поддерживающих данный статус-кво, и совсем другое — сложные взаимоотношения между формальными правилами и неформальными ограничениями.

Всемирное радикальное снижение информационных издержек вкупе с очевидным материальным успехом стран с высокими доходами создают важный стимул для перемен. Окна возможности изменять формальные правила возникают тогда, когда организации, поддерживающие статус-кво, ослаблены своей низкой эффективностью, коррумпированностью или резким сокращением информации о более высокой эффективности в других местах. Более того, формальные правила, определяющие четыре компонента идеальной политической модели, могут выполняться по крайней мере внешним образом. Но для того, чтобы такие правила стали эффективными, нам нужны дополнительные неформальные ограничения и меры принуждения. Существует масса аргументов и противоречивых свидетельств относительно того, сколько времени требуется для возникновения таких неформальных норм. Несомненно, успешная долговременная эффективность развитых экономик была бы невозможна без глубоко укоренившихся неформальных норм, которые ограничивают степень свободы политических игроков. Что же касается системы принуждения, то для нее требуется как создание необходимых институтов и организаций, так и дополнительные неформальные ограничения. Авторитарный правитель, решивший принять меры по стимулированию экономического роста, в краткосрочной перспективе обладает существенными преимуществами. По сути, он может воплотить в жизнь перечислен-

ные выше четыре условия эффективного государства. Но в долговременном плане не обойтись без консенсусного государства, поскольку приверженность правителя к условиям, обеспечивающим высокую экономическую эффективность, в конечном счете будет подорвана кризисами или исчезнет вместе с его смертью.

Для создания стабильного консенсусного государства требуется время; простое провозглашение формальных правил — прямой путь к разочарованию, если не к катастрофе. Как упоминалось выше, большинство латиноамериканских стран после получения независимости приняли конституции по образцу конституции США, но это привело к совершенно иным последствиям. Успешная консенсусная политика должна строиться на фундаменте в виде набора норм, которые бы сдерживали игроков, а для возникновения этих норм необходимо время. Постепенный процесс усовершенствования врожденных навыков, при котором внешняя помощь в виде содействия в образовании, здравоохранении и других сферах будет явным образом направлена на перенос этих навыков в развивающуюся страну, в конце концов приведет к накоплению достаточного человеческого капитала, который является необходимым условием для консенсусного государства. Очевидно, любые сознательные усилия увеличить человеческий капитал низкоэффективных экономик должны строиться на четком понимании культурного наследия, присущего этой экономике.

4

Сложная взаимозависимая структура нашей современной политической экономики приобретала свою нынешнюю форму в течение длительного времени и, как правило, стихийным образом. В результате мы обладаем очень несовершенным пониманием того, какая структура обеспечивает ее эффективность. Но как только мы пытаемся повысить эффективность низ-

коэффициентных экономик, то сразу же сталкиваемся со сложными проблемами, вытекающими из этой взаимозависимости. Для обобщения разрозненных знаний требуется не одна только система цен. Как отмечалось в главе IX, современная специализация порождает специфические трансакционные издержки, связанные с оценкой количественных и рабочих характеристик товаров и услуг, для которой не годятся специальные знания данного индивида, но без которой невозможно эффективное сочетание разрозненных знаний.

Богатство народов в понимании Адама Смита является функцией специализации и разделения труда. Однако логика специализации и разделения труда предполагает наличие мира, в котором индивиды хорошо знакомы со своей специальностью, но вследствие этого меньше знают об остальном мире. Хайек дополнительно подчеркивает то важное обстоятельство, что вследствие своей специализации индивиды обладают весьма несовершенным пониманием общего характера политической и экономической системы. Хайек, несомненно, прав в том отношении, что наши знания всегда в лучшем случае фрагментарны, и его первопроходческое исследование о когнитивной науке послужило фундаментом для объяснения этого несовершенства понимания. С другой стороны, Хайек не понял того, что у нас нет иного выбора, кроме попыток социальной инженерии, хотя мы наверняка встанем на его сторону, когда он выступает против сторонников социалистического планирования, настаивая на том, что система цен эффективнее любых других. Для того чтобы рассмотреть общую аргументацию в правильном свете, мы должны вернуться к природе сознания. Сознание связано с человеческой интенциональностью, строящейся на поразительных силах воображения и творчества, присущих нашему разуму. Но, как отмечалось выше, сознание может служить источником и творческого существования, и наших способностей к саморазрушению.

Сущность понимания той роли, которую играют институты в обществе, заключается в признании того, что они воплощают в себе интенциональность нашего сознания. Как структура отдельных рынков, так и вся политико-экономическая система порождена человеческим разумом, а ее функционирование осуществляется отнюдь не автоматическим или «естественным» образом. Более того, эту структуру необходимо постоянно корректировать в соответствии с изменением основных параметров, относящихся к технологии, информации и человеческому капиталу, если мы хотим, чтобы она хорошо функционировала (что бы под этим ни понималось). При отсутствии экстерналий, неполной и асимметричной информации и «проблемы безбилетника» мы можем представить себе такую систему цен, которая препятствовала бы экономическим сложностям перемен. Но подобная модель не учитывает человека и до сих пор не вполне изученные черты его поведения в неэргодичном мире. Эти черты включают в себя то, как люди понимают окружающий их изменчивый мир, особенно в отношении взаимодействия между экономическими изменениями и изменениями, затрагивающими государство, но также и в отношении изменений в военной технологии, которые дестабилизируют существующее равновесие между разными частями общества. Как отмечалось в главе II, в эргодичном мире нам в конце концов удалось бы все наладить, но в том мире, где мы живем и где постоянно сталкиваемся с различными новшествами, такой гарантии не существует. Наилучший рецепт, помогающий справляться с новыми ситуациями, — это тот, который предлагал Хайек много лет назад и который служит источником материальных успехов США, заключааясь в том, чтобы иметь институты, позволяющие использовать метод проб и ошибок. Такая структура включает в себя не только различные институты и организации, дающие возможность проводить альтернативную политику, но и эффективные сред-

ства по устранению неудачных решений. Адаптивная эффективность появляется лишь после относительно длительного периода развития неформальных норм, и нам неизвестно, как ускорить этот процесс.

5

Сделав все эти оговорки относительно нашего понимания того, каким образом повысить экономическую эффективность, давайте задумаемся над тем, в самом ли деле все настолько плохо.

1. Первое условие для повышения экономической эффективности — четкое понимание причин низкой экономической эффективности. Первым важным шагом на этом пути служит измерение транзакционных издержек на различных рынках продукции и факторов производства. Имея эту информацию, мы сможем выявить источники низкой эффективности, скрывающиеся в институционально-организационной структуре. Однако высокие транзакционные издержки нередко вообще препятствуют производству данного товара или оказанию данной услуги, которые могли бы стать прибыльным делом с учетом существующей совокупности факторов производства. Поэтому существенным дополнительным требованием является четкое понимание потенциальных перспектив экономики с тем, чтобы снижение транзакционных издержек открыло возможности для расширения спектра товаров и услуг, которые может предложить данная экономика.

2. С целью оптимизации институциональной структуры мы должны прежде четко представлять себе причины существования конкретного институционального каркаса. Мы должны знать, откуда мы движемся, чтобы представлять себе, куда мы можем прийти. Понимание культурного наследия общества — необхо-

димое условие для осуществления «выполнимых» перемен. Мы должны иметь не только четкое понимание структуры представлений и убеждений, служащей фундаментом для существующих институтов, но и тех пределов, в рамках которых система представлений поддается изменениям, позволяющим создание более производительных институтов. Только тогда нам станут известны источники существующих институтов и их организационной основы и мы сможем определить направление возможных структурных реформ.

3. Перед лицом конкуренции со стороны развитых экономик неразвитые экономики сталкиваются с дополнительными проблемами, связанными с обобщением разрозненных знаний, которое необходимо для снижения издержек производства. «Глобальная экономика» — это не плоская игровая площадка. Уже развитые экономики обладают крупным преимуществом в виде институционально-организационного каркаса, который (пусть и несовершенным образом) содержит в себе производственный потенциал, создаваемый обобщением разрозненных знаний, без которого невозможно эффективное производство в мире, где царит специализация. Такую институционально-организационную матрицу нельзя создать за одну ночь. Поэтому поддержание конкурентоспособности в краткосрочном плане требует разнообразных видов государственного вмешательства — с одновременным принятием мер к тому, чтобы оно продолжалось не бесконечно.

4. Необходимой предпосылкой к повышению эффективности является реалистичная политика по созданию требуемых экономических институтов и осуществлению эффективных мер принуждения. В стране, не имеющей наследия формальных и неформальных институтов консенсусной политики, путь к созданию эффективной политической системы требует

либо наличия авторитарного правителя, обладающего пониманием, желанием и возможностями к установлению необходимых экономических правил и их соблюдению, либо намного более продолжительного процесса постепенного развития, осуществляемого с помощью неправительственных организаций (НПО) и эффективной зарубежной помощи, в рамках которой эффективно осуществляется продуманное содействие в сферах образования, здравоохранения, правосудия и пр. с целью передачи местному населению необходимых знаний и навыков²⁶. Побочной экстерналией при этом является постепенное накопление политического человеческого капитала, необходимого для проведения эффективной консенсусной политики. Мне неизвестны серьезные рецепты ускорения этого процесса, который также включает дополнительное требование, касающееся «склонения» существующего правительства к отказу от вмешательства, которое бы препятствовало подобным местным усовершенствованиям и передаче знаний.

В том случае, когда существуют принципиальные условия для консенсусной политики, принятие институциональных правил, повышающих прозрачность государства, позволит производить более эффективный мониторинг за его действиями. Существует обширная литература по эффективной (то есть способствующей экономическому росту) экономической политике во всех ее вариантах, в большей или меньшей степени совпадающей с идеями Мэдисона, высказанными им в «Федералисте».

Как отмечалось выше, изменения экономических правил влекут за собой появление победивших и проигравших, и необходимо помнить об их существовании, об их доступе к политическому процессу и, соответственно, о способности проигравших оказывать

²⁶ Обсуждение ряда проблем, связанных с осуществлением такой помощи, см.: [Mwabu et al., 2001].

противодействие вносимым изменениям. И хотя «коузианские» решения не всегда возможны, осознание издержек и прибылей может привести к таким институциональным изменениям, которые смогут ослабить противодействие.

Предшествующие страницы были призваны показать со всей наглядностью, что у нас нет готового рецепта по обеспечению экономического развития. Никакая экономическая модель не в состоянии учесть всех тонкостей экономического роста в конкретном обществе. В то время как источники роста производительности хорошо известны, процесс экономического роста варьируется в зависимости от общества, отражая различия как в культурном наследии, так и в географических, физических и экономических условиях. Задача данной книги в том, чтобы читатель мог разбираться в процессе экономического роста, прежде чем принимать меры по повышению эффективности; более того, вы должны иметь углубленное знакомство с конкретными характеристиками общества, прежде чем пытаться изменить его. Кроме того, вы должны разбираться в хитросплетениях институциональных изменений, чтобы эффективно осуществлять эти изменения.

ХІІІ. КАМО ГРЯДЕШИ?

Беспрецедентное экономическое развитие последних нескольких столетий с теми последствиями, которое оно имело в плане материального прогресса и увеличения продолжительности жизни, создает контекст для последующего прогресса и задает для него перспективу, имея на то полное право. Рост объемов знаний привел к таким материальным усовершенствованиям, которых наши предки не могли себе пред-

ставить и в самых смелых мечтах. Принятое сейчас в США определение бедности (доход примерно в 18 тысяч долларов в год на семью из четырех человек) превышает (с учетом инфляции) уровень жизни всего человечества, за исключением его незначительной доли, несколько столетий назад. Как уже упоминалось, критерий прогресса иногда сводится к росту объемов знаний, и пока не наблюдается никакого снижения отдачи от этого роста, применяемого для преодоления дефицита материальных благ. Однако наше исследование в первую очередь посвящено институтам и тому, как люди создают их ради снижения неопределенности. В данном отношении людям также удалось построить сложные общества, состоящие из институтов, которые используют запасы знаний для создания продуктивных экономик. И все же, если мы рассмотрим условия существования человечества в широком контексте общей политической, экономической и социальной структуры, то придем к весьма неоднозначным результатам.

Изложенные ранее соображения неизбежно сказываются на нашем видении будущего человечества. Наши способности в смысле предвидения весьма ограничены, вследствие чего грядущие перспективы человечества остаются неопределенными. Понимание процесса экономических изменений включает в себя осознание колоссального роста экономического благосостояния и глубокой неопределенности, характерной для этого процесса и ожидающей нас в будущем. В этой последней главе мы вкратце рассмотрим некоторые последствия этого подхода для будущих условий существования человечества. Далее мы рассмотрим эволюцию представлений, адаптируемость людей и их способность к новизне, сомнительные успехи институциональной адаптации и пределы адаптивной эффективности.

1

Из предыдущих глав читателю должно быть ясно, что помимо крайней недостаточности наших знаний о себе сама природа сознания представляет собой обоюдоострый меч. Сознание служит источником и вдохновляющей силой чудесных творческих свершений и всего того, что те влекут за собой в плане улучшения условий существования, и в то же время оно является источником суеверий, догм и религий, которые (наряду с сопутствующими им культурными условиями) привели к Холокосту, бесконечным войнам, одичанию человека и современному (и не только современному) терроризму. Достаточно ли мы знаем о том, как мозг и разум воспринимают свое окружение, чтобы разобраться в источниках представлений? И вообще многое ли нам известно о том, как нерациональные представления в сочетании с различными культурными атрибутами порождают те или иные антисоциальные настроения? «Самосознание» людей в различном окружении породило колоссальное разнообразие систем представлений, которые являлись, являются и будут являться важнейшим фактором, определяющим поведение людей. Но мы слишком мало знаем о том, как развиваются системы представлений, как они распространяются и какое влияние оказывают на итоги человеческой деятельности. Чудовищная разрушительная сила современного оружия превращает такое понимание в необходимое условие человеческого выживания.

2

Ключевой тезис нашего исследования сводится к тому, что неэргодическая природа нашего мира затрудняет успешный ответ на бесчисленные новшества, с которыми сталкиваются люди, создавая все более сложную и взаимозависимую человеческую среду. Эта проблема

распадается на две части: насколько хорошо разум членов общества приспособлен к решению новых проблем и насколько новыми являются эти проблемы. Вполне возможно, что некоторые члены общества распознали «истинную» природу проблемы, но не имеют возможностей для изменения соответствующего института. Необходимо, чтобы таким пониманием обладали те, кто принимает политические решения, однако ничуть не заметно, чтобы обществу была присуща тенденция «назначать» подобных проницательных людей на ключевые роли.

Важно также то, как работает разум: если психологи-эволюционисты правы в том, что большая часть наших поступков обусловлена наследственностью, то насколько велика гибкость людей, сталкивающихся с чем-то новым? Те проблемы, с которыми люди встречаются сегодня и встретятся завтра, мало похожи на проблемы, одолевавшие охотника и собирателя. Степень новизны, очевидно, является критическим фактором, определяющим потенциал успеха при решении этих проблем. Мы любим разглагольствовать о технологических изменениях, об Интернете, о генной инженерии, якобы помогающих справиться с нашими проблемами, не замечая новых проблем, возникающих вследствие соответствующих изменений человеческой среды. Создаваемый нами взаимозависимый мир требует грандиозных социальных перемен и самым непосредственным образом ставит на повестку дня вопрос о человеческой адаптируемости.

3

Снижение информационных издержек и открытый доступ всех обществ к успехам других обществ, очевидно, ускорили процесс имитации институтов и повысили их адаптируемость. Но, несмотря на эту доступность, разрыв между развитыми и слаборазвитыми странами продолжает увеличиваться. Из наших пред-

ставлений о процессе изменений, изложенных в предыдущих главах, ясно, насколько трудно отстающим догнать передовые страны. Мы по-прежнему не знаем, как создать такие государства, которые бы руководствовались экономическими правилами, верно задающими стимулы. Мы до сих пор обладаем очень неполным пониманием сложной институциональной и технологически взаимозависимой политэкономической структуры, необходимой для повышения эффективности. Печальная история крайне скромных успехов в поощрении экономического развития стран Африки южнее Сахары и Латинской Америки свидетельствует о том, что нам предстоит проделать немалый путь, прежде чем мы научимся уверенно создавать институты, повышающие экономическую эффективность. В то же время потрясения, одолевающие исламский мир (включая в себя и его крайне непростые отношения с окружающим миром), ставят под большое сомнение открывающиеся перед человечеством перспективы. Бурная история России с начала 1990-х годов служит еще одним отрезвляющим примером того, как трудно создать новые работоспособные институциональные рамки. Осложняющим фактором является сам процесс изменений, из-за которых решения, почерпнутые из былого опыта, могут оказаться непригодными в новом контексте. Экономисты цепляются за теоретические построения, созданные применительно к развитым экономикам родом из XIX века, основные проблемы которых связаны с распределением ресурсов. Эта теория, которую экономисты настойчиво пытаются применять к фундаментальным проблемам развития, просто не годится для решения вопросов, поставленных в настоящем исследовании.

4

Все общества с течением времени приходят в упадок и разрушаются. Некоторые из них, подобно Риму, су-

ществуют в течение столетий; другие, например Советский Союз, возникают и исчезают в пределах сотен лет. Мансур Олсон утверждает, что в отсутствие периодических революций заинтересованные группировки стремятся к тому, чтобы общество окостенело, и стараются ставить палки в колеса тем мерам по повышению эффективности, которые и обеспечивают экономический рост. Непродолжительная история Советского Союза — яркий пример тех ловушек, которые присущи негибким институциональным рамкам. То, что я называю адаптивной эффективностью, представляет собой непрерывное состояние, при котором общество продолжает изменять старые или создавать новые институты с появлением очередных проблем. Сопутствующим требованием является наличие такого государственного устройства и экономики, которые были бы готовы к непрерывным испытаниям перед лицом хронической неопределенности и устраняли бы те институциональные адаптации, которые неспособны справляться с новыми проблемами. Хайек помещает это условие в центр всей своей аргументации о том, как обеспечить выживание человечества. Это же условие, несомненно, является характерной чертой масштабного общественного развития США за последние несколько столетий, несмотря на все темные пятна, омрачающие историю этой страны. Еще одним скрытым источником, по-видимому, является создание набора неформальных институциональных ограничений, служащих надежным средством против возникновения жестких монополий в любых обличьях. Но создание таких ограничений является в большей степени делом случая, чем целенаправленных усилий. И даже если мы знаем, как они возникают, их развитие занимает длительное время и они явно не поддаются сознательному воспроизведению и не склонны к дублированию в краткосрочной перспективе. Более того, нет никаких гарантий, что гибкие институциональные структуры, обладаю-

ХIII. Камо грядеши?

щие адаптивной эффективностью, сохраняются во все более сложном, создаваемом нами мире. Экономический упадок множества цивилизаций в прошлом свидетельствует о том, что и адаптивная эффективность может иметь свои пределы.

Может быть, с этим печальным положением покончил рост объема знаний? Такую идею нам внушают исходящие из мозговых центров радужные прогнозы, в которых наука и технология называются спасителями человечества, однако принципы принятия решений формируются под влиянием сложного процесса эволюции сознания в контексте разнообразного человеческого опыта. Чтобы понять состояние, в котором пребывает человечество, в первую очередь следует учитывать интенциональность игроков. Экономисты пришли к верному выводу о том, что экономическая наука — это теория выбора. Но для того чтобы сделать перспективы человечества более обнадеживающими, мы должны разбираться в причинах, управляющих принятием решений. Таково необходимое условие выживания человечества.

ЛИТЕРАТУРА

- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь. М.: АСТ, 2009.
- Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск: ЭКОР, 1998.
- Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М.: Ad Marginem, 1996.
- Пинкер С. Язык как инстинкт. — М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006.
- Эльстер Ю. Социальные нормы и экономическая теория // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 3. С. 73–91.
- Abraham A., Platteau J. P. Participatory Development in the Presence of Endogenous Community Imperfections // Working Paper, University of Mutual, Department of Economics. 2002.
- Adelman I., Morris C. T. Society, Politics, and Economic Development: A Quantitative Approach. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1971.
- Alston L., Gallo A. The Erosion of Legitimate Government: Argentina, 1930–1947 // Working Paper, University of Illinois. 2001.
- Arrow K. J. Alternative Approaches to the Theory of Choice in Risk-Taking Situations // *Econometrica*. 1951. No. 19 (4). P. 404–437.
- Arthur W. B. On Learning and Adaptation in the Economy // Queen's Institute for Economic Research Discussion Paper. 1992. No. 854 (May).
- Arthur W. B. Complexity and the Economy // *Science*. 1999. No. 284 (April 2). P. 107–109.
- Arthur W. B., Purkuf S. N., Lane D. A. The Economy as an Evolving Complex System II. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1997.
- Bairoch P. Cities and Economic Development. Christopher Braider, trans. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
- Barkow J. H., Cosmides L., Tooby J. The Adapted Mind: Evolutionary Psychology and the Generation of Culture. Hew York: Oxford University Press, 1992.
- Barro R. J. Democracy and Growth // *Journal of Economic Growth*. 1996. No. 1 (1). P. 1–27.
- Barrel Y. Economic Analysis of Property Rights, 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

- Bates R. H., Figueiredo Jr. R. J. P., Weitigast B. R.* The Politics of Interpretation: Rationality, Culture and Transition // *Politics and Society*. 1998. No. 26 (4). P. 603–642.
- Baumgartner P., Sabine P.*, eds. *Speaking Minds: Interviews with Twenty Eminent Cognitive Scientists*. Princeton: Princeton University Press, 1996.
- Bean R.* War and the Birth of the Nation State // *Journal of Economic History*. 1973. No. 33 (1). P. 203–321.
- Bechtel W., Graham G.*, eds. *A Companion to Cognitive-Science*. Maiden, Mass.: Blackwell, 1998.
- Bechtel W., Abrahamsen A., Graham G.* The Life of Cognitive Science // *William Bechtel and George Graham*, eds. *A Companion to Cognitive Science*. Maiden, Mass.: Blackwell, 1998.
- Bendor J., Swistak P.* The Evolution of Norms // *American Journal of Sociology*. 2001. No. 106 (6). P. 1493–1546.
- Benz E.* *Evolution and Christian Hope: Man's Concept of the Future from the Early Fathers to Teilhard de Chardin*. Garden City: Doubleday, 1966.
- Ben-Ner A., Putterman L. G.*, eds. *Economics, Values, and Organization*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Boyd R., Richerson P.* *Culture and the Evolutionary Process*. Chicago: University of Chicago Press, 1985.
- Boyer P.* *Religion Explained: The Evolutionary Origins of Religious Thought*. New York: Basic Books, 2001.
- Burnette J., Mokyr J.* The Standard of Living through the Ages // *Julian L. S.*, ed. *The State of Humanity*. Cambridge, Mass.: Blackwell Publishers Inc., 1995.
- Calvert R.* Explaining Social Order: Internalization, External Enforcement, or Equilibrium? // *Soltan K. et al.*, eds. *Institutions and Social Order*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998.
- Chomsky N.* *Reflections on Language*. New York: Pantheon Books, 1975.
- Clark A.* *Being There: Putting Brain, Body, and World Together Again*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997.
- Clark A., Karmiloff-Smith A.* The Cognizer's Innards: A Psychological and Philosophical Perspective on the Development of Thought // *Mind and Language*. 1993. No. 8 (3). P. 488–519.
- Coleman J.* *Foundations of Social Theory*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990.
- Costa D. A., Steckel R. H.* Long-Term Trends in Health, Welfare, and Economic Growth in the United States, Historical Paper 76 //

- NBER Working Paper Series on Historical Factors in Long Run Growth. 1995 (November).
- Cox G. W., McCubbins M. D. Structure and Policy: The Institutional Determinants of Policy Outcomes // McCubbins M. D., Haggard S., eds. The Structure of Fiscal and Regulatory Policy. Washington, D. C.: World Bank, Policy Research/Finance Division, 2001.
- Damasio A. R. The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness. New York: Harcourt Brace, 1999.
- David P. A. Path Dependence and the Quest for Historical Economics: One More Chorus of the Ballad of QWERTY // Oxford University Discussion Papers in Economic and Social History. 1997. No. 20 (November).
- Davidson P. Is Probability Theory Relevant for Uncertainty? A Post-Keynesian Perspective // Journal of Economic Perspectives. 1991. No. 5 (1) (Winter). P. 129–143.
- Davis L. K., North D. C. Institutional Change and American Economic Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
- Dawkins R. Unweaving the Rainbow. Science, Delusion, and the Appetite for Wonder. Boston: Houghton-Mifflin, 1998.
- Deevey E. S. The Human Population // Ehrlich P. R., Holdren J. P., Holm R. W., eds. Man and the Ecosphere. San Francisco: W. H. Freeman. Reprinted from Scientific American, 1971. Vol. 203 (1960). P. 195–204.
- Figueiredo R., Weingast B. R. Rationality of Fear: Political Opportunism and Ethnic Conflict // Snyder J., Walter B., eds. Military Intervention in Civil Wars. New York: Columbia University Press, 1999.
- Demsetz H. Toward a Theory of Property Rights // American Economic Review. 1967. No. 57 (2). P. 347–359.
- Dennett D. C. Consciousness Explained. Boston: Little Brown, 1991.
- Dennett D. C. The Mystery of Consciousness // New York Review of Books. 1995. No. 42 (20). P. 83.
- Denzau A. T., Norm D. C. Shared Mental Models: Ideologies and Institutions // Kyklos. 1994. No. 47 (1). P. 3–31.
- Denzau A., Zak P. Economics Is an Evolutionary Science // Somit A., Peterson S., eds. Evolutionary Approaches in the Behavioral Sciences: Toward a Better Understanding of Human Nature. New York: Elsevier, 2001.
- Roover R. The Organization of Trade // Postan M. M., Rich E. E., Miller E., eds. The Cambridge Economic History of Europe 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1965.

- Donald M.* Origins of the Modern Mind: Three Stages in the Evolution of Culture and Cognition. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991.
- Donald M.* Hominid Enculturation and Cognitive Evolution // Renfrew C., Scarre C., eds. Cognition and Culture: The Archaeology of Symbolic Storage. University of Cambridge: Monographs of the McDonald Institute for Archaeological Research, 1998. P. 7–17.
- Donald M.* The Cognitive Foundations of Institutional Knowledge. Stanford University: Second KNEXUS Research Symposium, 2000 (July 31 — August 2).
- Donald M.* A Mind So Rare: The Evolution of Human Consciousness. New York: W. W. Norton and Co., 2001.
- Dopfer K.*, ed. Evolutionary Foundations of Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Dosi G., Marengo L., Fagiolo G.* Learning in Evolutionary Environments // Dopfer K., ed. Evolutionary Foundations of Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Easterlin R. A.* Growth Triumphant: The Twenty-first Century in Historical Perspective. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996 [1998 paperback].
- Easterlin R. A.* How Beneficent Is the Market? A Look at the Modern History of Mortality // European Review of Economic History. 1999. No. 3 (3). P. 257–294.
- Edelman G. M.* Bright Air, Brilliant Fire: On the Matter of the Mind. New York: Basic Books, 1992.
- Edelman G. M., Tononi G.* Consciousness: How Matter Becomes Imagination. London: Penguin Books, 2001.
- Eggertsson T.* No Experiments, Monumental Disasters: Why It Took a Thousand Years to Develop a Specialized Fishing Industry in Iceland // Journal of Economic Behavior and Organization. 1996. No. 30 (1). P. 1–23.
- Eggertsson T.* Sources of Risk, Institutions for Survival, and a Game against Nature in Premodern Iceland // Explorations in Economic History. 1998. No. 35 (1). P. 1–30.
- Elman J.* Connectionism and Artificial Life // Bechtel W., Graham G., eds. A Companion to Cognitive Science, 496. Maiden, Mass.: Blackwell, 1998.
- Elster J.* Rationality and the Emotions // Economic Journal. 1996. No. 106 (438). P. 1386–1397.
- Elster J.* Emotions and Economic Theory // Journal of Economic literature. 1998. No. 36 (1). P. 47–74.

- Elton G. R.* The Tudor Revolution in England. Cambridge: Cambridge University Press, 1953.
- Ferdinand P.* Bukharin and the New Economic Policy // Kemp-Welch A., ed. The Ideas of Nikolai Bukharin. Oxford: The Clarendon Press, 1992.
- Fogel R. W.* The Escape from Hunger and Premature Death 1700–2100: Europe, America, and the Third World. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Fogel R. W., Costa D. L.* A Theory of Technophysio Evolution, with Some Implications for Forecasting Population, Health Care, and Pension Costs // *Demography*. 1997. No. 34 (1). P. 49–66.
- Greif A.* Reputation and Coalition in Medieval Trade: Evidence on the Maghribi Traders // *Journal of Economic History*. 1989. No. 49 (4). P. 557–582.
- Greif A.* Contract Enforceability and Economic Institutions in Early Trade: The Maghribi Traders' Coalition // *American Economic Review*. 1993. No. 83 (3). P. 525–548.
- Greif A.* On the Political Foundations of the Late Medieval Commercial Revolution: Genoa During the Twelfth and Thirteenth Centuries // *Journal of Economic History*. 1994a. No. 54 (2). P. 271–287.
- Greif A.* Cultural Beliefs and the Organization of Society: A Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Societies // *The Journal of Political Economy*. 1994b. No. 102 (5). P. 912–950.
- Greif A.* Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Greif A.* Impersonal Exchange without Impartial Law: The Community Responsibility System // *Chicago Journal of International Law*. 2004. No. 5 (1). P. 109–138.
- Grossman G.* Subverted Sovereignty. Historic Role of the Soviet Underground // Cohen S. S. et al., eds. The Tunnel at the End of the Light Privatization, Business Networks, and Economic Transformation in Russia. Berkeley: University of California International and Area Studies Digital Collection, Research Series, 1998. #100, <<http://repositories.cdlib.org/udaspubs/research/100>>.
- Haber S., Razo A., Maurer N.* The Politics of Property Rights: Political Instability, Credible Commitments, and Economic Growth in Mexico, 1876–1929. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Hahn F. H.* Information, Dynamics, and Equilibrium // *Scottish Journal of Political Economy*. 1987. No. 34 (4). P. 321–334.

- Hayami Y., Aoki M.*, eds. The Institutional Foundations of East Asian Economic Development: Proceedings of the IEA Conference Held in Tokyo, Japan. New York: St. Martin's Press, 1998. IEA Conference Volume. No.127.
- Hayek F. A.* The Sensory Order: An Inquiry into the Foundations of Theoretical Psychology. Chicago: University of Chicago Press, 1952.
- Hayek F. A.* The Constitution of Liberty. Chicago: University of Chicago Press, 1960.
- Heiner R.* The Origin of Predictable Behavior. American Economic Review. 1983. No. 73 (4). P. 560–595.
- Henrich J.* et al. Search of Homo economicus: Experiments in 15 Small-Scale Societies // American Economic Review. 2003. No. 91 (2). P. 73–79.
- Hexter J. H.* Introduction // Hexter J. H., ed. Parliament and Liberty from the Reign of Elizabeth to the English Civil War. Stanford: Stanford University Press, 1992.
- Hill K.* The Decline in Childhood Mortality // Simon J. L., ed. The State of Humanity. Cambridge, Mass.: Blackwell Publishers Inc., 1995.
- Hodgson G.* Economics and Evolution. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1993.
- Hoffman E., McCabe K., Smith V.* Behavioral Foundations of Reciprocity: Experimental Economics and Evolutionary Psychology // Economic Inquiry. 1998. No. 36 (3). P. 335–352.
- Hogarth R. M., Reder M. W.*, eds. Rational Choice: The Contrast Between Economics and Psychology. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Holland J. H.* et al. Induction: Processes of Inference, learning, and Discovery. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1986.
- Hughes J. R. T.* The Governmental Habit. New York: Basic Books, 1977.
- Hutchins E.* Cognition in the Wild. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1995.
- Hutchins E., Hazelhurst B.* Learning in the Cultural Process // Langston C. G. et al., eds. Artificial Life II. Redwood City, Calif.: Addison-Wesley, 1992.
- Karmiloff-Smith A.* Precis of Beyond Modularity: A Developmental Perspective on Cognitive Science (with Peer Commentary) // Behavioral and Brain Sciences. 1994. No. 17 (4). P. 683–745.
- Keefer P.* Clientelism, Credibility, and Democracy // World Bank Working Paper. 2002 (November).

- Knight F. H.* Risk, Uncertainty, and Profit. New York: Houghton Mifflin and Co., 1921.
- Knight J., North D. C.* Explaining Economic Change: The Interplay Between Cognition and Institutions // *Legal Theory*. 1997. No. 3 (September). P. 211–226.
- Kroner M.* Population Growth and Technological Change: One Million B. C. to 1990 // *Quarterly Journal of Economics*. 1990. No. 108 (3). P. 681–716.
- Kuran T.* The Economic System in Contemporary Islamic Thought // *International Journal of Middle East Studies* 1986. No. 18 (2). P. 135–164.
- Kuran T.* Islam and Underdevelopment: An Old Puzzle Revisited // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1997. No. 153 (1). P. 41–71.
- Kuran T.* The Islamic Commercial Crisis: Institutional Roots of Economic Underdevelopment in the Middle East // *Journal of Economic History*. 2003. No. 63 (2). P. 414–446.
- Law M., Kim S.* Specialization and Regulation: The Rise of Professionals and the Emergence of Occupational Licensing Regulation in America. Draft, Washington University in Saint Louis. Used by permission. 2003.
- Lewin M.* Russia/USSR/Russia. New York: The New Press, 1995.
- Loasby B. J.* Knowledge, Institutions, and Evolution in Economics. London: Routledge, 1999.
- Lucas R.* Tobin and Monetarism: A Review Article // *Journal of Economic Literature*. 1981. No. 19 (2) (June). P. 558–567.
- Lupla A., Popkin S. L., McCubbins M. D.*, eds. Elements of Reason: Cognition, Choice, and the Bounds of Rationality. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Macfarlane A.* The Origins of English Individualism. Oxford: Oxford University Press, 1978.
- Maddison A.* Monitoring the World Economy 1820–1992. Organisation for Economic Cooperation and Development. 1995.
- Maddison A.* The World Economy: A Millennial Perspective. Organisation for Economic Cooperation and Development. 2001.
- Maitland F. W.* The Constitutional History of England: A Course of Lectures. London: Cambridge University Press, 1963.
- Manski C. E.* Treatment under Ambiguity // Santa Fe Institute Working Paper. 1996. No. 96-10-078.
- Martens B.* The Cognitive Mechanics of Economic Development: Economic Behavior as a Response to Uncertainty // Working Paper, Max Planck Institute. 1999.

- Martens B.* The Cognitive Mechanics of Economic Development and Institutional Change. London: Routledge, 2004.
- McCabe K.* Reciprocity and Social Order: What Do Experiments Tell Us about the Failure of Economic Growth? // Working Paper, George Mason University. 2003.
- McCauley R.* Levels of Explanation and Cognitive Architecture // Bechtel W., Graham G., eds. A Companion to Cognitive Science. Maiden, Mass.: Blackwell, 1998.
- McFaul M.* State Power, Institutional Change, and the Politics of Privatization in Russia // World Politics. 1995. No. 47 (2) (January). P. 210–243.
- McFaul M.* Lessons from Russia's Protracted Transition from Communist Rule // Political Science Quarterly. 1999. No. 114 (1). P. 103–131.
- McFaul M.* Russia's Unfinished Revolution. Ithaca: Cornell University Press, 2001.
- McGuire M., Olson M.* The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force // Journal of Economic Literature. 1996. No. 34 (1). P. 72–96.
- McKeown T.* The Modern Rise of Population. New York: Academic Press, 1976.
- Milgrom P. R., North D. C., Weingast B. R.* The Role of Institutions in the Revival of Trade: The Law Merchant, Private Judges, and the Champagne Fairs // Economics and Politics. 1990. No. 2 (1). P. 1–23.
- Miller G.* Managerial Dilemmas. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Mitchell B. R.* European Historical Statistics 1750–1970. London: Macmillan, 1975.
- Mitchell B. R.* International Historical Statistics: The Americas and Australasia, 1750–1988. London: Macmillan, 1983.
- Mokyr J.* The Lever of Riches. New York: Oxford University Press, 1990.
- Mokyr J.* Knowledge, Technology, and Economic Growth During the Industrial Revolution // Ark B. V. et al., eds. Productivity, Technology and Economic Growth. The Hague: Kluwer Academic Press, 2000.
- Mokyr J.* The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy. Princeton: Princeton University Press, 2002.
- Mwabu G., Ugaz C., White G., eds.* Social Provision in Low Income Countries. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- North D. C.* Structure and Change in Economic History. New York: W. W. Norton and Co., 1981.

- North D. C.* A Transaction Cost Theory of Politics // *Journal of Theoretical Politics*. 1990a. No. 2 (4). P. 355–367.
- North D. C.* Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990b.
- North D. C.* Institutions, Transactions Costs, and the Rise of Merchant Empires // Tracy J., ed. *The Political Economy of Merchant Empires*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- North D. C.* Economic Performance through Time // *American Economic Review*. 1994. No. 84 (3). P. 359–368.
- North D. C.* Five Propositions about Institutional Change // Knight J., Sened I., eds. *Explaining Social Institution*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995a.
- North D. C.* The Paradox of the West // Davis R. W., ed. *The Origins of Modern Freedom in the West*. Stanford: Stanford University Press, 1995b.
- North D. C., Thomas R. P.* *The Rise of the Western World*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
- North D. C., Weingast B. R.* Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England // *Journal of Economic History*. 1989. No. 49 (4). P. 803–832.
- North D. C., Summerhiil W., Weingast B. R.* Order, Disorder, and Economic Change: Latin America versus North America // Bruce Bueno de Mesquita and Hilton Root, eds. *Governing for Prosperity*. New Haven: Yale University Press, 2000.
- Nove A.* *An Economic History of the U. S. S. R.* London: Allen Lane, 1969.
- Pirenne H.* *Early Democracies in the Low Countries: Urban Society and Political Conflict in the Middle Ages and the Renaissance*. New York: Harper and Row, 1963.
- Platteau J.-P., Hayami Y.* Resource Endowments and Agricultural Development: Africa versus Asia // Hayami Y., Aoki M., eds. *The Institutional Foundations of East Asian Economic Development: Proceedings of the IEA Conference Held in Tokyo, Japan, 357–410*. New York: St. Martin's Press; IEA Conference Volume. 1998. No. 127.
- Powell W.* Interorganizational Collaboration in the Biotechnology Industry // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1996. No. 152 (1). P. 197–215.

- Power E.* The Wool Trade in English Medieval History. New York: Oxford University Press, 1941 (1965).
- Previte-Orton C.* The Shorter Cambridge Medieval History, Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.
- Rakove L., Rutten A. R., Weingast B. R.* Ideas, Interests, and Credible Commitments in the American Revolution // Working Paper, the Hoover Institution, Stanford University. 2001.
- Roeder P. G.* Red Sunset: The Failure of Soviet Politics. Princeton: Princeton University Press, 1993.
- Rosenberg N., Birdzell L. E.* How the West Grew Rich. New York: Basic Books, 1986.
- Rosenberg C.* The Therapeutic Revolution: Medicine, Meaning, and Social Change in Nineteenth-Century America // Vogel M., Rosenberg C., eds. The Therapeutic Revolution. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1979.
- Sacks D.* Parliament, Liberty, and the Commonwealth // Hexter J. H., ed. Parliament and Liberty from the Reign of Elizabeth to the English Civil War. Stanford: Stanford University Press, 1992.
- Samuelson P. A.* Classical and Neoclassical Theory // Clower R. W., ed. Monetary Theory. London: Penguin, 1969.
- Satz D., Ferejohn J.* Rational Choice and Social Theory // Journal of Philosophy. 1994. No. 91 (2). P. 71.
- Searle J. R.* The Mystery of Consciousness. New York: New York Review of Books, 1997.
- Solnick S.* Stealing the State. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998.
- Solow R. M.* Economic History and Economics // American Economic Review. 1985. No. 75 (2) (May). P. 328–331.
- Stiglitz J., Hellman T., Murdock K.* Financial Restraint and the Market-Enhancing View // Hayami Y., Masahiko A., eds. The Institutional Foundations of East Asian Economic Development: Proceedings of the IEA Conference Held in Tokyo, Japan. New York: St. Martin's Press; IEA Conference Volume. 1998. No. 127.
- Stubbs W.* The Constitutional History of England. Oxford: Oxford University Press, 1896.
- Stufflebeam R. S.* Representation and Computation // Bechtel W., Graham G., eds. A Companion to Cognitive Science. Maiden, Mass.: Blackwell, 1998.
- Tawney R. H.* Religion and the Rise of Capitalism. New York: Harcourt Brace and Co., 1926.

- Tooby J., Cosmides L.* The Psychological Foundations of Culture // Barkow H., Cosmides L., Tooby J., eds. *The Adapted Mind*. Oxford: Oxford University Press, 1992.
- Turner M.* Cognitive Dimensions of Social Science. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- U.S. Department of Commerce. Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1970. Washington D. C.: U.S. Govt. Printing Office, 1976.
- U.S. Department of the Treasury. Statistical Abstract of the United States. Washington D. C.: U.S. Govt. Printing Office, 2001.
- Vanberg V.* Cultural Evolution, Collective Learning, and Constitutional Design. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic, 1994.
- Wallis J. J., North D. C.* Measuring the Transaction Sector in the American Economy // Engerman S., Gall-man R. E., eds. *Long-Term Factors in American Economic Growth*. Chicago: University of Chicago Press, 1986.
- Wallis J. J., North D. C.* Should Transaction Costs Be Subtracted from Gross National Product? // *Journal of Economic History*. 1988. No. 48 (3). P. 651–654.
- Weingast B.* Political Stability and the Civil War: Institutions, Commitment, and American Democracy // Bates R. H., Greif A., Levi M., Rosenthal J. -L., Weingast B. R. *Analytical Narratives*. Princeton: Princeton University Press, 1998.
- Weingast B., Marshall W. J.* The Industrial Organization of Congress; or, Why Legislatures, Like Firms, Are Not Organized as Markets // *Journal of Political Economy*. 1988. No. 96 (1). P. 132–163.
- White L.* Medieval Religion and Technology. Berkeley: University of California Press, 1978.
- Williamson O. E., Masten S. E.*, eds. *The Economics of Transaction Costs*. London: Edward Elgar Publishing, Ltd., 1999.
- Wilson E. O.* Consilience: The Unity of Knowledge. New York: Knopf, 1998.
- Witt U.* Explaining Process and Change: Approaches to Evolutionary Theory. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992.
- Wohlgemuth M.* Democracy as an Evolutionary Method // Pelican P., Wegner G., eds. *The Evolutionary Analysis of Economic Policy*. Northampton, Mass.: Edward Elgar, 2003.

Научное издание
Серия «Экономическая теория»

ДУГЛАС НОРТ

ПОНИМАНИЕ ПРОЦЕССА
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ИЗМЕНЕНИЙ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
ЛИДИЯ ТРОФИМОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

Корректор
ЛЮБОВЬ АГАДУЛИНА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3
Тел./факс: (495) 772-95-71

Подписано в печать 02.12.2009. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 14,8. Уч.-изд. л. 13,1
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1206. Заказ № 1991

Отпечатано в ГУП ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Дуглас Норт

Понимание процесса
экономических изменений

В Ы С Ш А Я

Ш К О Л А

Э К О Н О М И К И